

1038/27

Chan Beei

Кунь

Зоопи

биф

уб.

ориз.

сн. зак.)

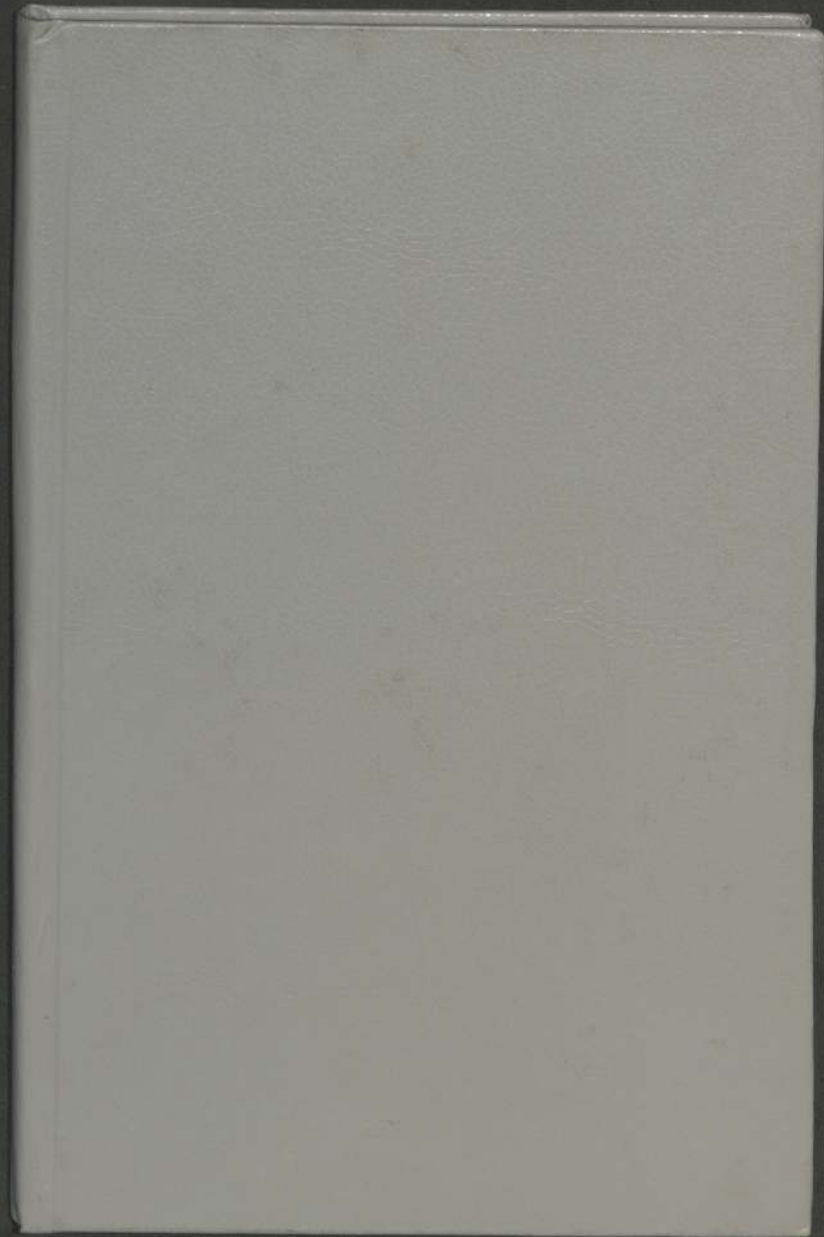
(по карт.

ж.)

(номери
в ж.)

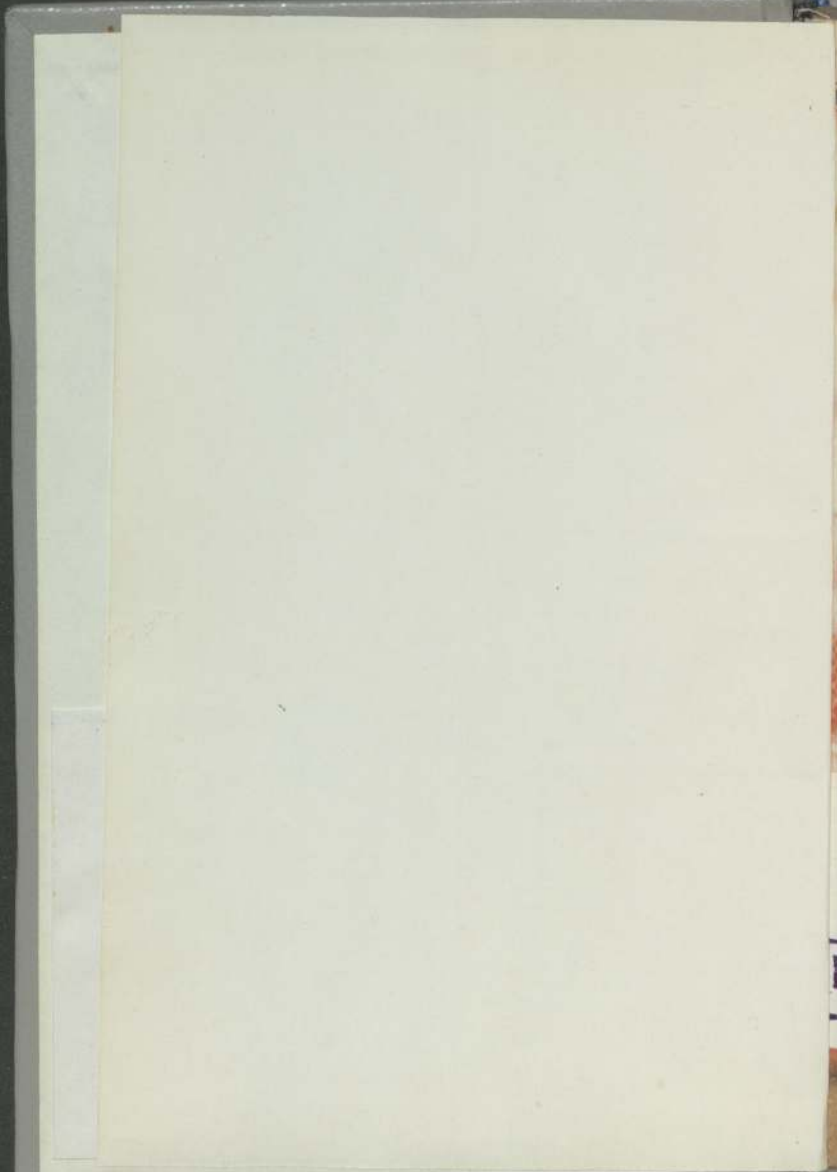
карт

в спец.

10 V-1

БО
ЗА
ЭТ
"НЕ
ЛВ
ТВ
НА
ЧТ

Заказ № 39
1990

НЕ ОБРЕЗАТЬ

альманах
Теннис '90

БОРОТЬСЯ
ЗА КАЖДЫЙ МЯЧ
ЭТОТ
"НЕСИМПАТИЧНЫЙ"
ЛЕНДЛ
ТЕННИС
НА ЭКСПОРТ
ЧТО ПРОИСХОДИТ
АТП?
ГОВОРИТЬ
ТОЛЬКО ПРАВДУ

Handwritten notes on a small white paper slip attached to the left side of the cover.

ББК 75.577
Т33

Составитель
Олег Спасский
Редколлегия:
А. Е. Ангелевич,
С. П. Белиц-Гейман,
Л. С. Борисова,
О. В. Морозова,
Ш. А. Тарпищев,
О. Д. Спасский,
Б. И. Фоменко,
В. Н. Янчук
Фото:
М. Боташева,
В. Голованова,
Д. Донского,
Р. Максимова,
В. Янчука

41
88

альманах Теннис '90

Содержание

ПРОЗА, СТИХИ	Юрий Трифонов. Игры в сумерках	2
ЛИДЕРЫ	Владимир Маяковский. Из стихотворения «Что такое игра!»	9
ИСТОРИЯ В ПРЕДМЕТАХ	Хелэйн Зейгнер. Fifteen Love	10
ВЗГЛЯД С КОРТА	Андрей Баташов. Бороться за каждый мяч	22
ЖИВАЯ ПРАКТИКА ИГРЫ	Йохен Харберг. Любовь со второго взгля- да	28
МАССОВЫЙ ТЕННИС	Йожеф Саси. Этот «несимпатичный» Лендл	34
НАШИ УВЛЕЧЕНИЯ	Всеволод Кукушкин. Музей тенниса	43
ЧТО ПРОИСХОДИТ В АТП!	Андрей Черкасов. Матч, поторопивший судьбу	45
СЛОВО НАУКЕ	Андрей Новиков. И один в поле воин	51
ПРОБЛЕМЫ...	Виталий Мелик-Карамов. Теннис на экспорт	55
«ВИРДЖИНИЯ СЛИМЗ» — У НАС В СТРАНЕ	Виктор Янчук, Алексей Патрикеев. Сквозь призму Уимблдона	59
	Александр Левинсон, Андрей Новиков. Семейная игра	67
	Борис Фоменко. Маленькие открытия большого тенниса...	71
	Йожеф Саси. Мятаж теннисных «звезд»	78
	Говорить только правду. Беседа с Андре- ем Чесноковым	82
	Анна Скородумова. Проблемы, над кото- рыми работают ведущие специалисты по теннису (заметки о конференции тренеров США)	87
	Семен Белиц-Гейман. Наконец-то!	91
	Шамиль Тарпищев. Трудный путь из про- шлого в будущее	104
	Ольга Морозова. Московский дебют «Вир- джинии Слимз», или Положение женско- го тенниса глазами старшего тренера сборной СССР	120
	«Бизнес тим» играет в Москве	126

МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА
И СПОРТ»
1990

© Издательство «Физкультура и спорт», 1990

119

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ИГРЫ В СУМЕРКАХ

Юрий
Трифонов

Мы знали их всех по именам, нас же не знал никто. Мы были просто: «Эй, мальчик! Принеси мячик!» Еще мы были: «Спасибо, мальчик», или же: «Вон там, за кустом! Левее, левее!» Они играли с четырех часов до сумерек, а мы сидели на изрезанной ножами скамейке — я и мой друг Савва — и вертели головами направо-налево, направо-налево, направо-налево. У нас болели шеи. Это длилось часами. Ни голод, ни жажда, никакие земные желания не могли отвлечь нас от этого замечательного занятия. Направо-налево, направо-налево мелькал маленький, направо-налево белый, направо-налево теннисный мячик вместе с тугими ударами, которые равномерно направо-налево, направо-налево, направо-налево вколачивались в наши мозги и укачивали, завораживали, усыпляли: мы становились как пьяные, не могли ни уйти, ни встать, хотя дома нас ждали головомойки, и продолжали, одурманенные, сидеть, вертя головами направо-налево, направо-налево, направо-налево.

С другой стороны корта — если б кто-нибудь хоть раз взглянул на нас! — мы напоминали двух китайских болванчиков, так неумоимо и плавно двигались наши головы, стриженные под полубокс. И верно, мы были болванчиками. Даже не болванчиками и вовсе не китайскими, а самыми настоящими, подмосковными, дачными, одиннадцатилетними болванами, которые тратили июльские вечера на верчение головами.

Рядом была река, песчаный скат, отмель, плоскодонки — запахи воды и крики купающихся доносились до нас, не проникая в глубь сознания. Это были запахи и шум отдаленного мира, ненужного нам.

В сумерки наступал наш час. Первым сдавался долговязый очкарик, которого мы с Саввой прозвали Дрожаский. Дрожаский очень нервничал на корте, при каждом неудачном ударе вскрикивал: «Ах, черт!», хватался за голову, рассматривал с изумлением обод своей ракетки и качал головой или же бормотал что-нибудь вроде: «Да в чем же

дело? Что со мной?» Но ничего особенного с Дрожаским не происходило. Он всегда играл одинаково. Почти одновременно с Дрожаским прекращал игру Татарников, лучший игрок, аристократ, владелец велосипеда «Эренпрайз» и образец во всем для нас с Саввой. Молчаливый, ироничный, ходивший в элегантных полосатых рубашечках, с гладко зализанными волосами (такая прическа почему-то называлась «политзачес»). Татарников настолько пренебрежительно относился к партнерам, что мог прекратить игру когда вздумается, даже в середине гейма при счете «меньше». Неожиданно поднимал ракетку и со словами: «Все, господа! Не дворянское это дело — портить глаза», — уходил с корта. И с ним никто не решался спорить. Все глотали это хамство молча и как бы даже мысленно благодарили Татарникова за то, что он вообще приходит играть. Ведь Татарников однажды играл с самим Анри Коше, и тот сказал про него: «Хороший парень».

Татарников садился на свой «Эренпрайз» и укатывал, и сразу начинала собираться Анчик. То есть не то чтобы она тут же бросала ракетку, но видно было, как все ей становилось неинтересно, она переставала стараться, мазала и пререкалась. Анчик, была смуглая, как индианка. Иногда она очень веселилась, хохотала и всех задирала, а иногда делалась мрачной и раздражительной. Бедная Анчик! Я жалел ее. И Савва тоже. Хотя Савва сказал однажды, что ему не нравятся кокетки, я видел, что он лукавит. Я замечал, как он напружинивался и покрывался пятнами, когда Анчик нежным голоском, но совершенно равнодушно обращалась к нему: «Мальчик, если тебе не трудно...» С угрюмой поспешностью он кидался за мячом, гораздо быстрее, чем обычно. Я же, наоборот, сидел молча и неприступно. Как только прекращала игру Анчик, сейчас же уходили с корта Профессор и Гравинский (он был, может быть, Краминский, Кравинский или даже Брабинский, мы точно не знали, потому что имена и фамилии улавливали на слух). Профессор и Гравинский обычно провозжали Анчик до ее дачи на третьей линии.

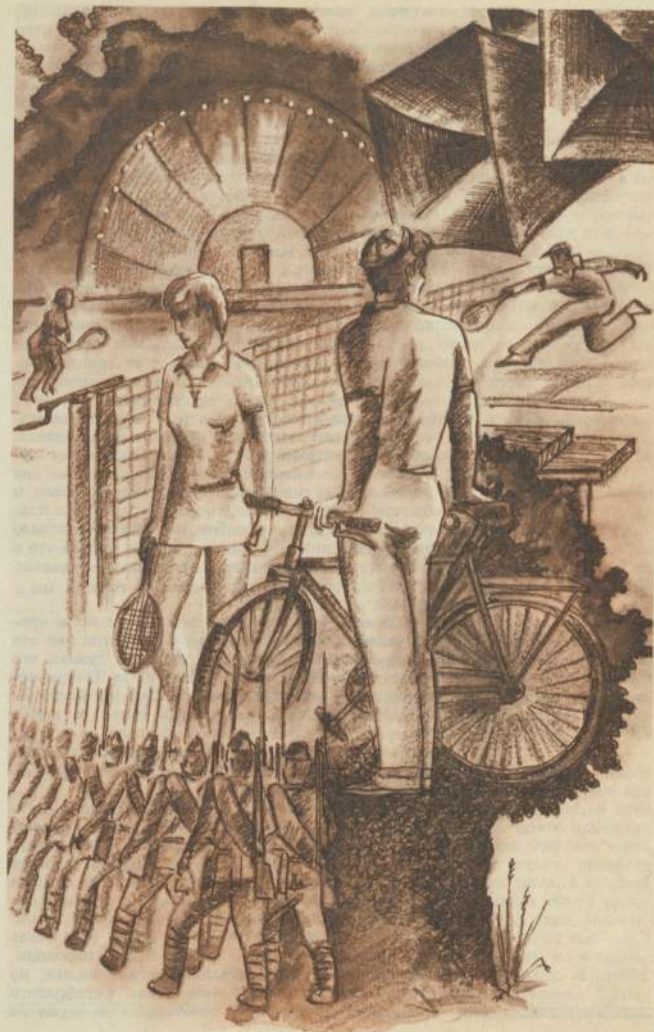
Дольше других оставался играть маленький темнотный человек в квадратных очках, владелец японской ракетки. Мы с Саввой подозревали, что он шпион. Но еще позже «шпиона» торчала на корте одна отвратительная парочка, муж и жена, которым теннис был нужен только затем, чтобы сгонять жиры. Играли они очень плохо, но упорно и долго, до темноты. Я заметил, что чем хуже игроки, тем они жаднее к игре. Мы с Саввой их ненавидели. Они отнимали у нас последние, драгоценные секунды, потому что их, как и нас, настоящие игроки не пускали на корт, но позд-

ним вечером они не пускали нас, нахально пользуясь своей привилегией взрослых: «Ребята, ребята! Вы здесь крутились целый день...» Но наконец убрались и они. Я вынимал из чехла свою динамовскую ракетку в двенадцать унций, а Савва свою немецкую, чудную, со стальными струнами, и мы выбегали на пустынный корт. В эту минуту не было людей счастливее нас.

Корт был цементный, он белел в сумерках, как просторный и чистый луг. Мы очень торопились. В темноте часто промахивались. Нам хотелось ударить посильней. То и дело сильные мячи, по которым мы не попадали, с барабанным гулом ударялись в деревянную стенку. Ни задней линии, ни квадратов уже не было видно. Летящий мяч выносился из темноты так неожиданно, что я подставлял ракетку инстинктивно, для самозащиты. Мы наслаждались минут двадцать, пока не возвращался с купания хозяин сетки Николай Григорьевич, снимал сетку и уходил. Мы еще некоторое время продолжали кидаться без сетки; собственно, в темноте было уже все равно — что с сеткой, что без сетки.

И потом долго, разговаривая о всякой всячине, брели берегом домой. На другой стороне реки, на лугу, слоями лежал туман. В реке кто-то плавал, а кто-то стоял на берегу и кричал: «Как водичка-а?» И еще кто-то бегал, согреваясь после купания, по гладкой песчаной полосе вдоль воды, и шлепанье босых ног по сырому песку раздавалось четко и мягко, как удары ладони по голому телу. Было слышно, как этот, шлепающий босыми ногами, говорил: «Бр-бр-бр!» И звездный июльский и ненужный нам мир лежал вокруг нас, среди сосен и за рекой, где на горизонте дрожали сквозь теплый воздух огни Тушина. Давно это было. Еще в те времена, когда Москву-реку переходили вброд, когда в Серебряный бор с Театральной площади ездили на длинном красном автобусе «Лейланд», когда носили чесучовые толстовки, брюки из белого полотна и парусиновые туфли, которые по вечерам натирали зубным порошком, чтобы утром они делались белоснежными, и при каждом шаге над ними взвивалось облачко белой пыли...

Сейчас трудно сказать, кем были эти люди, сколько им было лет. Они исчезли из моей жизни, а тогда я ничем этим не интересовался. Только про Гравинского знал, что он сын какого-то работника Коминтерна. Дрожачий и Профессор были, кажется, студентами, но, может быть, и нет. Татарников где-то работал, но, возможно, он и нигде не работал, потому что часто приходил на корт днем. Анчик была десятиклассницей, что,

впрочем, тоже недостоверно, и вполне вероятно, что она была уже студенткой. Я знал, что ее отец ездит в черном «роллс-ройсе». Однажды я видел, как черный автомобиль остановился возле дома на третьей линии — был страшный ливень, и я, посланный на круг за молоком, промок до нитки и плелся по шоссе, никуда не торопясь, — и из машины выпрыгнула Анчик, сняла туфли и, взвизгивая, захлопала босыми ногами к калитке. Следом за ней вылез человек в черной шляпе. Он вдруг остановился прямо в луже, снял шляпу и стоял несколько секунд в странной задумчивости, глядя в землю, подставив лысую голову дождю.

Анчик была высокая, стройная, с осиной талией, с черными, как смоль, волосами и с большими глазами, черными и глубокими, как ночь. Она мне очень нравилась. Конечно, не так, как могла бы нравиться девочка, как, например, Марина, моя одноклассница. Анчик нравилась мне платонически, как женщина. Мне нравился ее хриплый голос, нравились ее платья, сарафаны и майки, которые были как будто прошлогодние, немного малы и туго врезались ей в тело. Мне нравилось, как она ходит: размахивая руками и раскачиваясь, как матрос. Нравилась ее привычка над всеми шутить и разговаривать свысока. Нравилось, как она поднимает, не нагибаясь, мячи с корта: ловко и быстро, ободом ракетки и ногой. Я тоже умел поднимать мячи таким способом, но только с помощью левой ноги, а Анчик одинаково легко делала это и левой и правой. Мяч словно прилипал к ее ракетке. И она никогда не роняла мячи на корт. А мы с Саввой роняли часто.

Не знаю, может быть, из-за Анчик мы и при- таскивались каждый вечер на корт. Тогда мне это не приходило в голову, но теперь я думаю, что так и было. Из-за Анчик и еще из-за Татарникова, который нам тоже нравился. Ведь мы могли бы приходить днем, в жару, когда никто не играл, но пустой корт и пустые скамейки нас не устраивали — нам хотелось публики, шума, страстей, борьбы, красивых женщин и чтоб мы смотрели на все это, как в театре.

В середине лета у Саввы умер отец, и мать повезла Савву в Ленинград. Он оставил мне свою ракетку со стальными струнами. Обещал вернуться в конце лета, но не вернулся. Никогда в жизни я больше не встречал Савву и ничего не слышал о нем. И он не видел, как однажды я играл в паре с Дрожашим и что произошло следующим летом, когда открыли канал Москва — Волга: река стала полноводной и по ней начали ходить пароходы. На теннисном корте появились новые игроки, но Татарников оставался чемпионом Серебряного бора и окрестностей. С некоторыми он играл на

деньги. Давал фору четыре гейма и выигрывал.

То лето — когда пошли первые пароходы — было очень жаркое вначале, а потом зачастили дожди. Какие-то беглые, мимолетные дожди, они выпадали внезапно и шли недолго. Но полчаса или час приходилось ждать, чтобы корт высох. Теннисисты собирались под навесом, устроенным возле корта, играли в шахматы, в «города» или сидели просто так, рассказывая анекдоты. Я любил сидеть на скамейке между ними и слушать. Как-то сидели все вместе — я, Татарников, Профессор с Гравинским, Анчик и еще кто-то — и пришел один парень, Борис, и сказал, что утонул наш знакомый. Этот Борис появился на корте недавно, играл неплохо, но как-то крикливо и нахально. Спорил из-за каждого мяча. Его отец был директором завода, а раньше они жили в Тбилиси. И вот он пришел и сказал, что утонул наш знакомый. Потом-то оказалось, что никто не утонул, он все наврал, но в первую минуту все, конечно, взволновались, Анчик даже вскрикнула, и тогда этот Борис шагнул к ней — он был коренастый, небольшого роста, ниже Анчик, с очень запоминающимися, круглыми, как колени, скулами, они двигались, потому что он разговаривал всегда сжав зубы, — и он сказал, сжав зубы: «Получай, дрянь», и ударил Анчик наотмашь ребром ладони в лицо. Тут все зашумели:

— Что такое? В чем дело?

Борис не отвечал, смотрел злобным взглядом на Анчик, а она стояла, закрыв руками лицо. Она не плакала, не двигалась. В том, что Анчик ударили, и в том, как она приняла этот удар, было что-то настолько невероятное, что я остолбенело застыл на скамейке, в то время как все повскакали с мест, толкались и кричали. Профессор или Гравинский, а может быть, оба вместе хватили Бориса за грудь, а тот отмахивался и говорил спокойно:

— Не суйся. Уйди, говорю. Уйди, а то...

— Позвольте, — сказал Татарников. — Но утонул кто-нибудь или нет?

И тут Борис еще раз ударил Анчик, по рукам, закрывавшим лицо, но с такой силой, что она вся перекосилась, выгнулась назад, как ветка, и едва не упала. Потом быстро пошла, почти побежала прочь, и Борис пошел с ней рядом. Они шли через сосняк, по кустам, не разбирая дороги, деловито и устремленно, не глядя друг на друга, и каждый был в одиночестве, но их связывало что-то ужасное и простое. Они были как бы один человек, который мелькал среди сосен, уходя от нас.

Корт просох, кто-то вышел играть, но я не мог смотреть на играющих. Не мог видеть бледного лица Татарникова с его «политзачесом». Теннисисты возмущались и, я слышал, договаривались

никогда больше не играть с Борисом, с этой скотиной. «Бить женщину! Дойти до такой низости! Жалко, что он ушел, мы бы ему натерли физиономию!» Но я чувствовал, что они возмущаются чем-то другим.

После этого жизнь на корте стала как-то быстро непоправимо меняться. Одни вообще исчезли, перестали приходить, другие уехали. Приехали новые. Много новых. Говорили, что Анчик с младшей сестрой, братом и бабушкой жила на станции Лось. Но по-прежнему приезжал на своем «Эренпрайзе» Татарников, иногда приходили Дрожайский и тот человек, кого мы с Саввой считали японским шпионом. Рядом с кортом устроили волейбольную площадку, и вечерами там собиралась орава крикунов, человек сорок, играли на вылет. Галдеж стоял как на базаре.

Эта скотина Борис пришел однажды в воскресенье с приятелем как ни в чем не бывало. Оба были в жокейских шапочках. Борис спросил: кто последний? Ему не ответили. На корте было четверо, и еще четверо ждали очереди. Борис и его приятель посидели полчаса, потом стал назревать скандал. Могла быть настоящая драка, если б вдруг не услышали странный шум со стороны реки. Лес трещал под ногами сотен людей. Громадная толпа двигалась в нашу сторону с музыкой, песнями, впереди бежали мальчишки, которые сообщили, что к берегу пристал теплоход, эта толпа оттуда, и сзади идет шумовой оркестр. Теннисисты продолжали невозмутимо играть. Через минуту орда гуляющих окружила корт, некоторые были заметно навеселе, сидели прямо на траву, кто-то плясал, кто-то играл в «жучка», звучала гармошка, несколько человек вошли на корт и стали требовать, чтобы теннисисты сняли сетку. Те, разумеется, отказывались это сделать и говорили, что позовут милицию. Дрожайский особенно кипятился и кричал:

— Мы будем жаловаться! Назовите номер вашего предприятия!

Приземистый человек в панаме тоже кричал, размахивая руками:

— А вы хотите вчетвером играть, и чтоб четыре сотни людей на вас смотрели? Да? Так вы хотите?

— Вы нарушаете!

— Нет, вы нарушаете!

— Товарищи, где милиция?..

— У нас договоренность с дачным трестом!..

Пока они спорили, оркестр вышел на корт, расположился у деревянной стены, кто-то уже сдирал сетку, и первые пары зашаркали по цементу, пока еще без музыки. Но вот и вальс грянул: «Крутится, вертится шар голубой». Я видел, как

Борис, надув свои желваки, потянул за руку какую-то худую некрасивую женщину, совершенную уродину в платочке, и пошел с ней танцевать. Теннисисты еще кипятились, пытались мешать оркестру, и только Татарников не кипятился: сел на «Эренпрайз» и уехал.

Во время войны деревянную ограду корта разломали на топку. Однажды, через десятки лет, я приехал туда и поднялся на холм, чтобы увидеть то место, где начиналось так много всего, из чего потом составила моя жизнь. А тогда были только обещания. Но некоторые из них исполнились. На вершине холма я наткнулся на величественный, белеющий толстыми известковыми боками летний кинотеатр. Все, что осталось от корта, была цементная плешка, на которой толклись, разгуливая шеренгами под ручку, дачники и дачницы в ожидании начала сеанса. Впрочем, какие уж дачники! Тут была Москва, и пахло как в Москве: бензином и пыльной зеленью. Я спросил у человека в красивом, наполовину кожаном, наполовину шерстяном пуловере, не знает ли он, откуда здесь цементная площадка. «Это с войны!» — ответил человек уверенно. — Тут находились какие-то укрепления. Немец, когда летел Москву бомбить, это как раз тут, над Серебряным бором, расшибал. Это с войны, ага».

Я подошел к реке, сел на скамейку. Река осталась. Сосны тоже скрипели, как раньше. Но сумерки стали какие-то другие: купаться не хотелось. В те времена, когда мне было одиннадцать лет, сумерки были гораздо теплее.

1968 год

Вл. Маяковский ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЧТО ТАКОЕ ИГРА?»

Руки устали?
Вот тебе —

 гичка*
Мускул из стали,
 гичка,

 вычеканы!
Устали ноги?
Ногам полза!

Из комнаты-берлоги
иди

и футболся!

Спина утомилась?
Блузами вспенясь,
сделай милость,
шари в теннис.

* Гичка — быстроходная шлюпка с низкими бортами.

Хелэйн
Зейгнер

Fifteen — Love

Так, используя сугубо теннисную терминологию*, назвала свой роман американская писательница Хелэйн Зейгнер. Главная его героиня — пятнадцатилетняя Дебби Миллер, родители которой мечтают сделать из нее профессиональную теннисистку. Они заставляют дочь соблюдать строгую диету и тратить все свободное время на тренировки. Дебби же хочет жить так же, как и ее школьные друзья, которых никто не лишает обычных радостей жизни. Но когда она встречает Роба, нового партнера по тренировкам, ее противодействие родителям ослабевает. Искренняя и непосредственная, Дебби влюбляется в Роба, однако ее чувство не встречает ответа. И в этот трудный для нее момент Дебби с удивлением и радостью убеждается, что настоящую поддержку, в которой она так нуждается, ей могут оказать именно родители, которые, как она считала раньше, неспособны ее понять...

Глава III

В такое осеннее утро всех ребят в Калифорнии поднимают с постели горячие ароматы скворчащей яичницы и покрывающегося румяной корочкой бекона. А заботливые мамы осаждают своих чад вопросами: какую яичницу подать на стол — обыкновенную или глазунью, поджаривать бутерброды или нет...

Единственное исключение — наш дом. (Мы живем в университетском городке Берквуде, который расположен напротив любимого города Америки Сан-Франциско, на другой стороне залива.) Что можно услышать от моей мамы, помешанной на диете?

Ну, конечно же, хорошо знакомое:

— Как тебе разрезать грейпфрут — на четыре части или пополам?

— А как было вчера? Если сможешь, повтори, пожалуйста, вчерашнюю операцию, — еще в полусне отвечаю я. И тут же слышу голос Ирва, моего отца. Он, видимо, давно встал и жаждет вступить в диалог:

— Сколько сарказма из-за одного грейпфрута! — восклицает он. — Фрэн, — обращается он к маме, — если она не может тебе нормально ответить, пусть сама режет свой грейпфрут, как хочет...

Папа чуть ли не вырывает грейпфрут у мамы, которая уже составила план операции, и швыряет его на пустую тарелку передо мной. Когда тебе пятнадцать лет, в тебе сгорает столько калорий, что их не восполнишь одним

* Предлагаем читателям главы из романа. В переводе с английского «fifteen» — пятнадцать, «love» — любовь. В теннисе «fifteen-love» — счет 15:0.

неочищенным грейпфрутом. Но разве можно объяснить это моим родителям? Разве они в состоянии понять, что после ужасной восточной диеты (вчера я не дотронулась до обеда) мне лишь чудом удалось дожить до утра?

Как мне хотелось бы объяснить папе, что дети, которым не дают есть, просыпаются голодными и раздражительными. Но вместо этого я произношу: «Извини меня, мам», потому что боюсь: а вдруг тогда она не задаст вопрос, который обычно следует за первым: «Как тебе приготовить яйца — всмятку или в мешочек?»

В течение нескольких секунд я пытаюсь угадать, розовый ли этот грейпфрут изнутри или нет, а затем, отложив нож в сторону, начинаю чистить его толстую желтую кожуру. Нужно, думаю я, сдержаннее вести себя за завтраком, а то, чего доброго, обнаружишь в своей тарелке сырое яйцо.

Начиная с сегодняшнего дня я больше не буду тренироваться с командой. Девчонкам я сказала об этом вчера. Вернее, сказала-то я только Марлен, а она уже рассказала всем.

— Сегодня днем я постараюсь найти себе лучших партнеров для тренировок, — говорю я, чтобы утихомирить папу.

— Это прекрасно, Дебби. Ты гораздо быстрее отточешь технику, если будешь тренироваться с более зрелыми и опытными игроками.

— Как тебе приготовить яйца сегодня — всмятку или в мешочек? — точно по расписанию задает мама свой вопрос в то время, как я проглатываю последнюю — сочную и сладкую — розовую дольку грейпфрута.

— В мешочек, пожалуйста. Спасибо, мам.

— Мне тоже, — пищит мой братец Брэд, не высовывая носа из-за книжки комиксов.

— И мне! — говорит папа. — Итак, о чем я говорил? Да... У тебя остается меньше двух недель до турнира в Сакраменто, поэтому ты должна использовать тренировки с максимальной пользой. И не забывай как следует разминаться, делать растяжки и бегать трусцой перед каждым занятием. Где ты собираешься играть сегодня?

Казалось бы, пятнадцатилетнему подростку, обладающему умственными способностями выше среднего уровня, ничего не стоит ответить на такой вопрос, но в нашем дурацком университетском городке это настоящая проблема. В Берквуде теннисных кортов больше, чем игроков. Над каждой подземной автостоянкой — корты. Рядом с плавательными бассейнами — корты, в парках — корты. К школьным зданиям тоже примыкают теннисные корты. Под действием какого-то неостережимого закона каждый клочок ровной земли в этом городке сразу же превращается в корт. Мне кажется, что именно поэтому вечером около университета собираются группы местных жителей. Они и ночуют там в спальных мешках, охраняя единственный оставшийся незанятым зеленый участок. Держу пари, они боятся, что если оставить его без присмотра, то в одну прекрасную ночь он тоже превратится в подземную автостоянку, украшенную сверху зеленым теннисным кортом.

— Может, мне поиграть на Харст-стрит?

Не поднимая глаз от своей дурацкой книжки, Брэд противным голосом человека, который знает все, замечает:

— На тамошних кортах обычно играют только студенты колледжа.

— А почему бы тебе не отправиться в Роуз Гарденз? — предлагает папа. — А до тренировок ты можешь побегать трусцой по треку.

Мне нравятся это предложение. И, разумеется, вовсе не потому, что там есть все условия для бега трусцой. Карты в Роуз Гарденз расположены на Берквудских холмах и окружены сотнями клумб, где растут розы. И, ожидая, пока освободится место на корте, я буду вдыхать аромат цветов, любовясь одновременно мостом Золотые Ворота, протянувшимся на проливом, и небоскребами Сан-Франциско...

Роуз Гарденз — это то место, где мне хотелось бы срывать цветы и аплодисменты. Но рвать розы там запрещено по закону. Тогда остается только одно — как можно лучше показать себя на корте...

— Я отправлюсь туда сразу после школы, — говорю я. — И в этот миг мама ставит перед нами вареные яйца.

Оживленный разговор за столом сразу же прекращается, поскольку сейчас для нас нет ничего важнее, чем эта утренняя порция протеина. У мамы она особая. Фрэн выпивает яйцо сырым, предварительно добавив к нему апельсиновый сок, пивные дрожжи и ростки пшеницы. Однако и эта странная диета не так противна, как две предыдущие. Три месяца назад мама держала нас на высокопротеиновой диете. Нам разрешалось есть только мясо. Биштекс по-гамбургски на завтрак, ростбиф на обед и отбивная на ужин. Так продолжалось до тех пор, пока я не стала чувствовать себя более мускулистой, чем бык, выращенный на убой. К счастью, при этом можно было сколько угодно пить содовую. Ну и поскольку я чувствовала себя резервуаром, постоянно переполненным содовой, то станет понятным, почему мне то и дело приходилось прерывать занятия... Когда я поделилась своими проблемами с мамой, она пригрозила снова посадить нас на коричневый рис — диету, которая отравляла нам жизнь полгода назад.

Но в конце концов сама жизнь направила маму. Цены на мясо поднялись настолько, что она наконец поняла, что деньги на продукты теперь будут таять гораздо быстрее, чем наши «лишние» килограммы. Именно это и заставило ее сменить диету.

— Пойду давать людям энергию, — говорит папа, в очередной раз напоминающая этой шуткой, что он инженер-энергетик. Он уверен, что это очень остроумная фраза. Мне же она кажется глупой и к тому же совершенно затертой от частого повторения. Но я никогда не скажу Ирву об этом, поскольку не люблю разбивать чужие иллюзии.

— Вечером расскажешь, как там, в Роуз Гарденз, — говорит папа, чмокая маму в щеку и прощаясь с нами.

Эти слова — сигнал Брэду пошевеливаться: по дороге на работу папа подвозит его на машине в школу.

— Не забудьте свои бутерброды, — говорит мама нашим мужчинам. Брэд и папа достают из холодильника бумажные пакеты, а я начинаю собирать свой рюкзак. Теперь, когда я рассталась с командой, мне придется самой таскать теннисную ракетку, спортивную форму, мячи, книги, цепь и замок для велосипеда. Однако, как уверили меня мои родители, все это принесет мне неоценимую пользу в спортивной карьере.

— Но что именно? — думаю я, набивая рюкзак самыми разнообразными вещами, и не могу ответить на этот вопрос. Не успеваю я переступить порог дома, как меня догоняет мама с небольшим пакетом из коричневой бумаги и надписью «Дебби М.», аккуратно выведенной сбоку.

— О, спасибо, мам. Опять я забыла свой обед, — говорю я ей, скрестив за спиной пальцы, чтобы все обошлось. Беру пакет и прощаюсь с мамой.

Ничего интересного в школе не происходит. Марлен по-прежнему не разговаривает со мной, а мистер Вош (он сидит передо мной), конечно, не удосужился подстричь свои длинные грязные волосы, хотя я не раз давала ему понять, что мне не доставляет удовольствия постоянно наблюдать, как он то и дело запускает в них пальцы и чешется. Поэтому я жду не дождусь, когда закончится восьмой урок, чтобы свалить с геометрии и отправиться на корт...

Оставив велосипед на стоянке в верхней части Роуз Гарденз (я, естественно, не забыла ни о цепи, ни о замке), поднимаюсь в гору: там находится раздевалка. Быстро натягиваю на себя форму, выхожу и вижу Бена, Герт и Чарли, самых старых жителей города, которые обычно играют двое на двоих.

Им не хватает одного человека. Я оглядываю другие корты в надежде отыскать себе партнеров получше. Но мне не везет. Герт уже заметила меня и машет рукой, приглашая присоединиться к их компании. Было бы верхом неприличия сделать вид, будто я их не замечаю.

К тому же на других кортах никого нет. Поэтому я направляюсь к команде престарелых. Достāju ракетку, а в голове проносится мысль: неужели они — это те, кого папа называл зрелыми и опытными игроками?

Бен, довольно бодрый для своих семидесяти двух, предлагает встать вместе с ним, чтобы получились две смешанные пары. Я соглашаюсь, следя за тем, чтобы в моем голосе не прозвучало и тени насмешки над пожилыми людьми. — ведь это фантастика, что такая старость еще может играть в теннис.

Пока Герт помогает мне размяться, я не могу не заметить, что она может сильно ударить по мячу только тогда, когда он прямо перед ней, если же мяч летит на расстоянии вытянутой руки, Герт не в состоянии его отбить.

Чтобы как следует размяться с помощью такой партнерши, мне понадобится бы целый день, поэтому я говорю:

— Я готова. Можно начинать...

Старый Чарли так подрезает мяч, что тот, ударившись о площадку с нашей стороны, тут же улетает обратно, прежде чем мы успеваем отбить его. Наши соперники зарабатывают очко...

Хитрые удары Чарли в сочетании с постоянными промахами Герт не могут дать мне полноценной тренировочной нагрузки. Получается, что кто из нас подает, тот и выигрывает. Наконец, я кладу конец этой пытке, выиграв три очка на подачах в последнем гейме.

Чтобы отвертеться от следующего сета, я говорю ветеранам тенниса:

— Спасибо, что вы пригласили меня поиграть. Это было здорово! Но мне действительно пора идти. Мне ведь нужно еще приготовить тонны уроков.

— Приходи еще, — говорит Бен.

Я укладываю ракетку в чехол и запикиваю ее в ранец. И в этот момент на скамейке сбоку замечаю потрясающего парня. У него великолепные светлые волосы и улыбка как у Роберта Редфорда. Как я не заметила его раньше? Ведь он, наверное, сидел здесь, пока длилась наша невероятная игра!

Я поднимаю свой ранец и готовлюсь уйти с корта. А он улыбается своей улыбкой кинозвезды и говорит: «Ты здорово подала последние три подачи. Прямо со свистом...»

— Спасибо, — только и могу сказать в ответ.

— Ты могла бы тренироваться с более сильными партнерами. Если хочешь, я мог бы сыграть с тобой сейчас... — говорит мистер Красавчик, поддерживая разговор.

— Сегодня не могу, — отвечаю я, стараясь не выдать своего волнения. — У меня слишком много уроков...

Я не вру. Каждый учитель наваливает на нас столько домашних заданий, как будто других предметов не существует...

— А как насчет завтра?

— Можно, — говорю я, тиснетно пытаюсь прикрыть ранцем желеобразный диванный валик моего отвисшего живота. Почему я пропускала мимо ушей мамнины советы? Кто мешал мне строжайшим образом соблюдать диету?

— Встретимся здесь в три? О'кей? — мистер Красавчик встряхивает головой так, что прядь светлых волос падает ему на один глаз, что, словно последний штрих, завершает его ослепительный портрет.

— Можно, — проявив поразительную находчивость, отвечаю я. Он убирает волосы с лица, не подозревая, что я усталилась на него, раскрыв рот.

Я пялюсь на него, потеряв счет времени... Он выводит меня из транса, произнеся на прощание:

— Пойду постучу немножко об стенку, раз ты не можешь сейчас сыграть. До завтра!

— Значит, в три? — спрашиваю я.

— В три.

Он поднимает со скамейки свою ракетку, бежит к тренировочной стенке в ритме моего бешено бьющегося сердца. Теперь у меня есть то, что мой папа называет мотивацией! Хватит ли у меня сил дождаться завтрашнего дня, чтобы сыграть в теннис?

Глава VI

О своей сопернице я знала только то, что ее зовут Сьюзи Перкинс. Это имя почему-то настроило меня на то, что Сьюзи — это сплошные улыбки и что она должна выступать в форме, усеянной маленькими красными сердечками...

Но когда после разминки я встретила с ней у сетки, то поняла, что ошибалась. Сьюзи Перкинс была сама деловитость и одета была соответственно: белая вязаная рубашка без всяких украшений и темно-синие шорты.

Не сказав ни «Привет!», ни «Здравствуй», не пожав мне руки, Сьюзи сразу же крутанула ракетку, чтобы определить, кто будет подавать первым, и спросила меня:

— Верх или низ?

— Верх, — ответила я.

— Ракетка внизу, — сказала Сьюзи. — Я подаю первой.

Я же должна была выбрать площадку. Буду играть против солнца, — решила я. Зато потом, когда подача перейдет ко мне, солнце, которое светило все ярче в этот сентябрьский день, будет мне помогать.

— Две разминочные подачи! — объявляет Сьюзи.

Привычным движением она кладет в карман один из двух упругих желтых мячей, а я готовлюсь к приему ее подач за задней линией. Сьюзи все делает быстро и экономно, поэтому у меня не остается времени, чтобы волноваться... Вот она подбрасывает мяч высоко в воздух, бьет, и он летит над сеткой, как пушечное ядро, со скоростью, как мне кажется, ничуть не меньшей, чем скорость света. Не успеваю я оправиться от ее первого удара, как Сьюзи вновь подает, и мяч со свистом пронесется мимо меня.

«Как же она будет подавать в игре?» — только и успеваю я подумать.

Ждать мне пришлось недолго.

— Подача. Подача на игру... — кричит Сьюзи.

Первые две ее подачи я даже не успела разглядеть: мяч пронесся над сеткой с той же сверхзвуковой скоростью, о которой я уже получила представление. Еще две. Теперь я успеваю взмахнуть ракеткой и слабо отбиваю мяч в сетку. Четыре прямые подачи, и вот уже счет 1:0 в пользу высокой молодой леди, которая предпочитает в одежде темно-синие цвета...

— Отлично, Сьюзи, — слышу я чей-то голос из толпы зрителей в то время, как мы меняется местами.

Я оборачиваюсь на голос и вижу, что «толпа зрителей» состоит из семьи Сьюзи, ее друзей (подстелив одеяло, они расположились на траве против корта) и моих родителей Фрэн и Ирва, которые сидят справа от них на газете.

В надежде, что Сьюзи не успеет понять, что я левша, делаю две разминочные подачи и тут же кричу:

— Поддача на игру!

Сьюзи готовится принять ее правой рукой, и потому моя резаная подача левой, поддача, после которой мяч, вращаясь, улетает далеко влево, застаёт ее врасплох. Пытаясь принять мяч, Сьюзи выбивает его далеко за пределы площадки... Счет становится 15:0 в пользу Миллер. Теперь Сьюзи меняет позицию, передвигаясь влево. Поэтому я целюсь в центральную линию и после своей прямой подачи бросаюсь к сетке. Сьюзи возвращает мяч именно туда, куда я хочу: он летит мне навстречу, прямо в центр ракетки. И тогда с ракеткой в вытянутой вперед руке — так, как учил меня Роб, — я делаю несколько шагов вперед и аккуратно направляю мяч в сторону — Сьюзи не в состоянии до него дотянуться.

После второго гейма счет 1:1. Мне кажется, что мой успех сопровождается громовые аплодисменты. Но теперь, в паузе между геймами, я убеждаюсь, что это всего-навсего вежливые аплодисменты моих родителей.

Снова я занимаю позицию сзади, чтобы принять мощную свистящую подачу Сьюзи. Моя противница, которая выше меня на пять дюймов, использует при подаче свое преимущество в росте. Она высоко подбрасывает мяч и сильнейшим ударом сверху, закрутив его, посылает влево от меня. Все повторяется как в первом гейме — Сьюзи вновь впереди — 2:1.

После столь мощных подач ей уже не нужно было ни о чем заботиться, поскольку мне не удавалось даже прикоснуться к мячу. Стараниями мисс Перкинс я выглядела на корте непроходимой дурой...

Меняясь с ней площадками после третьего гейма, я в поисках поддержки бросаю взгляд на папу и... начинаю хохотать. На нем треугольная шляпа из газеты, с помощью которой он пытается защититься от солнца свою лысую макушку. Смешнее, чем Ирв, выглядеть, по-моему, невозможно... Поймав мой взгляд, мама подмигивает мне из-под своей соломенной шляпы...

Перед тем как подать, я выдерживаю паузу — чтобы поддержать Сьюзи в напряжении и обдумать свой стратегический план. И вдруг в моем сознании явственно прозвучали слова папы:

— Представь, что твоя противница — это одна из теннисисток вашей школьной команды и что ты ее уже несколько раз побеждала. Значит, и в этот раз должна выиграть...

Марлен Леви... Ну конечно же. Вот на кого похож этот аист по другую сторону сетки... Господи, да я с закрытыми глазами обыграю ее.

Несколько секунд я, не отрываясь, смотрю на Сьюзи Перкинс и вижу перед собой Марлен Леви! Что ж, может быть, я и в самом деле сошла с ума! Тем не менее мои подачи внезапно становятся сногсшибательными. Возрастает мощь моих ответных ударов, а удары с лета просто убийственными.

Сьюзи все же выигрывает еще один гейм благодаря своей фантастической подаче. Но затем, прежде чем она успевает понять, что происходит, я запросто отделяю ее в пяти геймах и завершаю первый сет со счетом 6:3.

— Один позади, теперь еще один! — кричит мне папа, в то время как мы отдыхаем между сетами...

Сьюзи, не торопясь, вытирает лицо полотенцем. Она, конечно, чувствует, что мне не терпится начать следующий сет, и потому пытается продлить передышку, чтобы ослабить мой наступательный порыв.

Я же забыла свое полотенце и потому сейчас, пока мы сидим на скамейке, мне совершенно нечего делать. Вытерев пот со лба нижним краем рубашки, которую теперь уже незачем аккуратно заправлять в шорты, я встаю, пересекаю корт и занимаю место на своей стороне площадки, пытаюсь таким образом поторопить Сьюзи. Но она не поднимается со скамейки. Наконец с выражением подчеркнутой уверенности в себе, будто это вовсе не она проиграла первый сет, моя соперница неторопливо направляется на корт...

В этот раз Сьюзи не торопится, как было в первом сете, крикнуть: «Поддача!» Она ракеткой подбрасывает мяч в воздух, развязывает и снова завязывает шнурки кроссовок и явно тянет время. Наконец кричит: «Поддача!» и начинает игру. Бам! Бам! Бам! Бам!.. Ее подачи, как пули. Мои ответные удары слабы и легки, как зефир. Два мяча я посылаю в сетку, еще два — прямо в ракетку Сьюзи, и она с легкостью отбивает их. После первого гейма счет 1:0 в ее пользу.

Мы меняемся местами. Перкинс подходит к скамейке, вытирает полотенцем лицо и ручку ракетки и медленно возвращается на корт. Дойдя до задней линии, роняет свою ракетку... Ее хитрая тактика начинает действовать на меня, словно черная магия. Во втором гейме я дважды проигрываю подачу. И впервые за всю партию Сьюзи Перкинс улыбается. И эта ее колючая улыбка как будто говорит: «Наконец-то ты в моей власти».

Хуже всего, что она права. Я изо всех сил стараюсь снова обрести контроль над своей подачей, но это мне не удается. Я теряю свои подачи, виднейшие возможности для атаки, присутствие духа, словом — абсолютно все. Теперь именно Сьюзи Перкинс, а никакая не Марлен Леви продолжает побеждать меня во втором сете. Выиграв в шести геймах, Сьюзи сравняла счет. Теперь, после двух сетов, он стал 1:1.

Мои верные болельщики папа и мама врываются на корт.

— Не позволяй ей действовать тебе на нервы! — требует папа, отводя меня в сторону. — Вы должны играть в теннис, а не состязаться в психологии!

— Но вряд ли моя соперница виновата в том, что у меня не получается игра в теннис, — говорю я, чувствуя, что уже проиграла партию.

— Она не переиграла, а перехитрила тебя, — говорит мама. — Она воспользовалась твоей неопытностью.

— Конечно. Все объясняется именно этим, — отвечаю я, не собираясь вступать в спор.

— Ну хорошо, ты права. Она опасный противник. Но, Дебби, присмотришь хорошенько к ее игре. Да, у нее действительно потрясающая подача. Но в технике и разнообразии ударов ты гораздо сильнее ее! — уверяет мама.

В знак согласия с ней папа одновременно трясет кулаком и головой, и его шляпа из газеты летит на землю. Да, вот уж кто не выглядит человеком, способным проявить характер...

— Выйди на корт и покажи ей, что ты не шутишь! — говорит папа, водворяя свою удивительную шляпу на место. — Попробуй на ней ее собственные методы. Не торопись!

Мои болельщики покидают корт. Я замечаю, что теперь уже Сьюзи Перкинс с нетерпением ждет начала третьего заключительного сета. Я же позволяю себе маленькую хитрость: после первого гейма на несколько минут покидаю корт, чтобы выпить глоток воды. Вернувшись, готовлюсь подавать. Но как только Сьюзи занимает позицию, снимаю солнцезащитный козырек и вытираю лоб рукавом. Что ж, Сьюзи прекрасная учительница в Школе сомнительных приемов. Ну а я хорошая ученица и умею быстро учиться. После того как я выигрываю очко своей длинной резаной подачей (мяч летит влево от Сьюзи), я замечаю, что моя соперница вернулась на корт без козырька. Поэтому в ответ на ее следующую подачу я выкидываю высокую свечу. (Моя соперница, конечно, ждала, что последует глубокий удар через весь корт.) Сьюзи вынуждена поднять глаза на солнце и в итоге теряет мяч и очко. Я дважды повторяю этот прием, и счет становится 40:15.

Еще чуть-чуть — и гейм мой. Сьюзи без труда отбивает мою подачу. Уверенная, что я опять выкину свечу, она отступает назад. Но я обманываю ее ожидания и гашу. Сьюзи достает мяч, но отбивает его слишком высоко...

Теперь у меня прекрасная возможность для того, чтобы с силой послать мяч к ее ногам и выиграть гейм.

С тех пор как я поняла, что могу победить Сьюзи, если заставлю ее все время бегать, я стала постоянно чередовать удары — короткие и длинные, высокие и низкие... И мне удалось добиться своего: Сьюзи уже не знает, чего ожидать в следующее мгновение.

Родители правы. У нее прекрасная подача. Но мои удары более разнообразны. Ну а хитрости и трюки Сьюзи меня больше не задевают. Поэтому теперь ей придется соревноваться со мной именно в игре в теннис.

Мы обе продолжаем выигрывать свои подачи, пока счет не становится 5:5. Чтобы выиграть партию, мне необходимо добиться успеха в следующем гейме, когда подавать будет Сьюзи. Но как этого достичь? Я вроде бы уже использовала все, что было в моем арсенале... Хотя нет: я еще ни разу не выходила к сетке сразу после ее подачи. Вот оно, мое последнее оружие!

Вместо того чтобы отступить к задней линии, я делаю шаг вперед. Сьюзи в ответ на это тоже предпринимает кое-что новенькое. Она теряет свою первую подачу! Теперь ей надо либо подавать осторожно либо идти на риск... Сьюзи выбирает осторожность. Ее вторая подача лишена обычной мощи, я успеваю ее отбить, и Сьюзи не удается достать низко летящий мяч. Во время следующей ее подачи я снова выхожу к сетке.

Это оказывает на нее психологическое воздействие, и Сьюзи впервые за весь матч теряет подачу. Потрясенная, она медлит перед тем, как подбросить мяч в воздух. Я занимаю позицию перед задней линией, готовая ко всему. Но Сьюзи оказывается способной только на слабую подачу, которую я легко отбиваю так, что она не может дотронуться до мяча. Еще одна подача. Я направляю мяч к сетке, а затем, угадав, куда его отобьет Сьюзи, наношу удар с лета над сеткой... Сьюзи даже не пытается взять его...

Потеряв свои победные подачи, Сьюзи лишилась и самообладания... Этот гейм — мой.

Теперь мне нужно продержаться на своих подачах до конца. Но матч уже выигран в предыдущем гейме. Сьюзи подносит мне три очка словно на блюде. Все, что она может сделать в ответ на мою последнюю подачу, — это выкинуть короткую свечу. Я поднимаю ракетку для удара через голову и выигрываю очко образцовым смехом. Гейм, сет, партия закончены! Миллер выиграла 6:3, 0:6, 7:5.

— Прекрасная партия, — говорит Сьюзи, протягивая мне руку для традиционного рукопожатия перед сеткой. — Ты могла бы кое-чему поучить меня на корте.

— Спасибо, Сьюзи, — говорю я, пожимая ей руку. — Я тоже многому научилась у тебя.

В это время я вижу, как папа и мама со всех ног бегут ко мне.

— Ты добила своего! Ты выиграла! — кричит мама...

— Боже, как я устала! — только и могу я ответить, плюхаясь на скамейку. — Я могла бы просидеть здесь несколько дней...

— Не спеши устраивать здесь со всеми удобствами, — говорит папа. — У тебя ведь всего полтора часа. Ты вышла в финал!

Глава XVII

— Дебби, что это на тебе надето? Ирв, пойдй посмотри, что на ней? — восклицает моя мама, едва я открываю дверь.

— Утром на тебе была совершенно другая одежда! Откуда это платье? — вопрошает папа, выходя вслед за мной в переднюю.

Не знаю — может быть, на меня повлияли теннисные туфли или ранец, а может быть, то и другое, — но я вдруг перестаю чувствовать себя взрослой в своем новом, розовом с оборками платье. Я снимаю ранец и делаю глубокий вдох...

Пока волноваться нечего. Все идет как задумано. Мои недоразвитые родители прореагировали на мое новое платье именно так, как я и ожидала. Я сыграла ту сцену в моем шоу, в которой от меня не требовалось слов. Теперь же — в следующем эпизоде — я должна рассказать им все!

— Мама, папа, давайте-ка пройдем в гостиную, — говорю я самым что ни на есть взрослым голосом. — Настало время кое-что обсудить.

— Именно это я и хотела тебе предложить, — говорит мама. Мы устроились за кофейным столиком, и она задала вопрос, который я ожидала:

— Итак, почему на тебе это платье?

— Это платье для танцев. Я только что купила его и решила вам показать. Что вы о нем думаете? — я поднимаюсь и, привстав на носки, принимаю позу манекенщицы.

— Мне кажется, ты сошла с ума, Дебора Миллер, — замечает мама. — Вчера ты легла в пять часов вечера и до утра спала как убитая; сегодня ты уходишь из дому в рубашке и джинсах и возвращаешься этойкой принцессой в теннисных туфлях. Мне хотелось бы знать, что с тобой происходит.

— Успокойся, Фрэн, — вступает в разговор папа. — Сейчас я постараюсь выяснить в чем дело. Ну-ка, расскажи нам, зачем ты купила платье? Ведь мы же решили: пока ты тренируешься, ни о каких танцах не может быть и речи!

Вот теперь, как и было предусмотрено сценарием моего шоу, наступил момент, когда я должна буду разрушить иллюзии родителей и заявить им, что больше не позволю насильно впахивать меня в списки участниц юниорских турниров.

Помню, мама рассказывала, как тяжело ей бывает после того, как, выпив свою диетическую смесь, она садится в машину, и мы мчимся с предельной скоростью. Сейчас я испытываю примерно такие же ощущения... Поэтому делаю еще один глубокий вдох и, стараясь не обращать внимания на ужасное чувство, от которого сжимается желудок, говорю, собрав все свое мужество:

— Хорошо. Я скажу вам. Но обещайте, что выслушаете меня спокойно, без крика и слез.

— Обещаю! — это слово мама и папа произносят хором.

— Хорошо. Первое. Я больше не хочу играть в юниорских турнирах. Я ненавижу дух жестокости, которым проникнуты эти соревнования. Второе. Мне надоело тратить все свое время на подготовку к этим турнирам. Я долго терпела, но только потому, что вы этого хотели. Я же подчинялась вам в надежде, что это доставит вам радость. Но теперь, когда я растеряла всех своих школьных друзей и лишилась возможности общаться с кем-либо, я не могу не думать и о собственном счастье, тем более что кроме меня до этого никому нет дела. Поэтому я и купила два билета на танцы. Да, я знаю, что это должна была посоветоваться с вами. Но я боялась, что столкнусь с очередным запретом. Затем я пошла дальше и пригласила на танцы двух мальчишек. Оба отказались. Но это меня не остановило. Сегодня в школе Марлен Леви сказала мне, что ее парень заболел. И тогда мы решили пойти с ней вдвоем на танцы и купить себе для этого новые платья.

— Подожди-ка, — прерывает меня папа. — Только что ты сказала, что у тебя нет друзей, но оказывается, ты собралась на танцы с Марлен. Я что-то не пойму, как это вяжется одно с другим.

— Мы помирились только на этой неделе. А все остальные девчонки из нашей команды до сих пор не разговаривают со мной.

— Когда все это случилось? — спрашивает мама.

— Примерно месяц назад. Я тогда сказала Марлен, что после занятий в школе буду тренироваться с лучшими игроками. Она подумала, что я задираю нос, и разнесла сплетню, будто я сваливаю из команды. И девчонки перестали со мной разговаривать.

— Почему же ты раньше не сказала нам об этом? — спрашивает папа.

— Потому что вас интересовали только турниры и тренировки.

— Чтобы чего-то достичь в жизни, необходим комплекс побудительных мотивов, то, что психологи называют мотивацией, — говорит папа. — Но мотивация появляется тогда, когда возникает цель в жизни. Вот мы и поставили ее перед тобой. Но, конечно же, у нас и в мыслях не было изолировать тебя от школьных друзей. Кстати сказать, ты вовсе не выглядела такой уж несчастной. Поэтому мы и считали, что у тебя все в порядке. Нет, мне кажется, здесь что-то другое...

— Да, я в самом деле опустила одну важную часть моей истории, вернее, одного важного для меня человека — Роба, парня, с которым я играла на корте в Роуз Гарденз. Я с удовольствием тренировалась с ним, и он мне очень нравился. Заговodka была только в том, что я не знала, нравилось ли ему хотя бы чуть-чуть. Ну это я наконец выяснила, когда вчера пригласила его пойти со мной на танцы. Тогда-то он и сказал: у него есть девчонка, и он надеется, что я не подумаю, будто наши дружеские отношения могут перерасти в нечто большее.

— Вот теперь вырисовывается истинная картина. Поэтому ты и не спустилась вчера к ужину и весь вечер проплакала, — говорит мама.

— Откуда ты знаешь, что я плакала? Это мой братец сказал тебе?

— Бреду незачем было рассказывать мне об этом. Я ведь тоже была подростком. И до сих пор помню, как обидно бывает, когда нарываешься на такой ответ от того, кто тебе нравится. Когда я была в твоём возрасте, я была безумно влюблена в футболиста из школьной команды. Однажды он пригласил меня погулять. Как я потом узнала, этот футболист приглашал всех девочек, но только по одному разу. Я ждала и ждала, что он позвонит мне еще раз, но он так и не позвонил, — говорит мама.

— О, мам, со мной творится то же самое. Я все ждала, что Роб пригласит меня куда-нибудь, но так и не дождалась...

— Дебби, я очень рада, что ты нам все рассказала. Надеюсь, после этого разговора ты будешь советоваться с нами вместо того, чтобы таить чувства в себе.

Неужели это говорит моя мама, помешанная на диете и на своей чудной работе? Оказывается, она способна понять меня...

— Готовясь к соревнованиям, ты достигла такой степени концентрации, что нам и в голову не могло прийти, будто теннис тебе не нравится, — говорит папа. — Очень хорошо, что ты, наконец, рассказала, как на самом деле относишься к спорту. Конечно же, ты можешь не выступать в соревнованиях, раз это делает тебя несчастной!

— Мне жаль, если я разочаровала вас. Но не собираюсь совсем отказать от тенниса. Мисс Перкер сказала, что если я захочу, то в любой момент смогу вернуться в команду.

— Думаю, что это мы виноваты во всем, — говорит папа. — Мы были настолько поглощены своими планами относительно тебя, что не догадались спросить: а каково твоё мнение на этот счет?

— Дебби, ты сегодня потрясающе выглядишь! — с этими словами в гостиную вошел Бред.

Я не поверила своим ушам: мой брат сделал мне комплимент!

— Особенно мне нравятся твои туфли, — продолжал Бред. — Но, как мне кажется, тебе следовало бы надеть к этому платью кроссовки.

Ну вот, это уже больше похоже на моего брата. Теперь он, конечно же, ждёт моего вопроса «Почему?», чтобы довести до конца свою шутку.

— Почему, Бред? — послушно и тупо спрашиваю я.

— Потому что тот парень, который пригласит тебя танцевать, должен быть самым плохим танцором и самым большим дураком. Поэтому, чтобы он не отдал тебе ноги, необходимо надеть кроссовки.

Как приятно, что мой братец снова стал самим собой. Настоящий Бред все-таки гораздо понятнее, чем Мистер Приятный Парень...

— Не думаю, Бред, что мне пригодится твой совет. Ведь я не собираюсь танцевать с тобой.

— Ну-ка, перестаньте! — говорит папа. — А ты, Дебби, встань и повернись. Пусть Бред оценит платье, в котором ты пойдешь на танцы.

— Спасибо! — кричу я, бросаясь к папе и обнимая его. Потом я вальсирую по гостиной так, что на моем платье развеваются все оборки. Чувствую, что у меня кружится голова, и это не только от того, что я перестаралась с вращениями. Я могу пойти на танцы! Мне больше не надо выступать в теннисных соревнованиях! Но вдруг все это мне только чудится? Может быть, я попала в какой-то другой дом и разговариваю с чужими родителями? Голос мамы возвращает меня к реальности.

— Ты только посмотри на нее, Ирв. Наконец-то она сбросила лишний вес и теперь в этом платье выглядит настоящей красавицей. Дебби, те мальчишки, наверное, не в своем уме, если они отказали тебе!

— О, мам, спасибо, что ты так чувствуешь и понимаешь! — говорю я и, не прерывая танца, целую ее в щеку.

— Дебби, — говорит папа, — надеюсь ты вернешься домой не слишком поздно.

— Думаю, что Марлен разрешит мне переночевать у нее, если вы, конечно, не возражаете.

— Но ведь тогда ты не сможешь поиграть с нами в воскресенье, — Бред, естественно, не мог упустить случая напомнить мне о теннисе.

— А как насчет того, чтобы пропустить в воскресенье теннис и заняться чем-нибудь другим? — говорит папа. — Какие предложения, Бред?

— Может быть, нам сходить на футбольный матч?

— Хорошо, а после футбола отправимся куда-нибудь обедать, — говорит мама. — Дебби, а ты выберешь ресторан.

— Но как же моя диета?

— Когда ты появилась в этом платье, я поняла, что тебе не нужна никакая диета. Кстати, пора готовить обед.

— Я помогу тебе накрыть на стол, только позволю Марлен. Я обещала сообщить ей, чем закончится наш разговор.

— Не забудь подумать о ресторане на воскресенье, — кричит мне вслед папа, когда я, прыгая через две ступеньки, бегу вверх в свою комнату, чтобы переодеться и позвонить. Натягивая на себя рубашку и джинсы, я решаю, что ресторан подождет. Сейчас для меня гораздо важнее предстоящий телефонный разговор с Марлен. Но как рассказать ей о том, что мне разрешили пойти на танцы и остаться ночевать у нее дома, что мне не надо больше выступать в соревнованиях, тренироваться и соблюдать диету... Как рассказать о том, во что я сама не могу поверить?! Но еще поразительнее то, что мои родители оказались нормальными! Надо будет почаще с ними разговаривать! А сейчас я поговорю с Марлен!

Перевод с английского Н. Чернявской

БОРОТЬСЯ ЗА КАЖДЫЙ МЯЧ

Звезды тенниса. Внешне они, пожалуй, больше похожи на музыкантов-виртуозов, нежели на спортсменов. Во-первых, их отличает артистическая самостоятельность; во-вторых, со своими ракетками они обращаются с той же уважительностью, что и солисты с инструментами работы Амати, Гварнери и Страдивари, и, наконец, каждый из них, играя, извлекает из ракетки свой, присущий только ему звук...

Это впечатление было настолько сильно во мне, что, беседуя с Наташей Зверевой — одной из самых больших наших теннисных надежд, я начал не с тенниса, а с музыки...

— Я, к сожалению, ни на каком инструменте не играю, — сказала Наташа, — но часто представляю, как подхожу к роялю и под моими пальцами оживают мелодии Баха, Моцарта...

Заниматься музыкой надо было в детстве. У меня же никогда не было на это времени.

Наташа Зверева (она родилась в столице Белоруссии Минске) в семь лет взяла в руки ракетку. Еще через семь — стала чемпионкой мира среди девочек. В 1986 и 1987 годах побеждала в серии юниорских соревнований. В следующем сезоне семнадцатилетняя теннисистка играла в финалах «взрослого» Уимблдона и открытого первенства Франции. В 1989 году Зверева и Лариса Савченко, участвуя в командных соревнованиях теннисисток Европы и США, нанесли поражение чемпионкам Олимпиады в Сеуле Пэм Шрайвер и Зине Гаррисон...

Мир большого тенниса. Для Наташи — это ее мир, и она радуется, что на корте и вне его может постоянно общаться с такими выдающимися спортсменками, как американка Мартина Навратилова (Зверева, кстати, дважды побеждала ее), Штеффи Граф (ФРГ), Габриэла Сабатини (Аргентина)...

В движениях и пластике Наташи (ее рост 174 см, вес 62 кг) чувствуются легкость и законченность, заставляющие предположить, будто она в меньшей степени, чем мы, ощущает земное притяжение. Когда же смотришь на ее отца, пятидесятилетнего Марата Николаевича Зверева, понимаешь, что значит «груз прожитых лет»...

Зверев более 30 лет работает тренером, а в свое

время — в 70-е годы — входил в число 15—17 лучших мастеров Советского Союза...

— В те годы, — говорит он, — нам лишь изредка показывали на сборах кинокадры — чаще всего любительские. Иногда в каком-нибудь телевизионном репортаже удавалось увидеть один-два удара в исполнении звезд. О нюансах техники приходилось догадываться, полагаясь в основном на свое воображение.

Марату Звереву удалось не только о многом «догадаться», но и вовремя передать это дочери. Недаром руководитель женской команды страны Ольга Морозова, познакомившись с десятилетней Наташей Зверевой, была удивлена арсеналом ее техники и тактики.

Наташа одной из первых в нашей стране стала бить по восходящему мячу. В сходной манере действуют Штеффи Граф и в какой-то степени Габриэла Сабатини. При такой игре на два-три метра уменьшается радиус передвижения теннисистки по площадке и заметно увеличивается ее скорость.

Марат Зверев давным-давно понял это и потому постарался воспитать в Наташе потребность играть именно так.

Каким же образом он добивался этого?

— Я никогда не подавлял Наташинных желаний, — говорит Марат Николаевич. — Показывая ей те или иные приемы, старался не только донести до нее свою мысль, но и побудить к собственным размышлениям. При малейшей возможности я давал торжествовать ее воле.

Звереву удалось раскрыть в Наташе ее врожденные способности, которые и определяют индивидуальность игрока. Кстати сказать, когда Ольга Морозова растолковывала мне, в чем состоят особенности Зверевой-теннисистки, она почти каждое свое высказывание завершала словами: «Это природное качество. Привить его невозможно».

Что же отметила в Наташе Ольга Морозова?

— Во-первых, врожденный артистизм. Поэтому, объясняя ей что-то, я иду образные примеры. Ну, скажем, говорю: «Наташа, подавая, ты должна ударить по мячу так, будто даешь пощечину!» — «Но мне не приходилось этого делать...» — «Что из того? Разве ты не можешь представить себе такую ситуацию?»

Еще одно ценное ее качество — чувство паузы. Что это означает? Ну, скажем, соперник, допустив ошибку, послал вам мяч так, что вы можете тут же нанести удар. Но если у вас есть это чувство, вы не станете реагировать мгновенно, а продлите состояние полнейшего неведения, в котором находится соперник, и дождетесь мгновения, когда ваш удар будет совершенно неожиданным и неотразимым. Правда, чтобы поймать паузу, воспользоваться ею, нужно обладать незаурядными скоростными возможностями...

Ну и, наконец, самое потрясающее, на мой взгляд, качество Наташи Зверевой — предвидение. Она почти всегда знает, куда соперница направит мяч, словно кто-то заранее передает ей соответствующую информацию...

Как же Наташа получает ее? Ответ я мог бы получить только от самой теннисистки, но она сказала, что это секрет. Тогда, попытавшись подойти к тому

же вопросу с другой стороны, я спросил, что ей нравится в себе как в спортсменке.

— Не вижу особых достоинств.

— А что не нравится?

— Много. Но у меня нет желания говорить о своих недостатках.

Наверное, подумал я, не удастся в разговоре со Зверевой выйти за рамки официального интервью. Но на всякий случай все же задал ей вопрос, который, как я надеялся, мог бы воссоздать в разговоре связь с ее детством, с тем временем, когда она не заботилась о том, чтобы стать непроницаемой для всех:

— Скажи, а была ли у тебя когда-нибудь собака?

И вдруг... Наташа Зверева заговорила совсем по-другому:

— Я очень люблю собак. И когда была маленькой, все время хотела завести щенка. Но у нас не было такой возможности: все дома очень заняты. (Моя мама — тоже тренер по теннису). А сейчас и не мечтаю о собаке, боюсь слишком привыкнуть к ней...

Несколько месяцев назад мы находились в Москве, на сборе. Едем на первую тренировку — она началась в десять утра — и вдруг видим: на перекрестке, прямо на асфальте, сидит женщина, а у ее ног — погибшая собака. Когда мы возвращались — было уже два часа — эта женщина сидела на том же месте. В пять часов, направляясь на вторую тренировку, снова увидели ее. И только когда вечером ехали в гостиницу, на перекрестке никого не было — ни женщины, ни собаки.

Этот случай потряс меня. Я не могу его забыть...

После этого мне было уже совсем не трудно разговаривать с Наташей...

Она рассказала, что собирает мягкие игрушки и в свободное время любит их, что, если предоставляется возможность, с удовольствием стреляет:

— И когда кто-нибудь похвалит мой салат или сладкий пирог, а ему скажут, что это все приготовила Наташа, я таю от счастья, хотя и смеюсь над собой...

Ей нравится современная поп-музыка, однажды она даже попыталась записать на магнитофон песенку в собственном исполнении, «но была страшно разочарована тем, какой у меня, оказывается, детский голос... Когда же говорю — он звучит нормально, по-взрослому...»

— Ну а вызывают ли в тебе интерес звезды эстрады, театра, кино? Хотелось бы встретиться с ними в узком кругу?

— Конечно. Но я не раз подумала бы, прежде чем согласиться на такую встречу: меня тяготит мысль, что со мною неинтересно общаться. И иногда, понимая, что это бессмысленно, я все же спрашиваю у немногих близких мне людей, так ли это на самом деле?..

Вот этого я, конечно же, не мог предположить в начале нашей беседы. И потому в сдержанности Наташи, в ее стремлении сразу же установить дистанцию между собой и собеседником увидел не такое уж редкое высокомерие спортивной звезды. Теперь же мне стало ясно, что объяснялось это совсем иными причинами.

— А каковы твои взаимоотношения с подругами по

сборной и, в частности, с твоей партнершей Ларисой Савченко?

— Сейчас все держатся со мной как с равной, в том числе и Лариса. Но она старше меня на пять лет. Поэтому — из-за разницы в возрасте — между нами не может быть особой дружбы. Ну а раньше я для всех была «малышкой», поэтому не очень-то уверенно чувствовала себя в команде. Правда, и сейчас ко мне не пришло ощущение полной раскованности...

Думаю, что Наташа не часто говорит об этом. За долгие годы занятий спортом она привыкла, что на корте ей не поможет никто. Поэтому максимум, что она позволяет себе в самые трудные моменты, — это отыскать взглядом отца, Морозову или кого-нибудь из подруг.

— Тогда, встретившись с ней глазами, — говорит Ольга Морозова, — я понимаю: она безмолвно спрашивает, одобряю ли я то, что она сделала несколько мгновений назад. Ответить Наташе каким-нибудь жестом или условным знаком я не могу: это запрещено правилами. Поэтому в течение всей игры я должна неотрывно следить за ней. Иначе пропадет контакт, и говорить нам потом будет не о чем...

В обычной жизни Наташе Зверевой, видимо, тоже необходим такой ответный взгляд. Но это для нее, наверное, большая редкость...

У Наташи много вопросов, на которые — и она понимает это — никто не даст ей ответа. Она ищет ответы сама — в книгах любимых писателей Достоевского и Хемингуэя, в сочинениях древних мудрецов и современных публицистов.

Она говорит, что в ее жизни пока не было пика радости, что самое тяжелое в жизни теннисиста — постоянная тоска по дому и что самый любимый (и одновременно нелюбимый) ее праздник — Новый год...

— Почему же он вызывает в тебе такие разные чувства?

— 31 декабря я очень остро ощущаю, как время переваливает через какую-то грань и устремляется в прошлое. Я всегда хотела, чтобы мне было 16, ну в крайнем случае 17 лет. А теперь вот уже 19...

Когда приближается Новый год, радуешься, конечно. Но после двенадцатого удара что-то отдаёт в сердце...

Может быть, это происходит потому, что двенадцатый удар заставляет задуматься о будущем и испытать тревожное ощущение неизвестности...

Как и большинство наших спортсменов, Наташа Зверева учится в институте физической культуры (в Минске), однако не собирается стать тренером.

— Моя вторая жизнь — после тенниса — вряд ли будет с ним связана, — говорит Наташа. — Две жизни в спорте — это, как мне кажется, слишком тяжело. Я неплохо знаю английский, думаю в ближайшие годы изучать французский...

— Тебе нравятся его звучание?

— Да, особенно когда говорят женщины. У мужчин он звучит чересчур нежно... Если я буду знать два языка — возможно, смогу работать гидом-переводчиком. Такая профессия предполагает общение с людьми, а это как раз то, что мне нужно...

— Ну а чего тебе не хватает для полного счастья?

— Справедливости со стороны нашей Федерации тенниса. Да, я занимаюсь любимым делом. Но это одновременно и моя работа. Однако ее оплата, как мне кажется, не соответствует ни моей квалификации, ни затрате сил.

Но стоит об этом сказать, и тебя сразу упреknут в «страсти к наживе». Я немало размышляла об этом, кстати сказать, с помощью Федора Михайловича Достоевского. Недавно прочитала его роман «Подросток», где как раз и рассказывается о том, как «требования большого сердца» вытесняют из сознания героя романа «идею наживы...» Но у меня нет такой идеи. Справедливость, о которой я говорю, связана со стремлением защитить свое профессиональное и человеческое достоинство...

— Наташа, а теперь ты, может быть, приоткроешь какой-нибудь из твоих профессиональных секретов и расскажешь хотя бы об одном эпизоде, когда, «угадав» соперницу, ты смогла перехитрить ее!

— Это было в полуфинале открытого первенства Франции во встрече с Мартиной Навратиловой. Она то и дело выходила к сетке, давая мне шанс обвести ее. Мартина часто играла под мою левую руку, а затем — по диагонали — бежала назад, ожидая, что именно туда попадет мяч после моего левого кресса. Несколько раз все так и происходило. А потом, почувствовав, что Мартина повторит этот маневр, я сыграла в линию, в пустой корт, и выиграла очко...

Эти действия Наташи напомнили мне тактику боксера, который в течение одно-двух раундов «приучает» соперника к какому-то удару — ну, скажем, к левому боковому в голову, — а затем неожиданно трансформирует боковой в апперкот и наносит удар снизу в солнечное сплетение...

Но уместна ли такая аналогия между боксом и теннисом?

— Вполне, — отвечает Наташа. — Бокс, как мне кажется, в тактике близок к теннису. Я, кстати, в детстве очень любила смотреть по телевизору боксерские поединки... И на Олимпиаде в Сеуле следила за состязаниями боксеров. Мне очень понравился Вячеслав Яновский. На ринге Слава очень умный, холодно-важно-точный, расчетливый, а в жизни — очень добрый и веселый, идеальный, по-моему, характер для лидера...

— А как ты оцениваешь себя? Лидер ли по характеру? Любишь подчинять или предпочитаешь подчиняться?

— Пока — подчинять. А там — посмотрим...

Когда я спросил Наташу, как она настраивается на игру, она ответила, что старается не думать о том, что хочет победить.

— Я ставлю себе другую задачу, — сказала она, — бороться за каждый мяч, выиграть сначала первый, потом второй и так далее...

Этой методе она, как мне показалось, следует и в жизни. Не пытаясь представить себя в далеком будущем некоей «гармонически развитой» личностью, Наташа Зверева постоянно отстаивает самостоятельность своей мысли, своих чувств, своего воображения. Ну а это, видимо, и означает «бороться за каждый мяч».

Йохен
Харберг,
западно-германский
журналист

ЛЮБОВЬ СО ВТОРОГО ВЗГЛЯДА

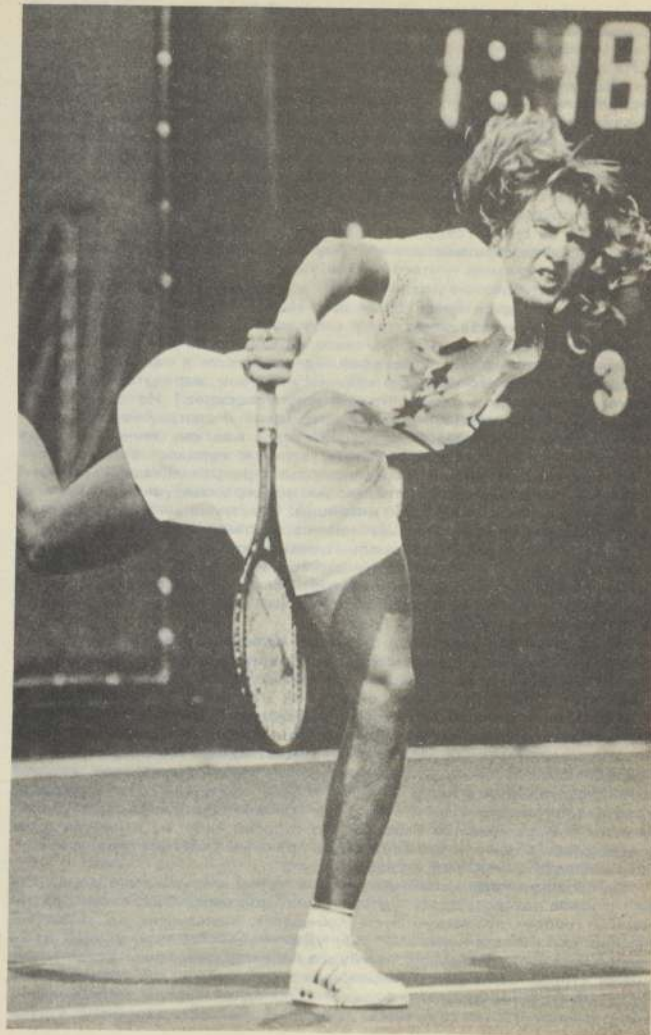
Вот она сидит перед нами — Штеффи-супер-стар на возвышении в скупо обставленном новом конференц-зале Уимблдона, где единственное украшение — развешанные по стенам фото-портреты великих победителей этого величайшего в мире теннисного турнира. Мы видим тут Бориса Беккера, Пэта Кэша и Джона Макинроя, который в предшествовавшем сезоне «вылетел» из последнего розыгрыша уже во втором круге, заметив напоследок, что «в той форме, в которой я сейчас нахожусь, я не выиграл бы и женского розыгрыша».

Хотел ли он таким образом польстить женщинам-тенисисткам? Нет, Макинрой не из льстецов. Он, кстати, довольно часто отпуская шуточки и говорил колкости об уровне женского тенниса. За последние шесть лет лишь одна из теннисисток снискала его уважение: Мартина Навратилова, первый номер последних лет. Но вот теперь к ней присоединилась Штеффи Граф — ее портрет появился на стене конференц-зала в Уимблдоне. Здесь, в Мекке тенниса, она окончательно доказала, что не является «калифом на час», что вошла в элиту на многие годы и что качество ее игры, ее сила и надежность превосходят все то, что было в женском теннисе еще только вчера.

Журналисты ждут ее слов. Открыты блокноты, включены магнитофоны. Она должна сказать на весь мир, как чувствует себя, полчаса назад одержав победу над Навратиловой, величайшую победу в своей спортивной карьере. Ну, как?

— Я очень счастлива, — говорит она, — я очень взволнована...

Но никакого подъема в голосе. Она произносит эти слова почти безразлично, как формулы, и беглая полуулыбка на ее лице. А когда журналист задает следующий вопрос («почему

в первом сете финала у вас не шла игра?»), то с лица пропадает и эта маленькая полуулыбка — и вот перед нами снова непоколебимо серьезная Штеффи Граф.

На пресс-конференциях, в общении она ведет себя втрое серьезнее, чем это кажется нужным. Она сидит перед цветом мировой спортивной журналистики — императрица тенниса в возрасте девятнадцати лет — и кладет голову на подставленную ладонь. Это ее привычный жест. Она говорит, что «была недостаточно агрессивна» и «очень-очень разозлилась на себя». А потом она своевременно взяла себя в руки, что и привело к привычному концу: подача, пушечный удар, победа Штеффи Граф. И она посмеивается в переполненный журналистами зал — журналистам, перед которыми она уже привыкла выступать, но любимой привычкой это отнюдь не стало. Говорить о себе перед чужими людьми и при этом суметь выразить свои мысли в кратких, емких, подходящих для газетных заголовков афоризмах — этого она не умеет. Но, в конце концов, разве она непременно должна это уметь?

Кто она, Штеффи Граф? Стефания Мария Граф — она родилась 14 июня 1969 года — оценивает саму себя прежде всего по той позиции в теннисе, которую занимает, а вовсе не по способности быть экстравагантной, симпатичной, остроумной. Ее отношение к теннису сходно с отношением делового человека к бизнесу. (Теннис, наряду с боксом, лидирует среди видов спорта по размеру гонораров.) Но суть в том, что умение быть привлекательной, остроумной и иногда — экстравагантной традиционно считается частью бизнеса в женском теннисе, потому что именно таких теннисисток любят газеты и журналы, а также международные менеджеры и организаторы турниров. Каждый газетный заголовок, каждая газетная публикация поддерживает интерес публики к игре — интерес, приносящий миллионы. И вот уже многие со страхом ждут того дня, когда уйдут из тенниса Мартина Навратилова и Крис Эверт — «великие леди», так высоко ценимые публикой за то, что они — индивидуальности, каждая со своим шармом. И во что превратится женский теннис, когда их не будет на корте? Не наступит ли тогда пресное однообразие, в котором зачастую обвиняют непоколебимо серьезную и постоянно ровную Штеффи Граф?

Но вряд ли эти упреки справедливы. Штеффи Граф принесла однообразие в теннис! Да, она все время выигрывает — выигрывает матч за матчем, турнир за турниром, выигрывает и оказывается на голову выше всех, редко кто умеет оказать ей настоящее сопротивление, — и эта игра, в которой все время побеждает одна, кажется публике однообразной. Но не должна же она играть хуже, чем умеет? Штеффи бесцветна? Но позвольте напомнить — в девятнадцать лет Эверт тоже еще вовсе не была любимицей публики так же, как и Навратилова, которая в те годы, только что попав из ЧСФР в США, посадила себя на диету из гамбургеров и кока-колы и выглядела все-таки порядочной толстушкой. Многим больше нравится Сабатини. Но спросим себя: не имеет ли наше восхищение Сабатини чисто зрительные причины? Сабатини хороша собой. Но она редко выигрывает у Граф.

Да, Штеффи Граф привносит в теннис черты стерильного совершенства, которое не доставляет удовольствия зрителям. Она хочет побеждать? — говорит публика. — Пусть побеждает, пожалуйста, но зачем же именно так? Подача — как выстрел, удар — убийственный, а удар из-за головы грохочет так грозно, как будто небеса разверзлись. Когда после смены сторон теннисистки имеют несколько секунд для отдыха — она не пользуется ими до конца и деловой походкой первой занимает свое место на линии; она все время в движении; подавая, уже держит в руке

мяч для второй подачи. Она действует как мужчина-супермен, для которого пауза в бою — это уже регресс, а потеря времени — величайший недостаток. Это все знают, все видят. Однажды игравшая с ней австрийка Петра Хубер крикнула ей:

— Чего ты так торопишься, хочешь успеть на ближайший поезд, что ли?..

Штеффи Граф в чем-то схожа с Иваном Лендлом. Не только тем, что, как и он, имеет пристрастие к овчаркам. У них похожая судьба: публика уважает их, но не любит. Кто же будет любить узкого специалиста? Вот Лендл:

— Если люди хотят видеть спектакль, пожалуйста, но только пусть тогда не идут туда, где играю я...

А вот Граф:

— Я кажусь самой себе дурочкой, если по обязанности начинаю улыбаться на корте...

Это не ее стиль. Она играет в теннис, по духу похожий на тот футбол, что исповедуют парни Беккенбауэра: сила через радость, без труда не вытянешь и рыбку из пруда, и тренировка, тренировка, еще раз тренировка. Одно отличие: она лучше, чем все эти футбольные боровки, бухвальды, бреме. Она беспощадно хороша. А что до того, что думают зрители, то это — так поведала Штеффи во время Уимблдона — ей все равно: я — это я, и я ответственна только перед самой собой.

Кто протестует громче всех против нордического тенниса Граф? Неудивительно, это те, для кого женщина немислима без традиционных качеств: кокетства, доли слабости, желания нравиться и т. д. — средиземноморские поклонники тенниса. Совсем недавно газета «Бильд», купившая у Граф право публиковать первой ее интервью (гонорар — 500 тысяч марок в год. Это составляет 166 тысяч рублей по официальному курсу. — Прим. пер.), к девятнадцатилетию Штеффи опубликовала заметку итальянского обозревателя Цезаре Ланца из еженедельника «Ева».

— Штеффи не нравится ему, — написал этот добрый человек, — потому что она чересчур честолюбива, чересчур жестока, она, как кухонный комбайн, который смолачивает все подряд, она бесчеловечна, как компьютер»...

Через день «Бильд» ответил итальянцу устами самого канцлера. Гельмут Кольт сказал коротко, но ясно: «Штеффи — это прекрасная немецкая девушка». Содержательный спор. Ну а на самом деле — Штеффи Граф, какая она?

Кажется, Штеффи Граф существует в двух испостасях: на корте и вне его. И те качества, что раздражают публику на корте, вне корта вызывают уважение. Да, вне корта «прекрасная немецкая девушка» всем внушает симпатию, ее скромность воспринимается как достоинство, ее серьезность — тоже положительное качество. Кто же из родителей пожелает своей девятнадцатилетней дочери несерьезного отношения к жизни? Таких нет.

Слава и богатство, судя по всему, не изменили и не испортили характера Штеффи Граф. Своей лучшей подругой во время бесперывных разъездов по миру она по-прежнему называет американку Мэри Джо Фернандес, дочь адвоката. Они знакомы еще со времен юношеских турниров.

— Штеффи осталась невероятно естественной, — говорит Мэри Джо. — Я немножко боялась, что обилие успехов и весь этот шум вскружат ей голову, но она и теперь ни капельки не задается...

Дружба в теннисе — дело относительное, когда речь идет о больших призах и победах. «Мы между собой говорим о поп-музыке, обо всем

таким...», — это Мэри Джо Фернандес. — О теннисе — нет». Но даже Клаудиа Коде-Килш, которую успехи Граф отодвинули в тень, подтверждает, что номер первый в ее виде спорта «вообще-то говоря, довольно-таки мила». И не только Коде-Килш так думает. С некоторых пор Штеффи получает дружеские письма от необычного корреспондента. Коротенькие записочки все чаще и чаще посылает ей Мартина Навратилова. Впервые Навратилова написала ей в 1984 году, когда Граф сломала большой палец во время открытого чемпионата Австралии, пожелав ей тогда скорейшего выздоровления, сейчас иногда поздравляет с хорошей игрой и спрашивает, не хочет ли Штеффи принять участие в работе профсоюза теннисисток ВИТА. Многолетняя королева женского тенниса «...с охотой имела бы большой контакт со Штеффи». Из каких побуждений? Не ищет ли она выгоды? Того, кто симпатичен тебе, не так легко побить на корте, как того, кто безразличен или даже неприятен. Это знают все теннисисты. Но, может быть, эти предложения дружбы, с которыми тридцатилетняя женщина обращается к девятнадцатилетней девушке, — знак авторитета Штеффи и показатель уважения, которое испытывают к ней даже ее конкурентки? Штеффи, правда, до сих пор не ответила ни на одно письмо.

Главная опора Штеффи в жизни — это по-прежнему ее папа, к которому она питает нежные дочерние чувства. Он, подобно другим родителям, вывозил ее на турниры, когда ей было двенадцать и пятнадцать. Потом, когда она вошла в элиту мирового тенниса, он хотел отойти в тень. Подобную попытку он сделал в последний раз в прошлом году — не поехал с ней на некоторые турниры, но дела у Штеффи тут же стали идти не так хорошо, как прежде. Ей надо, чтобы он сидел на трибуне, поддерживая своим присутствием. «Штеффи хочет, чтобы я все время был рядом». В этом нет никаких сомнений: после каждой большой победы она, прямо с корта, непременно бежит к нему и именно его целует от души.

— Штеффи уверена, — говорит гордый отец, — я знаю, что хорошо для нее...

И она добровольно принимает его власть над собой, как будто ей по-прежнему двенадцать и она не королева тенниса, а девочка, приходящая домой всегда не позже восьми. Тому много примеров. Вот один. Когда в 1987 году в Ванкувере на Кубке Федерации у сборной ФРГ выдался свободный от игр день, и команда решила вечером собраться всем вместе и потанцевать немного, Петер Граф нашел эту затею неподходящей для своей дочери:

— Ты же устала, Штеффи, ты же хочешь спать, а?..

И Штеффи пошла спать. А во время праздника, организованного по случаю победы в саду миллионера Мика Редфорда, когда кое-кто из теннисисток, подражая шефу команды Клаусу Хэфзесу, отправился купаться прямо в одежде, папа Граф послал на пляж свою Штеффи в закрытом купальнике. Отношения Штеффи и ее отца уже подвергались насмешкам и становились предметом карикатур в дешевых листках. Но она не обращает на это внимания, разве что говорит: «Кто нападает на него, нападает на меня».

Именно в семейной замкнутости, которую Штеффи и ее родители так берегут от любого проявления человеческого любопытства, объяснение необыкновенной психической устойчивости Граф. В отличие от Бориса Беккера, живущего в Монте-Карло и предпочитающего светский образ жизни, она охотно уходит в тень во всем, что касается ее привычек, отдыха и т. д. Она отдыхает дома, где ее ждут любимые собаки Макс и Бен. Здесь она может расслабиться и передохнуть. Здесь она может

заниматься, чем душе угодно: печь пироги, жарить мясо. Она играет в карты и достигла успехов в скате. Но ее любимая игра — это та, в которой принимают участие вместе с ней папа, мама и брат Михаэль. И именно долгим пребыванием вне дома она объясняет два поражения от Сабатины весной 1988 года. Одиннадцать недель подряд Штеффи не была тогда дома и очень устала от Америки.

— Больше я так делать не буду, — сказала она.

Страстно любит Штеффи ходить на концерты поп-музыки. Если чувствует, что на нее не смотрят, то бывает там среди самых активных. Тогда она как бы возвращается в свой возраст, становится тинэйджером, «потому что я чувствую себя именно на столько, сколько мне и есть». После крупного успеха в Париже Петер Граф, например, заранее знал, куда направится его дочь: немедленно домой, в Манхейм, в дискотеку «Тиффани».

— Она будет танцевать и будет сходить с ума, — сказал он.

А молодые люди? В большом спорте, где планированию подвергается все, как быть с чувствами, которые трудно запланировать? Насколько опасна для Штеффи будущая любовь, которая может лишить ее всегданнего спокойного самочувствия на корте? Папа и тут знает ответ. Он уже видит будущего избранника Штеффи. И перед глазами — темноволосый, спортивный парень, «хорошо понимающий требования, которые ставит жизнь перед теннисисткой экстракласса». Но пока лишь один человек удовлетворяет этим высоким требованиям — это сам Петер Граф.

И еще. Штеффи очень нравится капризный, недисциплинированный, играющий по настроению импровизатор Джон Макинрой. Потому, наверное, что каждый из нас тайне хочет быть тем, кем он не является. Штеффи — не исключение. Она не любит смотреть на себя по телевизору, не любит рассматривать фотографии с собственным изображением. Она не склонна к самолюбанию и не считает себя венцом творения — ни в том, что касается характера, ни в том, что касается внешности. И даже на корте. Ее сегодняшний стиль, судя по всему — не более чем сегодняшний стиль. Какие-то новые ростки появляются в ней. Совсем недавно она отдала три гейма противнице, стоящей много ниже ее в табели о рангах. Она похлопала, когда другая отличным ударом выиграла очко — так аплодирует противнику и Навратилова. И еще — что уж совсем удивительно для серьезной и скромной Штеффи, умеющей держать себя в руках, — она закричала: «Дерьмо!», попав мячом в сетку на центральном корте Уимблдона...

— Публика, — с удивлением сказала Штеффи Граф после финальной игры с Навратиловой, — в этот раз была на моей стороне...

Любовь со второго взгляда?

Перевод с немецкого И. Козловой

ЭТОТ «НЕСИМПАТИЧНЫЙ» ЛЕНДЛ

Йозеф
Саси

«Каменная Маска», «Иван Грозный», «Рыба» — вот только некоторые из прозвищ, прочно закрепившихся в западной печати за первой ракеткой мира Иваном Лендлом. Да, в отличие от своих соперников, Лендл не может похвастаться особой популярностью ни у журналистов, ни у болельщиков. Теннис в его исполнении средни тяжелой монотонной работе, производимой роботом.

Неудивительно, что о Лендле журналисты писать не любят. А если репортеры и решаются на это, то представляют теннисиста как брюзгу, человека с вечно плохим настроением. Что говорить, в сравнении с симпатичным Андре Агасси и Борисом Беккером Иван Лендл явно проигрывает. Тем не менее именно этот теннисист вот уже пятый год (с небольшим перерывом) стоит в мировой таблице о рангах на первом месте.

Для советских любителей тенниса Лендл — это спортсмен, который всегда проигрывает. Так уж получилось, что все телезнакомство с мировым теннисом до недавних пор ограничивалось Уимблдонским турниром. А именно там, на прекрасной уимблдонской траве, Иван всегда чувствовал себя неуютно. В его большой коллекции побед на турнирах «Большого шлема» до сих пор нет приза из Уимблдона. Зато среди 80 с лишним турниров — три победы на открытом первенстве США на «Флэшинг Мидоу», три — на открытом первенстве Франции на «Ролан Гарросе» и одна — на чемпионате Австралии. Больше выигранных турниров только у ветерана тенниса Джимми Коннора, но американец уже заканчивает свою карьеру.

Не будет преувеличением сказать, что любовь к теннису Иван впитал вместе с молоком матери. Ольга Лендлова в 50-е годы была одной из лучших теннисисток Чехословакии. Отец Ивана — Иржи Лендл тоже играл в теннис, находился во второй десятке национального списка. Иржи и Ольга познакомились еще в теннисной школе, полюбили друг друга. Свадьбу сыграли лишь через несколько лет. 7 марта 1960 года в семье Лендлов родился первенец — мальчик.

Ольга Лендлова сразу взяла воспитание сына в свои руки. Уже в четыре года Иван получил в подарок от матери свою первую в жизни теннисную ракетку. Мальчик рос физически крепким и смелым. Ему нравилось постоянно стоять с ракеткой и мячом у стенки их дома. Родители поощряли спортивные увлечения сына, однако не делали ему никаких поблажек. Когда мальчику исполнилось семь лет, его отдели в специализированную теннисную школу. Уже тогда в Чехословакии отлично функционировала система отбора юных теннисных талантов. Многочисленные селекционеры отбирали мальчиков и девочек по всей стране. А затем

создали команду самых перспективных. В ней было тридцать шесть мальчиков и девочек. Спустя много лет их имена узнает весь мир.

Первый большой успех пришел к Ивану в 1978 году. Восемнадцатилетний Лендл выиграл юношеский турнир в Уимблдоне. Подумать только — это будет его первый и пока последний счастливый день на знаменитом корте! После этого прекрасная трава Уимблдона с ее непредсказуемым отскоком мяча станет приносить ему одни неприятности.

Но тогда, в 1978 году, юниор из Остравы быстро шагает вверх. Спустя несколько месяцев после Уимблдона он выигрывает юношеский турнир на открытом первенстве США. В конце того года вступает в Ассоциацию теннисистов-профессионалов. В итоге его провозглашают «Юниором года». Сметая все на своем пути, Лендл врывается в первую сотню лучших теннисистов мира. Все больше специалистов начинают обращать внимание на молодого игрока, обладающего великолепным ударом справа.

В 1980 году возглавляемая Иваном сборная ЧССР выиграла Кубок Дэвиса. После решающего матча на пресс-конференции журналисты спросили, о чем он мечтает больше всего. Лендл улыбнулся:

— Наконец-то я стал взрослым. Теперь я смогу взять автомобиль на станции проката...

В свою очередь специалисты и журналисты ищут объяснения столь быстрого взлета молодого чехословацкого теннисиста. В конце концов объяснение находят в его ударе справа. И действительно, этот удар стал для Ивана своеобразной палочкой-выручалочкой в самые критические моменты на корте. Как правило, он выполнял топ-спин, при котором мячу придавалось сильное вращение в направлении его полета. В отличие от соперников, Иван уже тогда одинаково хорошо выполнял удар как слева, так и справа.

Лендл и его тренер Войцех Фибак — сам в прошлом известный теннисист — взяли на вооружение этот удар из арсенала тогдашнего лидера мирового тенниса шведа Бьёрна Борга. Однако Борг выполнял этот удар в несколько иной манере. Швед очень мощно закручивал мяч, гораздо сильнее, чем Лендл, что позволяло ему добиваться поразительной стабильности ударов. Но Иван, допуская немало ошибок при выполнении этого технического приема, вместе с тем добивался цели благодаря исключительной силе удара.

Уже тогда знатоки тенниса предрекали Ивану серьезную травму плеча из-за такого удара. Однако мало кто мог заметить, что во время замаха Лендл ослаблял мышцы руки, сжимая ручку ракетки лишь в самый последний момент перед контактом с мячом. Именно эта индивидуальная особенность позволила Ивану долгое время избегать травмы плеча. Во всяком случае, плечо стало его мучить лишь во время неудачного сезона 1988 года. А тогда, в 1981 году, он ворвался в тройку сильнейших теннисистов. Впереди него лишь американец Джон Макинрой — Дуэль между холодным, рассудочным Иваном и сумасбродным Джоном за первое место продолжалась четыре года. Слишком они разные, эти два больших теннисиста. Без сомнения, Макинрой более талантлив, чем Лендл. К тому же тщательно выверенная, механическая игра Ивана не приносила успеха на травяных кортах. Но, в отличие от своего главного конкурента, Иван более дисциплинирован и организован. Все это и решило в итоге исход дуэли в пользу Лендла.

В начале 80-х годов Иван принимает решение, которое изменит всю его жизнь.

В конце 1981 года он прибывает с гостевой визой в США. Иван решил обосноваться в небольшом городке Гринвич, что в штате Коннек-

тикут. Фактически Гринвич — дальний пригород Нью-Йорка. До Манхэттена всего 35 километров по скоростной дороге — хайвею. Сам Гринвич расположен на живописном берегу залива Лонг-Айленд. Словом, прекрасное место жительства. Здесь Иван приобретает большую виллу и несколько гектаров угодий. Он продолжает числиться чехословацким гражданином, но все реже выступает под знаменами национальной сборной на играх Кубка Дэвиса. Отношения с руководителями чехословацкого тенниса постепенно обостряются.

Во главе сборной становится Ян Кодеш — чемпион Уимблдона 1973 года, с которым Иван уже давно «на ножах». К тому же в разгар «Флэшинг Мидоу» 1985 года Иван получает уведомление о том, что ему надо вернуться на родину для прохождения регулярных военных сборов. Излишнее рвение военных чиновников в итоге дорого обошлось чехословацкому теннису. Получив повестку, Иван тотчас пригласил в Гринвич своего менеджера и адвоката. Посоветовавшись с ними, он решил отказаться от возвращения на родину и обратиться к американским властям с просьбой о предоставлении гражданства США. Правда, адвокат советует теннисисту не питать больших иллюзий на быстрый исход дела. Ведь Лендл, в отличие от Навратиловой, прибыл в США с разрешения властей. А это значит, что процедура получения нового гражданства может затянуться на десять лет.

Летом 1985 года все газеты мира обходит сенсационное сообщение:

— У Ивана Лендла появилась подруга.

Теннисным звездам трудно жаловаться на отсутствие внимания со стороны прекрасного пола. Неудивительно, что во время матчей телекамеры постоянно показывают симпатичных молодых женщин, напряженно следящих за событиями на корте. Долгие годы место «подруги Ивана Лендла» пустовало. Журналисты даже окрестили теннисиста Монахом. И вот сердце Монаха дрогнуло. Они познакомились на Багамских островах, где Лендл отдыхал после очередной неудачи на Уимблдоне. Инициатива знакомства принадлежала ей — длинноногой, красивой брюнетке. Девушку звали Саманта Франкель. Лишь спустя некоторое время Иван с удивлением узнал, что ей всего 15 лет. А вскоре Саманта рассказала, что ее отец — миллиардер и владелец огромной империи отелей. Неожиданно для всех курортный роман перерос в любовь. Юная красавица на долгие годы стала верным другом теннисиста. Как свидетельствует тогдашний менеджер Ивана — Гарольд Соломон: Иван не любил дискотеки и вечеринки. Он всегда сторонился девушек.

Но однажды ему неслышанно повезло. Он встретил прекрасную девушку. Саманта стала идеальной подругой. Пожалуй, никто в мире не в состоянии выслушивать длинные и нудные монологи Ивана. Это может только Саманта...

Несмотря на перемены в личной жизни, Иван продолжал разочаровывать журналистов. Его жизнь и отношения с Самантой протекали очень мирно, без срывов. Одно время газеты смаковали факт несовершенства Саманты, но затем и эта пикантная тема иссякла. Появление Саманты благоприятным образом сказывалось на Иване. Он стал менее холодным. Хотя, конечно, для большинства болельщиков эти перемены были не видны. Так или иначе, но с появлением Саманты Ивану удалось впервые выйти на первое место в мировой таблице о рангах.

В те самые дни, когда Лендл познакомился с Самантой, в жизни его главного соперника — Джона Макинроя тоже произошла значительная перемена. На одном из приемов он встретил молодую кинозвезду из Голливуда — Татум О'Нил, дочь знаменитого актера. Мак влюбился в

нее с первого взгляда. А дальше развитие их отношений приняло неожиданную поворот. Макинрой берет три месяца отдыха и покупает дом рядом с Беверли-Хиллс (районом Лос-Анджелеса, где живут кинозвезды). Ради прекрасной Татум Макинрой забывает обо всем на свете. Правда, он успевает вовремя продлить свой отпуск еще на полгода. Воспользовавшись отсутствием своего главного соперника, Иван занимает первое место в мировом списке.

Джон Макинрой возвращается на корт лишь летом 1986 года, но уже в конце первой сотни. Все последующие годы американец разрывался между Татум, подарившей ему двух сыновей, и теннисом. Но, приобретя верную подругу и прекрасных детей, Макинрой так до конца и не смог восстановить свою былую форму. Теперь у Ивана Лендла уже не оставалось больше равного соперника. Да, были в мировом теннисе более талантливые игроки, чем Иван, но среди них не нашлось никого, кто бы мог постоянно соперничать с Лендлом за первое место.

1986 год был для Ивана весьма успешным. Он победил на «Ролан Гарросе», выиграл «Флэшинг Мидоу».

— Лендл — настоящее чудовище. Чтобы выиграть у Ивана Грозного, надо быть либо таким же чудовищем, либо таким же талантливым, как Макинрой, — сказал после очередного поражения от Лендла Анри Леконт.

Секрет успехов «чудовища» объяснялся просто. Благодаря огромной силе воли он смог овладеть надежнейшей игрой на задней линии, которая позволила компенсировать недостаточное чувство мяча.

Известный австралийский теннисист 60-х годов Тони Роч, ставший наставником Лендла, помог ему сделать игру более разнообразной. В многочасовых тренировках теннисист добился автоматизма в приеме подачи и комбинации: подача — выход к сетке. Огромная работа позволила Ивану усовершенствовать и подачу. И лишь в игре на траве теннисисту так и не удалось добиться решающего перелома, хотя в целом его результаты улучшились. Тем не менее самые чувствительные поражения Лендл терпел именно на траве. Вспомним финал Уимблдона 1987 года. Австралиец Пат Кэш разгромил Лендла всего за два часа сорок пять минут в трех партиях. Впрочем, таких неудач в самые решающие моменты в биографии Лендла было немало. В 1981 году он проиграл финал «Ролан Гарроса», затем трижды терпел поражения в финалах на «Флэшинг Мидоу». Однако затем Иван трижды побеждал во Франции (1984, 1986, 1987 гг.) и трижды — в США (1985—1987 гг.). До недавних пор в этом списке турниров «Большого шлема» не хватало лишь двух: чемпионата Австралии и Уимблдона.

В начале 1988 года Иван делает не свойственное ему самоуверенное заявление:

— В этом году я обязательно выиграю «Большой шлем»!

Еще никогда он не был так уверен в своих силах, как сейчас. С новым сезоном Лендл связывал самые дерзкие мечты. Но именно этот сезон стал самым неудачным за всю карьеру Ивана. Он смог победить всего на трех турнирах «Гран-при», проиграв все турниры «Большого шлема». Сначала в январе он уступил в полуфинале открытого чемпионата Австралии Кэшу. Спустя несколько недель проиграл в Филадельфии австралийцу Джону Фитцджеральду, стоящему в теннисной табели о рангах значительно ниже. Неожиданная неудача, усугубившаяся переломом большого пальца правой ноги.

На целый месяц Лендл становится пациентом знаменитого Института спортивной медицины в Ки-Бискейне (штат Флорида). Медицинское обследование показало, что организм Ивана перетренирован и нуждается

в отдыхе. Врачи советуют ему сменить ежедневные многокилометровые пробежки на велосипедный кросс. Один из хирургов как-то после осмотра предупредил Лендла: «Если вы не откажетесь от своего фирменного удара, то очень скоро вам придется вставлять новое плечо!» Хирург оказался провидцем, но тогда Иван не внял предостережению.

Когда после двухмесячного перерыва Иван вновь возвращается на корт, то с удивлением обнаруживает, что его лидерство находится под угрозой. Всего 28,5 очка отделяют Ивана от бурно прогрессирующего шведа Матса Виландера. Лендл понимал, что спасти его могут только победы. И он идет ва-банк. В течение одного месяца он выигрывает три турнира подряд. «Это были самые счастливые тридцать дней в моей жизни», — скажет Лендл потом. Благодаря победам положение его на троне немного стабилизируется. Казалось, кризис преодолен. Можно быть спокойным. Но это только внешнее спокойствие. Продолжает напоминать о себе травма колена, все больше беспокоит плечо. Не способствует спокойной обстановке и суд, который начался в штате Коннектикут по иску Лендла. Дело в том, что в декабре 1987 года теннисист порвал все отношения с фирмой «ПроСерв». И вот в мае 1988 года он обратился в суд с тем, чтобы договор его был признан недействительным. Лендл обвинил руководителей «ПроСерв» Дональда Белла, Альфонсо Монта и своего бывшего менеджера Соломона в мошенничестве, обмане и нарушении контракта.

— «ПроСерв» не способен отстаивать мои интересы, — заявил Иван на открытии суда. — Настало время, чтобы общественному мнению стало известно обо всех фактах мошенничества со стороны «ПроСерва».

Теннисист выдвинул против фирмы огромный иск — 25 миллионов. Разрыв с «ПроСервом» побудил Ивана создать свою менеджерскую компанию «Спектрум спортс». Вскоре теннисист-бизнесмен организует еще одну компанию — на этот раз рекламную «Таким Интерпрайз».

Все эти неурядицы все чаще находят свой выход в поведении Лендла на корте. Зрители с удивлением обнаруживают, что обычно невозмутимый Иван начал препираться с судьями. Во время матчей он постоянно требует замены линейных, удаления фоторепортеров. Публика, которая всегда недолюбливала Лендла, встречает все эти требования свистом и оскорблениями. Наконец Лендл не выдерживает и высказывает все, что думает о болельщиках.

— Я не люблю этих глупых болельщиков. Они ничего не понимают в теннисе и мешают сконцентрироваться на игре, — заявил он после чемпионата в Италии в мае 1988 года.

Лендл полагал, что все неприятности исчезнут сами собой после победы на «Ролан Гарросе». Но здесь, в Париже, на земляном корте его ждет провал — поражение от шведа Ионаса Свенссона уже в четвертьфинале. Этот матч Лендл проиграл вчистую в трех партиях. Впервые за десять лет он не выиграл ни одной партии на «Ролан Гарросе». Обиднее всего, что Иван фактически сдался уже после второй партии. Третья напоминала матч двух разных по классу соперников, настолько велико было преимущество Свенссона. Уж на что терпеливая Саманта, но и она покинула трибуны стадиона задолго до конца поединка.

Иван уходит с корта, хромая. Снова травма, но для отдыха уже нет времени. Впереди ненавистный, но столь желанный Уимблдон. Чтобы приспособиться к нелюбимой траве, Лендл приезжает в Англию за несколько недель до чемпионата. В полуфинале Уимблдона он проигрывает Бенкеру. Саманта и друзья советуют ему остановиться, взять несколько недель отдыха. Но какой может быть отдых, если его преследует настырный Виландер. Правда, швед не победил на Уимблдоне, и это

позволило Лендлу продержаться на первом месте уже 150 недель. До рекорда Коннора осталось всего десять недель. Десять недель — это два с половиной месяца. Это значит, что Лендлу нужно выиграть свой самый любимый турнир — на «Флэшинг Мидоу».

Так случилось, что судьба первого места в мировой теннисной классификации решалась в очном поединке. В начале сентября Виландер и Лендл сошлись на «Земляничной поляне» — финале открытого первенства США. До того дня перевес в личных встречах был на стороне Лендла — 19:13. Но в тот осенний вечер победу отпраздновал Виландер. Конечно, Лендлу уже было не привыкать к поражениям. Однако эта неудача в Нью-Йорке повлекла за собой серьезные последствия. Ему не удалось приблизиться к рекорду американца Билла Тилдена, который шесть раз подряд (1920—1925 гг.) побеждал на «Флэшинг Мидоу». А самое главное, проиграв Виландеру, Лендл был вынужден распрощаться с первым местом в мировой классификации. Он пробыл первой ракеткой мира 157 недель. До рекорда Коннора оставалось всего двадцать дней. Наконец, самое неприятное последствие — давно подстергавшая травма правого плеча. И снова Лендл должен оставить теннис и поселиться в больничной палате в Ки-Бискейне.

Подобные неудачи могли бы сломить любого теннисиста, но не Ивана. В январе 1989 года он вновь бросает вызов судьбе, заявляя о намерении завоевать «большой шлем». И первым на его пути — открытый чемпионат Австралии. Долгие годы этот турнир не приносил Ивану особых лавров — он проводился на травяном покрытии. И вот организаторы чемпионата решают отказаться от устаревшего травяного покрытия. Вместо него теннисистов ожидает ультрасовременное синтетическое покрытие и огромные проблемы. Жаркое австралийское солнце превращает игру в настоящую пытку, когда температура синтетического ковра достигает 70 градусов по Цельсию. Такое испытание оказалось по силам лишь «чудовищу». В финале Лендл не оставил никаких надежд олимпийскому чемпиону Милоslаву Мечиржу.

Удача вновь приходит к Ивану — после четырехмесячного перерыва он возвращается на первое место.

— Пожалуй, я еще никогда в жизни не был в такой прекрасной форме, — заявляет Иван в Далласе, а на следующий день проигрывает своему старому сопернику Макинроу. Но это всего лишь досадная неудача, которая быстро забывается благодаря победам в Скоттсдейле и Токио. Свое 29-летие Иван встретил на корте в Скоттсдейле. Всего за 57 минут он расправился с третьей ракеткой мира шведом Стефаном Эдбергом и поехал с Самантой отмечать день рождения.

29 лет для теннисиста — это пора настоящей зрелости и мудрости.

— Моя игра зависит от многих факторов: от удачи, здоровья, желания играть в теннис и выигрывать. А для победы необходимо прежде всего сохранять отличную физическую форму, — признался в интервью журналу «Спорт иллюстрийтед» Лендл.

И ради формы он не щадит себя. Каждый день поднимается в шесть утра. Многие годы он начинал тренироваться с 15-километровой бегой по морскому песку. Травмы колена и боль в бедрах заставили его отказаться от пробежек. Теперь тренировка утром начинается с 30-минутной аэробики, а затем Лендл садится на гоночный велосипед, подаренный Бернаром Ино. Ежедневная норма — 30 км.

После гонки на велосипеде следует завтрак. Саманте приходится проявлять чудеса кулинарного искусства, чтобы накормить Ивана. Дело в том, что теннисист давно исключил из своего рациона яйца, соль, жиры, говядину и свинину. И, само собой разумеется, не притрагивается

к алкоголю. За одиннадцать лет в профессиональном теннисе Иван не прибавил в весе ни грамма. Сегодня, как и все эти годы, он при росте 180 см весит 78 кг. Помимо четырехчасовых ежедневных теннисных тренировок Иван играет в гольф и хоккей. Вообще хоккей — его давняя слабость. К помощи Лендла всегда прибегают ветераны НХЛ в традиционных матчах с командой нью-йоркской полиции. И помощь Ивана всегда приходится кстати. Так, в одном из матчей он забросил две шайбы и сделал одну результативную передачу. Во время другого поединка он заменил травмированного вратаря и отстоял почти два периода «сухим». Кстати, хоккейные симпатии Ивана разделяются между двумя клубами НХЛ «Хатфорд Уолерс» и «Эдмонтон Ойлерз». Вот уже два года Лендл — член директора «Хатфорда», и в то же время его связывают дружеские отношения со многими звездами из «Эдмонтона».

Считается, что Иван Лендл — замкнутый человек, с трудом идущий на контакт. Однако немногие друзья (в основном хоккеисты и полицейские) считают его очень добрым и приветливым человеком. В последние годы Иван настойчиво стремился не выделяться среди жителей Гринвича. Даже построил у дома флажок и каждый день поднимает американский флаг. Опрос жителей Гринвича показал, что они и не догадывались, что их сосед был иностранцем. Единственная связь с Чехословакией у Лендла — в сфере бизнеса. Его фирма «Спектрум» взяла под свое покровительство всех чехословацких хоккеистов, играющих или собирающихся поехать за океан. Теперь Лендл стал менеджером таких известных мастеров чехословацкого хоккея, как Либа, Пашек и Свобода. В далекой перспективе теннисист собирается создать новый клуб НХЛ, основу которого составят хоккеисты сборной ЧСФР. Подобная деятельность Лендла, конечно, не осталась незамеченной в тогдашней Чехословакии. Братиславская «Правда» обвинила теннисиста в «подстрекательстве чехословацких хоккеистов к бегству за океан». А после того как Иван в очередной раз отказался выступать в Кубке Дэвиса, «Руде право» потребовала лишить его чехословацкого гражданства. Впрочем, сам Иван уже давно не считает себя гражданином ЧСФР. Сейчас он уже «чешский американец».

За долгие годы пребывания в мировом теннисе Лендл завоевал призы на общую сумму в 15 миллионов долларов (на май 1990 года). К этому можно прибавить еще несколько десятков миллионов долларов за рекламу продукции различных фирм. Так, Иван постоянно рекламирует продукцию фирмы «Адидас». По условиям контракта он обязан постоянно опробовать все новые модели кроссовок, которые обычно появляются на рынке лишь через несколько лет. По подсчетам журналистов, контракты с фирмами принесли Лендлу как минимум в несколько раз больше, чем он заработал на корте за 11 лет.

Обладая состоянием примерно в 30 миллионов долларов, Лендл активно занимается бизнесом. Работники двух его компаний буквально стонут от деспотизма шефа. Лендл, не задумываясь, увольняет как опоздавших на работу, так и профсоюзных активистов. Все его подчиненные обязаны приходить на работу в тройке и галстук. Лендл не терпит рядом с собой людей в джинсах и с небритой щетиной на щеках. Любопытно, что, занимаясь дома делами, Иван всегда надевает костюм и галстук.

Было время, когда он коллекционировал гоночные автомобили. Однако страсть к быстрой езде прошла после того, как он врезался в чужой автомобиль неподалеку от дома. Обошлось без жертв, но Лендлу пришлось заплатить 40 тысяч долларов штрафа. С тех пор теннисист распродал с большой выгодой свою обширную коллекцию. В его громадном

подземном гараже осталось только две машины: «Порше-944» и «Мерседес-560». Гоночный автомобиль «Порше» Иван подарил Саманте, оставив себе более престижный «Мерседес».

Вместо коллекционирования дорогих автомобилей Иван в последние годы занимается подготовкой экспонатов для будущего «Музея Славы Лендла». Для этой цели он выделил самую большую из двадцати шести комнат на вилле. В этой комнате, защищенной пуленепробиваемыми стеклами, бронированными дверьми и сигнализацией, находятся все призы, завоеванные Иваном. Гвоздь коллекции — несколько сот теннисных ракеток, в том числе инкрустированных драгоценными металлами. В числе экспонатов есть макет любимого Иваном корта «Флэшинг Мидоу», выполненный из благородных металлов. На почетном месте висят фотографии с дарственными подписями от Рональда Рейгана и Джорджа Буша и клюшка короля хоккея — Уэйна Гретцки.

В отличие от чемпиона, его подруга предпочитает коллекционировать кукол и лошадей. На вилле в Гринвиче оборудована небольшая конюшня. Пока Лендл тренируется, Саманта занимается верховой ездой в окрестностях города. Ей 20 лет, и она уже шестой год живет вместе с Иваном. В сентябре 1989 г. Иван и Саманта наконец-то официально зарегистрировали свои отношения, а весной 1990 г. у них родилась дочь.

Часто по вечерам они садятся перед двумя большими телевизорами и смотрят разные программы (благо наушники это позволяют). В то время как Иван следит за хоккеем, Саманта с упоением смотрит программы видеоклипов. Она стала для Ивана больше, чем подругой. Саманта — его главный советчик и «начальник штаба». Именно Саманта помогла Ивану написать автобиографию с примечательным названием «Упорно». Журналисты давно уже махнули рукой на личную жизнь Лендла как на неинтересную. И действительно, за все пять лет между ними не было ни одной большой ссоры. Этим Лендл явно выделяется по сравнению с Макинроем, Агасси или Беккером. Во всяком случае, большинство его соперников проиграли немало турниров из-за неудач в личной жизни. А вот с Иваном этого не происходило.

Как-то у Лендла спросили, чтобы он хотел взять себе на вооружение от соперников. Подумав немного, Иван решил взять «у Коиннора — прием подачи, у Кэша — игру у сетки, у Беккера — силу, у Макинроя — подачу под левую руку, от Мечиржа — умение запутывать соперников своими ударами».

— А чтобы дали взамен? — не унимались журналисты.

— Дисциплину, волю и упорство! — не раздумывая, ответил Лендл.

Да, благодаря этим качествам он и смог добиться успеха в мировом теннисе. И Беккер, и Макинрой, и Эдберг одареннее его. Однако им вряд ли удастся в ближайшие годы превзойти Ивана. Ведь для победы над Лендлом мало быть талантливым, нужно еще превзойти его в силе воли, мужестве и характере. А пока такого теннисиста в мире нет.

— Успехи придут к тебе, если будешь упорно работать, — сказал Иван в интервью западногерманскому журналу «Киккер». — У меня осталась одна мечта — завоевать Уимблдон. Без победы в этом турнире мне бы не хотелось уходить из большого тенниса. Но даже если я никогда и не выиграю Уимблдон, то все равно считаю, что мне повезло в жизни...

Можно не сомневаться, что Иван Лендл сделает все, чтобы покорить эту последнюю вершину. Такой уж у него характер!

История в предметах

МУЗЕЙ ТЕННИСА

Всеволод Кукушкин

Трудно сказать, сколько существует в мире музеев тенниса. Больше того, одни известны на всю планету, другие — только в округе. В одних стенды едва не ломаются от экспонатов, в других вся экспозиция уместается в одной комнате. Тем не менее в каждом из них есть свое очарование, есть свой особый аромат, дух...

Ежегодно в среднем около 50 тысяч поклонников тенниса заходят в музей, недавно открытый в Уимблдоне. Он быстро стал настолько представительным, что вошел в путеводители по столице Англии. Популярность музея так высока, что новые экспонаты стали поступать как со всего Альбиона, так и из-за рубежа. В 1987 году главным приобретением музея стала картина неизвестного автора, написанная маслом, на которой изображена девочка викторианского периода с ракеткой в руках. На картине стоит дата — 1883 год. Именно эта картина и положила начало новому разделу музея — «Искусство и предметы искусства».

Конечно, можно любоваться картинами как произведениями искусства, а можно изучать их с точки зрения теннисиста. Английский журналист Рой Маккилви, разглядывая картину, датированную 1889 годом, обратил внимание на то, что мяч на ней слишком большого размера, ракетка, не имевшая струн, судя по всему была предназначена для бадминтона или настольного тенниса, но хватка была именно для настоящего тенниса, сквоша или бадминтона. Правда, так держали ракетку немногие звезды, и одним из тех, кто именно так держал ракетку, оказался... Фред Перри.

На другой картине изображены две девочки, играющие в игру, похожую на сегодняшний бадминтон. Ее автор —

Дэнисл-Томас Уайт выставлял свои работы в 1860—1885 гг. И хотя почетный титул чемпионки «среди леди» не разыгрывался до 1884 года, картина свидетельствует, что детей поощряли к игре даже до того, как женский теннис в действительности приобрел права гражданства. Кстати, картина в какой-то степени подтверждает, что бадминтон чуть старше тенниса.

Помимо картин живой интерес вызывают... бронзовые скульптуры. Одна из них изображает джентльмена времен королевы Виктории подающим мяч. Но больший интерес вызывают две французские скульптурки, автор которых Антуан-Луи Бари. Он считается отцом французской скульптуры XIX века. Среди его студентов был Огюст Роден, признанный, в свою очередь, отцом современной скульптуры.

Есть немало и необычных экспонатов. Так, странный деревянный аппарат вызывает у зрителей аналогии с машинами пытки времен испанской инквизиции. На самом деле — это пресс для 24 ракеток, изобретенный парижанином Адриеном Тюммером и запатентованный в Лондоне в 1907 году. Первый абзац его авторской заявки гласит:

«Представленное изобретение предназначено для сжимания ракеток и, в частности, относится к устройствам такого типа, в которых стягивающий винт вместе с перекладной и ручным колесом может быть остановлен в различных положениях вдоль параллельных стоек, расположенных по длине машины».

Затем следуют еще две с половиной страницы описания этого механизма. Сам экспонат был найден в США и приобретен на аукционе.

Надо сказать, что музей не только демонстрирует различные экспонаты,

но и ведет издательскую деятельность. Недавно вышел сборник стихов, присланных на радиоконкурс Би-Би-Си на тему «Отправляясь в Уимблдон». А библиотекарь музея Алан Литл подготовил альбом, посвященный выдающейся теннисистке Сюзан Ленглен.

Многими специалистами Ленглен признается величайшей теннисисткой всех времен, даже среди таких звезд, как Хелен Уилс, Крис Эверт, Мартина Навратилова и другие. Ленглен выиграла Уимблдонский турнир шесть раз, уступив за все время всего два сета, а на чемпионате Франции повторила это же достижение, но не проиграла ни одного сета. В 1926 году операторами известной фирмы «Пате» был снят фильм «Сюзан в игре». И его можно увидеть на небольшом экране в зале музея.

Впрочем, перечисление экспонатов Уимблдонского музея могло бы занять много места, и ему можно было бы посвятить еще несколько страниц, но хочется рассказать и об однокомнатном музее в теннисном центре Уайт Сити в Сиднее в Австралии.

Он расположен по правую руку от входа в здание клуба теннисной ассоциации штата Новый Южный Уэльс. Правда, это временное помещение — дело в том, что популярность музея быстро стала столь высокой, что ему решено выделить большее помещение под новой, западной трибуной центрального корта. Кстати, строительство трибуны велось на средства, выделенные правительством штата, которое рассматривает создание такого музея как важное мероприятие.

Идея создания музея родилась, а точнее — была обнаружена в 1984 году, когда члены общества «Друзья ассоциации тенниса Нового Южного Уэльса» с беспокойством обнаружили, что история тенниса в Австралии «растекается». Еще одним толчком к созданию музея явился... подарок, сделанный стране компанией ЭССО — большая библиотека книг о теннисе, собранная энтузиастом игры Гэри Симмондсом. Пример оказался, как говорится, заразительным. Различные призы, книги, журналы, программки, теннисный инвентарь разных лет, спортивная форма бывших звезд стали поступать в музей в качестве подарков. В результате для каждого турнира «Друзья» готовят оригинальную экспозицию.

В январе 1989 года, когда в чемпионате штата Новый Южный Уэльс участво-

вала группа советских теннисистов, экспозиция была посвящена истории игры начиная с 1874 года. Среди экспонатов был... футляр для настольных часов — рядом с овалом для часов была помещена фигурка теннисистки. На стенде стояло устройство для... чистки мячей, для их маркировки и специальная рулетка для разметки корта. Кстати, при входе в музей стоял женский манекен, облаченный в белое платье, которое по сегодняшним стандартам подходило бы для церемонии бракосочетания, разве что ракетка при этом выглядела бы несколько неожиданно.

Там же были выставлены теннисные туфли Бориса Беккера и Штеффи Граф, адидасовская ракетка Илне Нэстасе с натяжной струн, названной «спагетти» и запрещенной Международной федерацией тенниса. Слово для сравнения лежали ракетки конца прошлого века.

Одна из проблем, с которой столкнулись «Друзья», — необходимость сбора средств для покупки экспонатов. Дело в том, что многие предметы с каждым днем становятся все дороже, так как приобретают ценность антикварната. Выход был найден довольно оригинальный. Теперь поступление в общество стоит десять долларов, но есть способ заодно и обессмертить свое имя в мире тенниса. За внос в пятьдесят долларов имя жертвователя будет высечено на одном из кирпичей, из которых сложено здание клуба. Остроумная идея! Помимо этого продаются различные сувениры музея — значки, брелки и даже шариковые ручки с надписью «Музей тенниса Уайт Сити».

При выходе из музея каждый посетитель может расписаться в книге посетителей. Одни указывают в ней страну, из которой приехали, свою профессию, другие добавляют слова пожеланий.

Можно предполагать, что уже в скором будущем музей в Сиднее развернет свою экспозицию в полном виде и любители спорта смогут лучше познакомиться с историей этой игры на Зеленом континенте.

Взгляд с корта

МАТЧ, ПОТОРОПИВШИЙ СУДЬБУ

Андрей
Черкасов

Андрей Черкасов, чемпион СССР по теннису, рассказывает о матче, сыгранном им в крупнейшем турнире «Гран-при» в Милане.

— Когда мы прилетели, я уже знал, что предстоит участие в отборочном турнире, который будет предшествовать традиционно престижным соревнованиям «Гран-при», проводящимся в Милане. В Италию и на этот раз съехались сильные теннисисты, и большинство располагались на компьютере АТП* значительно выше меня. И потому в основную сетку, то есть в главный турнир, я по своему рейтингу не попадал. Надо было пробиваться через сито квалификационного турнира — из 32 участников в основную сетку допускали четырех.

Все, к счастью для меня, сложилось удачно. Я успешно провел три матча. Начал поединком со Стефано Меззадри, младшим братом Клаудио Меззадри — игроком основного состава сборной Швейцарии, видимо, представлять его не надо: он выступал в Донецке осенью 1988 года, когда наша национальная команда проводила финальный матч европейской группы «А» с теннисистами Швейцарии. Младший пока слабее, но достаточно силен: техничен, подвижен, осведомлен в секретах тактики. В первом сете я взял верх в борьбе — 6:4, во втором было проще — 6:0. Затем обыграл итальянца Уго Бианджани 6:0, 6:3. И в решающей игре встретился с еще одним соперником из Италии Диего Нарджизо. Его считают восходящей звездой мирового тенниса. Диего, мой ровесник, к началу турнира на компьютере АТП был 89-м. Мое же место было в тринадцатом десятке. Я выиграл 6:2, 6:3.

К тому времени «основная» сетка была уже составлена — четырем победителям квалификационного турнира оставили четыре места. Значит, в первом круге можно было попасть на одного из четырех соперников. Но на кого именно? Ведь двое — игроки первой мировой десятки: Якоб Хласек из Швейцарии (он тоже играл в Донецке) и знаменитый француз Анри Леконт.

Когда узнал, что жребий предложил мне труднейшее испытание — матч с Леконтом, да еще на центральном корте, то был... Не столько даже огорчен, сколько озадачен. Представьте мое настроение — пробился в такой турнир, и вот — на тебе... В первой же встрече мне противостоит девятый, по итогам 1988 года, теннисист мира. Уже знаю, что матч будет транслироваться по телевидению. Уже знаю, что эти репортажи берет у итальянцев чуть ли не вся Западная Европа.

Силу Леконта я, конечно, представлял. И тем не менее выходил на игру с намерением дать бой. Не слишком ли большая смелость для новичка?

* АТП — ассоциация теннисистов-профессионалов.

Пожалуй, нет. Я знал, что в последнее время, особенно после Нового года, Леконт не в лучшей своей форме, что у него то ли длительный спад, то ли временная усталость; в Австралии он в двух турнирах проиграл в первом же круге, а я в одном дошел даже до финала. Но если Леконт неудачно выступил в двух турнирах, то почему бы не попробовать обыграть его и в третьем, тем более что я, по-моему, на подъеме. Год начал хорошо, в Австралии выступил лучше, чем ожидал, здесь тоже успел «вкатиться» в турнир — сыграл три победных матча. Чувствовал себя в форме и потому рассчитывал на успех. Настраивался только на победу.

Нет, нет, я понимал, что мы выступаем, так сказать, в разных весовых категориях, что класс и тем более опыт несоизмеримы, и все-таки... Почему бы не попробовать? Истина и в теннисе всегда конкретна: мастер должен доказать, что он не вообще выше соперника, но выше именно сегодня, в те часы, когда и свел нас на корте жребий.

От меня требовалась полная мобилизация сил. Требовалась максимальная самоотдача: у нас в этом споре аргументы разной весомости и, стало быть, разные основания рассчитывать на успех. Я должен был выложить абсолютно все, чем располагал — в отличие от Леконта мне нельзя было что-то оставить в запасе.

Матч проходил напряженно — по крайней мере, с моей точки зрения. Испытания для меня начались с первого же гейма. Соперничать с таким мастером, как Леконт, очень непросто, точнее сказать — тяжело. Он мощно играет по всему корту. У французского теннисиста сильная подача и активная манера действий.

Но мне удалось найти в его игре некоторые слабости. Точнее говоря, я знал о них и до матча. При игре слева, в высокой точке, после моего сильно закрученного мяча он атаковать не может. Леконт чаще всего ошибался именно в такой ситуации, и в этих случаях я получал возможность вести активную, атакующую игру.

Поясню, что имею в виду, говоря о слабостях Леконта в игре слева. Это не значит, что мяч находился по левую руку от него. Дело в том, что Анри — левша, и, говоря «слева», я имею в виду, конечно же, мяч, который находится от него справа. Но в теннисе в таких случаях говорят слева, потому что исходят из традиционного восприятия игры соперника, — ведь большинство теннисистов держат ракетку в правой руке. Поэтому, читая мой «репортаж с корта», прошу иметь в виду это уточнение.

Итак, слева в высокой точке Леконт играет слабее, и впервые я отметил это для себя летом 1988 года, когда на «Ролан Гарросе» он играл финал открытого чемпионата Франции против шведа Матса Виландера. Виландер буквально «сел» под его удар слева и обезоружил французского теннисиста — Леконт ничего не мог сделать. Ему приходилось играть только резаными ударами, а в такой игре он ошибается чаще. Виландеру было легко справиться с соперником — атаки Леконта не носили сокрушительного характера.

Мои партнеры по сборной встречались с Леконтом и, значит, имели уже личный опыт встреч с ним. Андрей Чесноков, по-моему, играл раза четыре, если не больше. И проиграл он французю на том турнире не потому, что был слабее, а потому, что уступил тактически. Александр Волков тоже встречался с Леконтом. Перед игрой я тренировался именно с Волковым, и он дал мне несколько советов. Александр рассказывал, например, что на его игре сказались то обстоятельство, что это была первая встреча с Леконтом, а по ходу матча, по его характеру и содержанию он мог и выиграть. Саша доказывал мне реальность победы над этим теннисистом. Напоминал он и о слабостях Леконта, в том числе и о той, которую я назвал.

Однако, найдя слабости в действиях соперника, я вовсе не был «обре-

чен» на успех — противостоял-то мне первоклассный мастер, который умеет и маскировать собственные слабости, и навязывать такую игру, при которой нелегко сыграть так, как хочется, как надо.

В первом сете при счете 1:1 мне удалось выиграть подачу Леконта, и я повел 2:1. Матч только начался, все было впереди, однако, как это ни странно, именно в тот момент я почувствовал, что могу удержать это преимущество: подача на таком покрытии значит очень много — отыграть отданный гейм тяжело.

Мы играли гейм за геймом. Преимущество в счете я сохранял, но даже физически ощущал, что соперник меняет игру. Видел, что Леконт все чаще рискует. Я понимал, что играет он вовсе не из последних сил, что он по-прежнему энергичен, но вместе с тем замечал, что и ему нелегко.

Каждый гейм объективно приближал меня к победе в первом сете. Больше ли стал я волноваться? Наверное. Даже сейчас определенно сказать не могу — боюсь ошибиться. С одной стороны, я все ближе и ближе был к счастливому концу, с другой — приближающийся финиш, вероятно, дополнительно нервировал меня. Я держал свою подачу до счета 5:4. Еще один гейм — и сет за мной. Но не тут-то было. Леконт сыграл блестяще — если бы я сидел на трибуне, если бы он выигрывал не у меня, то пришел бы в восхищение: Ари выиграл четыре мяча «навзлет». Его удары были такой силы и такой точности, что не оставляли мне никаких шансов. После приема подачи он в несколько ударов наращивал мощь своих ответов.

Леконт отлично выходил на мяч — удары получались хлесткие, мощные и точные. Особенно хорош был его обратный бэкхенд — удар справа двумя руками.

Настроение у Леконта, конечно, поднялось: самое трудное и нервное для проигрывающего теннисиста — отыграть подачу соперника — было уже позади. Он справился с задачей. Откровенно говоря, я расстроился: вел-вел, и вот — на тебе! Но огорчение было не настолько велико, чтобы выбить из колеи.

В мире тенниса лидеров знают. И если Леконт ничего, вероятно, обо мне не знал, то я о нем был достаточно хорошо осведомлен. Знал и то, что он игрок не безупречно стабильный. Не забывал я, понятно, и о том, что в последние недели Леконт выступал неудачно, и потому догадывался, что и ему морально нелегко: нет уверенности, того куража, который порой позволяет этому мастеру буквально творить чудеса.

Я знал, что в тот момент от меня требуется предельное внимание и собранность — только этими достоинствами мог я попробовать компенсировать разницу в классе.

Нет, думаю, ничего для меня унижительного в том, что перед выходом на корт я отчетливо представлял себе, кто есть кто в начинающемся матче. Он — профессор, а я студент, собирающийся брать у него полезнейший урок. Нет, ничего обидного для меня в таком вот восприятии предстоящей дуэли не было.

О различии в классе я помнил. А может быть, на какое-то время — в азарте борьбы — забывал. Сейчас сказать трудно. Если забывал, то это, конечно, развязывало руки. Я и при счете 5:5 верил, что в принципе могу выиграть сет.

Счет поединка напоминает, что борьба в первой партии шла равная. При 6:6 был назначен тай-брейк, и этот дополнительный гейм мне удалось выиграть 10:8.

Наивно предполагать, что Леконт был «убит» неудачей. Думаю, он по-прежнему не воспринимал меня со всей серьезностью. Как бы удачно ни начал год, сколько бы очков ни набрал, к началу турнира в Милане я оставался за пределами первой сотни.

Второй сет начался моей подачей, но Леконт выиграл первый гейм. Известно, что в матчах с такими соперниками нельзя отдавать свою подачу, и опытный мастер не замедлил напомнить об этом, наказав меня за оплошность.

Выиграв первый сет, я, видимо, в какой-то степени перевозбудился. Эмоции захлестнули. Про эйфорию говорить не стал бы. Но тем не менее что-то в своем внимании утратил.

Во втором сете был момент, когда я при своей подаче сделал две двойные ошибки. Ценой невероятных усилий удалось все же вытянуть свои геймы, но Леконт не простил мне промашек: нервотрепка из-за этих «проколов», желание не упустить подачу в конце концов сказались. Единственный шанс выравнять положение появился при счете 4:5, когда Леконт на своей подаче имел 15:40.

Но он сыграл как настоящий мастер, выиграл тот нелегкий для него гейм, а вместе с ним и второй сет 6:4.

Я понимал, из-за чего проиграл. И тем не менее видел, что Леконт по-прежнему играет не настолько уверенно, чтобы в решающем сете у меня не было никаких шансов.

Француз выравнивал положение в матче.

В третьем сете накал борьбы нарастал.

Я настроился играть предельно внимательно. Главное — ни за что не отдавать свою подачу. А затем... Кто знает, может быть, удастся зацепиться за его подачу?

И еще одно обстоятельство. Я был увлечен борьбой, но все-таки замечал и реакцию сидящих на трибуне товарищей. Видел, чувствовал, что они меня поддерживают.

Улавливая подбадривания в перерывах между геймами, услышал, как кто-то сказал: «Можешь выиграть». Меня поддержали, особенно после второго сета, и это было важно. Удивительно, но и публика больше болела за меня. Наверное, жаждали сенсации.

Встреча оказалась напряженной, я испытывал такие же физические и нервные нагрузки, как за неделю с небольшим до того, когда в матче Кубка Дависа в Праге встретился с лидером чехословацкой команды Милославом Мечиржем — тогда я проиграл 2:3.

Леконт обычно слева играет резаным ударом. Крученный мяч посылает реже. Как правило, в том случае, когда мяч принимает в средней точке. Причем делает он это довольно уверенно.

В этом решающем сете мне важно было не вязаться в перестрелку, твердо следовать своему плану. Я прижал соперника к задней линии, не позволяя ему атаковать, и потому даже когда проходили крученые удары, ему было тяжело. Леконт по-прежнему старался входить в корт, постоянно атаковать и при первой же возможности выходить к сетке. Кручеными мячами я затруднял ему действия.

Считаю, тактически провел тот матч хорошо. Благодаря этому и победил. Как только я играл чуть-чуть короче или чутьочку резче, что было совсем не обязательно, Леконт успевал встретить мяч в средней точке, и тогда ему удавался его план, он наращивал силу ударов. Я должен был использовать не сильные, а высокие удары, играть длинно и по возможности по восходящему мячу, чтобы самому атаковать.

Несколько геймов я буквально балансировал на лезвии бритвы — Леконт не однажды мог выиграть мою подачу. Если бы это случилось, матч был бы за ним.

К счастью, мне удалось вырвать несколько важных очков, решавших исход того или иного гейма.

Пожалуй, кульминация наступила в восьмом гейме. Счет был 4:3 в мою

пользу. Подавал Леконт. И вот впервые в этом сете мне удалось взять его подачу.

А больше всего запомнился розыгрыш того мяча, который я выиграл, когда счет на его подаче был 15:30. Удачно принял подачу, послал мяч Леконту в ноги. Он два раза играл с лета по углам площадки. Я оба эти мяча достал. А при приеме третьего удалось обвести соперника кроссом слева. Этот мяч, мне кажется, многое решил: 15:40. Потом я принял подачу, которой суждено было стать в том матче для соперника последней, послал мяч Леконту в ноги, он принял с лета, я достал мяч слева и послал по линии, практически навывлет.

Счет стал 5:3. Победа была, я чувствовал, рядом — только руку протяни. Однако Леконт, как и подобает истинному мастеру, вовсе не считал свое дело безнадежным — он играл как ни в чем не бывало. И вот счет уже стал 0:30. Я все-таки сравнял счет в этом гейме. Несколько раз было «ровно», и со второго матчбола мне наконец удалось добиться победы.

Встреча эта для меня необычайно важна. Я не люблю громких слов, даже боюсь их. Но вот одно слово поразило меня в последнее время в нашей печати. Я не знаю, может и не к месту, но вспомню его — «судьбоносный». Так, следуя моде, мог бы и я оценить тот день и тот матч: он, как какая-то чудесная катапульта, выбросил меня высоко вверх. Говорю сейчас не только о том, что после Милана, после победы в следующем круге поднялся на восьмидесятые позиции в классификации АТП. Неизмеримо важнее другое. Победив такого игрока, я почувствовал себя намного увереннее. Поверил, что могу не только играть на равных, но и побеждать мастеров.

До этого было несколько встреч, когда мне буквально чуть-чуть не хватало до выигрыша. Может быть, это нескромно с моей стороны, но считаю, что и в матче с Мечиржем победа могла быть на моей стороне.

Такая же ситуация была и в игре с аргентинцем Гильермо Перес-Ролдана, в день нашей встречи 14-м в мировой классификации теннисистом — тогда я проиграл решающий сет на тай-брейке. И этот матч проходил в Праге: в рамках тамошнего турнира серии «Гран-при».

В Сеуле я неплохо играл против Брада Джилберта — проиграл ему в четырех сетах, причем второй выиграл 6:1. Однако тогда я не чувствовал своего права на победу.

Мне нужна, понимаете, нужна была победа над игроком мировой двадцатки — тем более счастлив я был, выиграв у теннисиста из первой десятки.

Турнир в Милане был для меня испытанием и в ином плане. Меня считают игроком грунтовых покрытий, то есть медленных кортов. Однако, мне кажется, я стал перестраиваться, привыкать к разным типам покрытий. И 1989 год начал успешно, играя именно на быстрых кортах. В Сиднее я был в финале на шевроне, считающемся быстрым покрытием. В Милане в восьмерку основного турнира, в четвертьфинал я попал на суприме, т. е. тоже на быстрых кортах. Да и на Кубке Дэвиса в Праге мы играли на быстрых покрытиях.

Не знаю, могу ли считать себя уже универсальным игроком? Хотелось бы прибавить в игре и на таких быстрых кортах.

Проблем у меня немало, но чувствую, что мне по силам улучшить игру. Очень хочется надеяться, что победа над Анри Леконтом ускорит мой путь к вершинам тенниса.

Живая практика игры

Андрей
Новиков

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Долгое время считалось, что международный теннис не признает официальных чемпионатов мира, Европы и т. п. Такое мнение во многом сохраняется и сейчас, хотя в последние годы специальные жюри из прежних корифеев корта называют чемпионов мира, определяются звания победителей европейских первенств среди взрослых и юных теннисистов, после большого перерыва разыграны медали олимпийского тенниса. Но все же многие популярные соревнования мирового масштаба, например розыгрыш Кубка Дэвиса, продолжают как бы прятаться за именами учредителей призов.

То же можно сказать и о женском эквиваленте Кубка Дэвиса — Кубке Федерации, учрежденном в 1963 году по инициативе активных поборниц эмансипации женского тенниса Хайзел Уайтман и Нел Хопман. Эти состязания не что иное, как командный чемпионат мира. Сам приз представляет собой большую серебряную вазу около метра в диаметре, на которой выгравированы имена победителей. Завоевавшие его теннисисты фотографируются с ним в руках, а затем переходящий приз, стоимостью в 300 английских фунтов, отправляется в штаб-квартиру Международной федерации тенниса.

С каждым годом цена победы в розыгрыше Кубка Федерации растет. Так, сборная Чехословакии-88, ставшая чемпионом мира в Мельбурне, заработала 80 000 долларов из общего призового фонда в 314 000 долларов, назначенного главным спонсором турнира — японским концерном электронной промышленности НЕК, который выступает в этой роли уже девятый год.

Быстро летит время. Не успев оглянуться, как в Японии состоится очередной розыгрыш Кубка Федерации, приуроченный, кстати, к 90-летию основания корпорации НЕК, а затем и турнир в США. Не будем гадать о шансах той или иной сборной на турнире в Токио. Прогнозы — дело неблагоприятное. Тем более что силу сборной в теннисе определяют ее лидеры, а они, как показал турнир 1988 года, далеко не все съезжаются на командные соревнования. Именно поэтому в Мельбурне наша команда (Наталья Зверева, Лариса Савченко, Лейла Месхи и Евгения Манюкова) была «посеяна» под первым номером среди 37 участников. Напомню, на предыдущем турнире в Ванкувере она не попала даже в восьмерку сильнейших.

Вторыми в турнирной таблице значились спортсменки США, третьими — прошлогодние победительницы теннисистки ФРГ и четвертыми — представительницы Чехословакии. О подобной предварительной расстановке сил наши девушки узнали уже в Мельбурне, куда они прилетели из США, где выступали в турнире «Мастерс», а затем провели неделю в гостях у Пэм Шрайвер, участвуя в показательных встречах, средства от которых пошли на нужды здравоохранения.

Хотя мы уже привыкли считать наших лидеров Наталью Звереву и Ларису Савченко закаленными турнирными бойцами, было заметно, что роль фаворитов оказалась еще не отрететированной — они постоянно обсуждали эту новость — конечно приятную, но и весьма обязывающую. Ну а поскольку против лидеров соперники всегда играют с подъемом, то не удивительно, что почти все матчи для нас складывались трудно — то проигрывала Савченко, то Зверева, и решающее очко приходилось добывать в паре.

Столь высокий «плюс» сборной СССР достался потому, что в Кубке Федерации-88 по разным причинам не выступали Штеффи Граф, Мартина Навратилова, Крис Эверт, Габриэла Сабатини, Пэм Шрайвер, сестры Малеевы, и по сумме мест в мировой классификации Наташа и Лариса были наравне с американками (учитывается положение двух первых членов команды), но лучшее среди всех участниц седьмое место Зверевой обеспечило советской сборной перевес.

По мнению специалистов, в Кубке Федерации, в отличие от Кубка Дэвиса, и один в поле воин. То есть наличие, скажем, в чехословацкой команде Хелены Суковой или в западногерманской Клаудии Коде-Кильш вполне достаточно для победы над любым соперником. А ведь у этих спортсменов была и отличная поддержка. Чехословацкий тренер Иржи Медонос доверил место второй ракетки 17-летней Радке Зрубачковой, которая не входит в мировую элиту, но выступала без промахов. А в паре у чемпионки выходили свежие силы Яна Новотна и Яна Поспишилова. Новотна накануне стала победительницей турнира в Брисбене, остальные, кроме Суковой, тоже там выступали и, естественно, хорошо акклиматизировались.

В сборной ФРГ «вторую скрипку» играла опытнившая Сильвия Ханника, которую сумела одолеть Савченко, что и вывело в итоге сборную СССР в финал.

Главной сенсацией соревнований стало поражение уже во втором круге американок — рекорсменок по числу побед в Кубке Федерации (12) от теннисисток Швеции.

— В чем причина? — спросил я у тренера команды США, в прошлом одного из ведущих теннисистов мира Марти Риссена.

— Нервы. Женский теннис — это сплошные нервы. Накануне я предполагал, что со шведками будет играть наша ведущая здесь спортсменка Барбара Поттер, но она из-за волнения и бессонной ночи оказалась не готова к встрече. Груз ответственности выступления за национальную команду оказался не по плечу дебютантке Патти Фендик и Лори Макнейл...

Да, в отсутствие звезд из первой десятки мира

получили возможность проявить себя в командной борьбе молодые спортсменки, но каких-либо ярких открытий встречи на кортах Национального теннисного центра Мельбурна не принесли. У нас без замены играли Зверева и Савченко, готова была выйти им на помощь первая запасная Месхи. Все они молоды, имеют резервы для совершенствования игры и, будем надеяться, еще не один год смогут составлять костяк кубковой команды.

Австралия и, в частности, именно Мельбурн считаются местами, наиболее сложными для акклиматизации среди мировых теннисистских «точек». Дают себя знать и дальний перелет, и разница во времени (со странами Европы 10—11 часов). Декабрь на Зеленом континенте начало календарного лета, на солнце температура поднимается выше 30 градусов. Но погода меняется очень резко, а соответственно и атмосферное давление. За время соревнований теннисисткам, в том числе и нашим, несколько раз приходилось переходить из-за дождя с открытых площадок под крышу центрального корта Национального теннисного центра.

...Направляясь в далекий Мельбурн, я уже был наслышан об уникальном теннисном стадионе, который называют теперь еще одной национальной гордостью Австралии. По мнению многих мастеров этой игры, в том числе Ивана Лендла и Мартини Навратиловой, это сейчас лучший в мире теннисный центр, сооружение которого обошлось в 60 миллионов долларов. Он имеет 21 корт (16 открытых и 5 под крышей) с синтетическим покрытием, выдержавшим конкурен-

цию среди пяти других, предложенных фирмами по производству теннисных площадок. Один из выдающихся австралийских чемпионов, а ныне капитан команды на Кубок Дэвиса Тони Роч считает, что это площадки, где можно сыграть три упорных сета и не почувствовать усталости в ногах. Более того, уходя с корта, вы чувствуете себя так, что можете вернуться и сыграть еще один матч из пяти партий, говорит Роч.

Главной достопримечательностью Национального теннисного центра является, безусловно, центральный корт на 15 000 зрителей. Еще две арены имеют трибуны на 6000 и 3000 мест, где удобные сиденья позволяют вам без напряжения просиживать пятчасовые матчи, а при желании в жаркую погоду устроиться в пляжной обстановке.

Уже в первый день соревнований, когда во время матча СССР — Югославия пошел дождь, организаторам представился случай продемонстрировать возможности чудо-крыши на центральном корте. В течение 20 минут трибуны были перекрыты двумя движущимися навстречу друг другу 300-тонными «створками» размером 100 × 30 каждая. Зрелище, надо признаться, очень эффективное.

Как рассказал мне президент Австралийской федерации тенниса Брайан Тобин, когда нет больших соревнований, площадки предоставляются в широкое пользование любителям игры. Центральная же арена нередко превращается в концертный зал.

Приятно было видеть, как многие австралийцы горячо поддерживали советскую команду. А один из поклонников студент из Брисбена Стюарт Джонсон не только всегда располагался рядом с нами на трибуне, но и непременно разворачивал советский флаг. Как выяснилось, он хорошо знает многих советских спортсменов, болеет за наших футболистов, баскетболистов, легионеров...

Команда Австралии, возглавляемая играющим капитаном, любимицей местных болельщиков 34-летней Уэнди Турнбулл, «утешилась» тем, что ее парадные костюмы были признаны самыми красивыми на торжественной церемонии открытия. К сожалению, в этом разделе программы наши девушки не смогли составить конкуренции соперницам. Наверное, следует обратиться за помощью к модельерам, чтобы советские теннисистки выглядели на высоком уровне и в парадном строю.

Могла ли сборная СССР выиграть Кубок Федерации? Конечно, сложился финальный матч более благоприятно. У соперниц из Чехословакии турнирный путь оказался полегче, а Лариса и Наташа явно подустали, если учитывать и психологическую нагрузку, о которой говорилось раньше. И ведь это был первый наш финал. До этого дважды — в 1978 и 1979 годах — нынешний старший тренер команды Ольга Морозова и Наталья Чмырева выходили в четверку сильнейших, но преодолеть этот рубеж не сумели. Мы вправе надеяться, что выступления представительниц сборной СССР приобретут вскоре и «золотую» окраску.

Мельбурн — Москва

ТЕННИС НА ЭКСПОРТ

Виталий
Мелик-Карамов

Что может рассказать о посещении Америки человек, у которого в кармане в то время было 35 тысяч долларов? Что увидит в ней советский гражданин, помня о криминальной статистике в США лучше, чем о режиме работы ближайшей от собственного дома в Москве прачечной, и зная, что ни в банк, ни в гостиничный сейф, ни, упаси господи, в гостиничный номер он положить эти деньги не может. Можно остаться в чей-то дом, но паспорт и деньги должны быть при себе. Постоянная мысль о том, что денег в кармане нет, нагоняла, как фреон в холодильнике, такой же холод в желудок, какой вызывает экзаменационный билет после ночи занятий.

Такую немалую сумму (я и в рублях такой никогда не видел) мне вручили в Москве вместе со званием руководителя делегации теннисистов, куда вместе со мной входили Наталья Зверева и Лариса Савченко. Если они на протяжении месячного совместного путешествия по Штатам свои роли не меняли, поднявшись лишь в мировой классификации пар, то я попеременно был бухгалтером, носильщиком, охранником имущества, собственным корреспондентом, но меньше всего — руководителем. Когда приходилось рассчитывать за гостиницу или авиабилеты, и я из потайного, забулавленного кармана вытягивал пакет, перетянутый черной аптекарской резинкой, две звезды мирового тенниса делали вид, будто со мной незнакомы или всем своим поведением показывали, что такого чудика им навязали для того, чтобы он оттенял ту легкость, с какой они принимали американский образ жизни.

Девочки играли хорошо, и потому доллар за каждый турнир становилось все больше и больше. К концу путешествия, когда вез в Москву сумму

значительно крупнее, чем вывез из нее, и тревожно ощущал себя даже в самолете на высоте десяти тысяч метров, я понял, что с такими затратами нервной энергии мог бы вести и миллион. Ведь перед отъездом меня предупредили, в какой пропорции в рублях я отвечаю за доллары, и мне давно ясно: расплатиться, в случае чего, смогу, если пятьдесят лет буду отдавать всю свою зарплату.

Во второй половине ноября 1988 года в Нью-Йорке я оказался первым советским корреспондентом на женском профессиональном чемпионате мира по теннису, куда были приглашены 16 номеров в одиночке и 8 лучших в мире пар. Но перед этим главным соревнованием наши теннисистки играли еще в трех турнирах. В Индианаполисе, где призовой фонд равнялся ста тысячам, в Вустере, городке рядом с Бостоном — стоимостью триста тысяч, в Чикаго — двести пятьдесят. Все турниры входят в серию под названием «Вирджиния Слимз» — это имя носит крупнейшая табачная фирма, выпускающая все самые известные сигареты от «Филип Моррис» до «Мальборо» и финансирующая женский профессиональный теннис. Не зная подробностей американской системы налогообложения, замечу только, что не раз с иронией повторяли американцы: ответственность за убийство меньше, чем скрытие налогов, миллионы «Вирджинии Слимз» все равно ушли бы в государственную казну, отдавая же их теннису, компания получает рекламу.

За давностью событий не буду рассказывать о трех предньюйоркских турнирах, но о результатах скажу. В Индианаполисе Наталья Зверева и Лариса Савченко выиграли пару («дубль», как они говорят). Зверева одиночку (на их сленге — «сингер»)

здесь не играла. В Вустере пара поделила третье-четвертое места, а Наташа уступила в финале Навратиловой. В Чикаго «сингер» сыграли обе неудачно, зато вышли в финал «дубля», но там проиграли. Короче, не было турнира, чтобы не играть в финале, что означало: становились обладателями традиционного нарисованного чека размером в две книжные полки (настоящий, маленький разбирается, тоже вручали). В Индианаполисе Савченко невнимательным тоном, притавив мне картонный чек, попросила не забыть и его взять в Москву для отчета. Посмеялись. Правда, американцы не могли понять над чем. Они избавлены от этой бухгалтерской отчетности, им верят на слово.

Регулярные финалы заставляли мчаться на аэродром, чтобы успеть в другой город к началу нового турнира, так стремительно, что я вздрагивал и хватался за карман чаще обычного. В общем финалы стоили мне большой крови.

Наконец мы попали в Нью-Йорк — самый великолепный и самый безобразный, на мой взгляд, город в мире. Город роскошных лимузинов и вполне приличных дам и джентльменов на велосипедах, снующих по дорогам Парк-авеню. Здесь на знаменитом Мэдисон-сквер-гардене общий призовой фонд чемпионата мира равнялся 1 000 000 долларов. Цифра была написана всюду, как эмблема «Спартака» на московских подъездах. И отель, где жили теннисистки, был на престижной 42-й улице; в холле играл на механической рояле, а живой пианист с бородкой и в бабочке или дама в концертном платье, а по вечерам — небольшой оркестр. Наши талантливых девочек на тренировку возили в «кадиллаках» невероятной длины. Приятно смотреть, с какой непринужденностью и грацией, сверкая дырой на носке — профессиональная отметина, в автомобильное чрево с телевизором и баром садятся Зверева и Савченко. Наташа сразу вставляет в магнитофон свою кассету. А в Минске они с папой и тренером Маратом Николаевичем (машины у Зверевых нет) на тренировку ездят в городском автобусе.

Марат Николаевич Зверев догнал нас в Чикаго. Поздоровались, и он сразу сказал, что игрокам надо платить премию больше. Я спорить не стал, согласился, но попросил отметить, что я работаю в АПН, а не в Минфине. Старшего Зверева это успокоило, хотя и не

надолго. Забегая вперед, скажу: на этой же фразе мы расстались в Шереметьево, а в промежутке, если девочки проигрывали, он говорил: «Нет стимуляции», при победах сокрушался: «И всего лишь за такую маленькую премию».

Понять папу Зверева можно. Семнадцатилетняя Наташа на любые вопросы и возникающие проблемы реагирует тихой улыбкой и предпочитает находить в собственном мире, где отсутствуют грубые меркантильные расчеты. Первая пятерка мирового тенниса — это миллионерши. Следующая за ними десятка — девочки состоятельные. Что касается первой сотни то, по моему наблюдению, это хорошо оплачиваемые артисты своеобразного теннисного шоу, разъезжающие по городам и весям всего мира и делящие десятки турниров между собой в зависимости от ранга и приза, что совершенно не означает договоренности по поводу результатов. Как сказала возмущенная Зверева на мое гипотетическое предположение — «У нас матчи не расписывают». Это мнение шестой ракетки мира — доверять можно.

Теннис — одна из религий Америки. Наряду с гольфом. Три «б» — бейсбол, баскетбол, бокс плюс американский футбол — смотрят. В теннисе играют. А кто играет, тот говорить о нем и смотреть игру может без конца. Хотя в Нью-Йорке, хоть в Москве, хоть в Чугуеве (если там, конечно, есть корты). Правда, как выяснилось недавно, смотрят его и те, кто не играет. По опросам, теннис занимает третье место у любителей спортивных программ ЦТ после футбола и хоккея. Ну США — это понятно: там первоклассная теннисная индустрия. Но у нас ведь негде и нечем играть? В США, как я понял, играют люди не бедные. Правда, справедливости ради отметим, что одаренные американские дети занимаются в клубе бесплатно.

В клубе, на стоянке перед которым дорожные машины, годовой взнос тысячи четыре. Тем не менее за час, проведенный на площадке, надо платить еще 16—18 долларов. Бесплатно — баня и бассейн, тренажерные залы. В каждом клубе маленький магазин всевозможных теннисных принадлежностей. Для членов клуба они продаются с 25-процентной скидкой. Советских любителей тенниса в такие магазины пускать не надо — жалко людей. Самое интересное в магазине всегда цена: теннисные

туфли от 40 до 60 долларов, коробка с тремя мячами от 4 до 6, ракетки от 60 до 260.

Клуб — это обычно восемь-десять кортов под крышей и побольше — снаружи. Но есть и уникальные сооружения. В Нью-Йорке «мфи» таланты тренировались в «Тауэр-клубе». Экзотичное, должен сказать, место. Крыша двухэтажного склада примыкает к фасаду тридцатипятиэтажного жилого дома. На крыше установлен надувной зал с двумя кортами, а все раздевалки, душевые и даже крошечная гостиная с кофейваркой и микроскопическим магазином — в обыкновенной квартире на третьем этаже. Идешь от лифта по коридору вдоль квартирных дверей, а над одной из них написано: «Тауэр-клуб».

Есть волнующая нас теннисная тема — мячи. Я позволю на ходу деликатно заметить, что с тех пор, как мы начали переговоры о покупке автоматической линии (да-да, наши мячи должны быть дороже матрешек, они тоже делаются вручную), с тех пор она подорожала в несколько раз. Но их у нас как не было, так и нет. Американский тренер на занятиях с дюжиной ребят меньше двух полных тележек (штук 400 мячей) не вывозит.

Tравма, которую получила длинноногая красавица из Техаса, 20-летняя Стефания Райхе, играя парную встречу в Техасе против Савченко и Зверевой, открыла перед Ларисой двери в клуб шестнадцати лучших. Но судьба, столь милостивая к Савченко и злая к Райхе, решила, видимо, дать шансы по справедливости: при жеребьевке Ларисе выпало сразу же играть с Мартиной Навратиловой.

В сетке, представляющей собой опрокинутую набок равнобедренную пирамиду, где в вершине пишется имя единственного победителя, восемь строчек у основания были заполнены фамилиями, написанными черным цветом и восемь красным (севяные игроки). После первого круга, то есть $\frac{1}{8}$, оставался только красный цвет. Правда, непредсказуемая Лариса могла устроить самую большую сенсацию в этой кульминации теннисного года, основательно попортив нервы Мартине. Первый сет Лариса выиграла 7:6. Я впервые видел бледную и растерзанную Навратилкову. Ларисе удавались также обводящие удары, которых я за три турнира в США у нее ни разу не видел. Второй сет Мартина в равной борьбе вырвала — 7:5. В третьем, как выразился Марат Нико-

лаевич Зверев, сыграла «привычка побеждать» — 6:4.

Лихая девочка Лариса. Так и хочется о ней рассказать. Ну, например. В Чикаго тренировки проходят в клубе далеко от центра, а мы живем почти на берегу озера Мичиган, и шикарная одноименная авеню проносится почти у наших окон. В клуб девочек возят на «БМВ». Лариса периодически обирает меня, унося постепенно все значки. Мишелю олимпийца я жалую, выдаю ей купленные в ЦУМе неадекватные виды Москвы. В последний день выясняется, что значки она отдавала шоферам, те, в свою очередь, передавали Ларисе руль от «БМВ». Я воспринял это известие почти спокойно, так как узнал об этом в последний день.

Зато в Бостоне в самом начале Савченко вечером захотела тараньку. Нас отвезли в «русский» магазин. Весь советский продовольственный дефицит — от бородинского хлеба и колбасок был здесь представлен. «У вас есть таранька?» Я уже забыл, что в русском языке есть такое слово — «таранька». «Конечно, у нас есть таранька. А вы из Союза? Вы спортсменка? Я вам дарю тараньку. А вы — это уже ко мне — возьмите зефир. У вас в Союзе нет зефира, я вам дарю зефир». Я гордо отказался от подарков.

Наташа, потрепав нам нервы, одолев истеричную канадку Хелен Келеси (6:2, 6:1) — единственную теннисистку, не скрывающую довольной улыбки после ошибки соперницы. Марат Николаевич после первого сета так ругался, что даже не вспоминал премальные деньги. В следующем круге Наташа проиграла Сабатини, проиграла быстро, почти без борьбы. В конце турнира Ольга Морозова, старший тренер сборной, сказала: «Наташа уступила будущей победительнице. Тактику она выбрала, может быть, и верную, но мощи и скорости у нее еще не хватает. Габриэла совершила невероятный прогресс. Прибавить в стабильности, в силовой игре очень трудно, а она это сумела сделать». Морозова заметила, что все спортсменки первой десятки не случайно имеют тренера по физической подготовке. Еще отмечу глазом обывателя-любителя, что теннисные костюмы Сабатини сделаны знаменитой фирмой Серджио Таччини — они необыкновенно хороши и нежны. Размер ее туфель с той же эмблемой «СТ» не меньше 43-го, да и удар ракетки, рассекающей

воздух с шипением и свистом, скорее мужской, чем девичий.

В полуфинале Хелена Сукова из Чехословакии в паре с Коде-Килш из ФРГ играли против наших. Средний рост интернациональной пары за 1 метр 90 (прибавить к ним Пэм Шрайвер — и выйдет неплохая баскетбольная тройка нападения). Это был самый сумасшедший матч, в котором последний победный мяч принадлежал Наташе, перекинувшей крученую свечку через Коде-Килш. Когда же мяч приземлился, стадион не кричал, а стонал, потому что сил на крик уже не оставалось. Всего восемь лучших «дублей» мира вышли на корт — и вот наши в финале против Навратиловой и Шрайвер. Выход в последний круг был такой невероятной задачей, что продолжать решать новые Лариса и Наташа уже не смогли. Проиграв по привычке первый сет, они поломали игру во втором, но амешались ненадолго судьи, не заметили пару раз ауа — этого оказалось достаточно, чтобы отбить у девушек настроение. Проиграли.

Морозова сообщила мне, что Навратилова предложила Савченко играть с ней пару в следующем году. В случае удачного эксперимента такой альянс вполне можно считать, учитывая призы, совместным советско-американским предприятием. Все интересные новости я узнаю после ежедневного утреннего совещания у Морозовой. На обязательных после матча пресс-конференциях Морозова и Зверева так увлекаются, что начинают между собой болтать по-английски, совершенно забывая про единственного собственного корреспондента. А побеседовать со старшим тренером я могу только с половиной восьмого до половины девятого, причем в те промежутки, когда она не говорит по телефону. То есть в общей сложности шесть-восемь минут.

Морозова в Штатах пользуется редкой для советских людей популярностью, к тому же она обладает также редким для нас даром — свободно говорить по-английски. Так что все, кому не лень, раздирают ее на интервью, не без основания связывая успехи советского женского тенниса с ее именем. Мне кажется, если бы она брала за свои интервью гонорары, то по доходам вполне могла бы сравняться с первой десяткой игроков.

Победа в «дубле» смягчила переживание Шрайвер, проигравшей финал Сабатини. Я смотрел последний сет

в пресс-центре, где по пяти телефонам кричали без остановки пять аргентинских корреспондентов. Я позавидовал их напору и умению находить столько слов о матче, показываемом напрямую по телевидению.

И, наконец, прощальный бал в одном из самых фешенебельных ресторанов Нью-Йорка — в «Пьере». Вечер блекл-энд-уайт. Ни черного пиджака, ни тем более смокинга у меня с собой не было, как не было уже и тридцати долларов, чтобы взять вещи напрокат. Я пришел в темно-зеленом и, как мне казалось, «выгодно отличался». Чувство собственной исключительности мне испортила коллега, спортивный обозреватель Си-Би-Эс, она оказалась тоже не при параде. В знак солидарности я ей отдал последнего оцененного четырехкопеечного постаревшего, но все еще обязательного Мишу-олимпиадца, которого она сразу приколола к коричневому платью. И тут я услышал за хрустяще-хрустальным круглым столом, где уmeshалась вся наша делегация, такую фразу:

— Я перед отъездом купила 30 килограммов картошки по полтиннику...

Я оглядел огромный великолепный «Пьер» и понял, что настоящего нашего человека никакие приемы пронять не смогут.

Все говорили по очереди речи. В полутемном зале у Крис Эверт, стоящей на трибуне, блеск от бриллиантов в ушах напоминал лазерные лучи на телевизионной рекламе СОВИ.

— У Крис пятьдесят миллионов, — шепнула мне Морозова. Но торжественное сообщение о картошке за полтинник делало этот факт незначительным.

В день прошлого нашего отъезда прочел, что в девятимиллионной Москве 66 плавательных бассейнов, 96 стадионов и 482 корта. Я посчитал, что если не брать в расчет стариков и грудных детей, то каждый житель столицы располагает в неделю летом (так как более 400 кортов открытые) 1,728... минуты, когда он может поиграть в теннис. В стране крытых кортов меньше, чем в одном Нью-Йорке. И вот ведь что удивительно: успеваем готовить неплохих спортсменов. Призы-то возем. В чем же секрет советской «экспортной продукции»?

Виктор
Янчук,
Алексей
Патрикеев

СКВОЗЬ ПРИЗМУ УИМБЛДОНА

Приглашение к теннису

Мы шли от станции лондонского метро к теннисному стадиону Уимблдона. Мы — это государственный тренер Госкомспорта СССР Виктор Янчук и специальный корреспондент газеты «Советский спорт» Алексей Патрикеев.

По проезжей части со скоростью, отнюдь не соответствующей космическим параметрам конца XX века, двигалась бесконечная вереница автомашин. А по тротуарам их обгоняла человеческая лавина, жаждущая зрелища под всемирно известным названием «Уимблдонский турнир».

Впрочем, никто не спешил, не толкал, не цеплял друг друга и уж тем более не слышно было выражений типа нашенского: «А еще в шляпе». Это был поток благожелательных, уверенных в себе людей, пребывающих в отличном расположении духа.

А ведь далеко не всем из них повезло проникнуть за заветные ворота стадиона. Вот мелькнула в толпе фигура с плакатом: «Мне нужен только один билет!» Но билетов в кассах нет. Можно, конечно, воспользоваться услугами спекулянтов. Но цены таковы, что по карману только очень богатым людям. А богатые позаботились о себе заблаговременно, закупив самые комфортабельные места, а то и целые дожи.

И все же не иссякает полноводный живой поток. На что надеются эти ловцы удач! Шансы ничтожны. В лучшем случае какой-нибудь шальной билет на стоячее место. Но этому чуду любитель тенниса будет несказанно рад.

Уимблдон — не просто соревнование. Это уникальное явление, которому трудно найти аналоги. В этих заметках мы постараемся рассказать о феномене знаменитого турнира, взглянув на него, на современный теннис с разных точек зрения, измерив их в разных направлениях.

Вам, конечно, известен классический вариант одного из многих существующих у нас запретов: «По газонам не ходить!» В Англии все наоборот. Один из уголков теннисного стадиона в Уимблдоне носит название, как гласит табличка, «Лужайка для пикника». Здесь установлены столки под зонтиками, защищающими от дождя и солнца. Но большинство британцев, как нетрудно заметить, предпочитают попросту, непринужденно расположиться на травке, пренебрегая комфортом цивилизации. Они едят, пьют, а кто-то, возможно утомленный ночным бдением в ожидании вождя, решил отдохнуть, решил вздремнуть. И никого это не шокирует, все это в порядке вещей.

Немудреную снедь можно принести из дома, а можно приобрести в одной из бесчисленных «общепитовских» точек. Ежедневно за играми наблюдали в среднем около 30 тысяч зрителей. И все были напоены, накормлены. Что к тому же характерно — никаких очередей. Единственная очередь, которую мы видели в Лондоне — это очередь за билетами на соревнования открытого первенства Англии по теннису.

Чтобы закончить торгово-гастрономическую тему, упомянем о несметном количестве сувениров, которые предлагались посетителям — значки, наклейки, брелоки, авторучки и многое другое. Все с символикой Уимблдона. Само собой — программы, буклеты, теннисная литература. Обратила на себя внимание та гибкость, с которой действовали предприимчивые организаторы. На небе солнце — в ходу темные очки, козырьки, кепочки... Полил дождь — на прилавках появились яркие, разноцветные, веселые зонтики. Гармония спроса и предложения неизменно торжествовала. Можно было сделать покупки и посерьезнее — приобрести мячи, ракетки, форму, то есть все то,

о чем большинству наших любителей тенниса остается только мечтать.

Что еще предлагает Уимблдон рвущимся в него паломникам? Желающие могут поиграть в «шорт-теннис». К услугам любознательных — музей Уимблдона, знакомящий с более чем столетней историей турнира. Когда дождь в очередной раз прервал игры, зрителей, чтоб они не скучали, развлекал духовой оркестр.

Уимблдон чтит своих героев, чьи имена красуются на фасаде центрального корта. Теннисисты, когда-либо входившие в восьмерку сильнейших турнира или дошедшие до полуфинала в парном разряде, объединены в особый клуб. Наша страна представлена в нем Анной Дмитриевой, Ольгой Морозовой, Светланой Пархоменко, Натальей Зверевой, Ларисой Савченко и Александром Метрелви.

Теннисный стадион напоминает палаточный городок. Под одним из тентов и расположена резиденция клуба. Члены его пользуются определенными привилегиями. У них свой бар, своя ложа, а главное, есть помещение, где они могут встречаться друг с другом, вспоминать минувшие дни, беседовать в непринужденной обстановке.

Невольно возвращаясь к нашим делам, к нашим порядкам, точнее, к порядку. Ну разве наши ветераны не заслужили хотя бы некое подобие того, что есть в Уимблдоне? Пока спортсмены выступают — они в чести. А стоит уйти из спорта, увя, как постигает участь погасшей звезды. Даже на соревнования люди, составляющие славу советского спорта, порой не могут попасть беспрепятственно.

Однако вернемся в Уимблдон. Существует там и сервис особого свойства. Есть на стадионе «палатки», к которым постороннего и близко не подпустят, — какая-нибудь богатая фирма закупила ложу на трибуне, стоянку для автомобилей и это самое помещение со всеми житейскими удобствами. Но такие услуги только для тех, кому они по карману.

Пресс-центр оборудован по последнему слову техники самыми совершенными средствами связи. Стена одного из помещений «выложена» прямоугольниками телемониторов, что позволяет следить за любой из встреч, проходящих на кортах. По телевизионному каналу передаются и послематчевые конференции, в которых участвуют и победитель и побежденный. Через

10—15 минут текст интервью уже в отпечатанном виде лежит в соответствующем боксе.

ТВ — та ниточка, которая связывает журналистов со спортсменами, поскольку непосредственное общение с ними затруднительно. В раздевалки, естественно, вход запрещен. Вне кортов же теннисисты появляются только в сопровождении полицейских. Попробовал было Борис Беккер пройти по стадиону без эскорта блюстителей порядка, но был окружен столь плотным кольцом фотолюбителей и собирателей автографов, что с трудом вырвался из окружения.

Вообще полицейских в Уимблдоне много. Вот только работы у них мало. Несмотря на полную свободу торговли спиртным, пьяных на стадионе не видно. Самый серьезный инцидент, свидетелями которого нам довелось стать, заключался в следующем. Улетевший с корта мяч пытался прикарманить в качестве сувенира один из зрителей. Но полицейский иззял чужую собственность и вернул мяч на площадку.

Так что задачи стражей порядка скорее профилактические, страховочные, административные. Помимо опеки звезд мирового тенниса, полицейские, естественно, следят за проходом зрителей на трибуны. Во время розыгрыша очка вход строго запрещен. Занять свое место можно только при смене теннисистами сторон.

Надо отдать должное теннисной образованности и лондонских полицейских, и лондонской публики. Во время игры на трибунах царит поистине гробовая тишина. Трудно даже поверить, что на центральном корте собралось 14 с половиной тысяч зрителей. Но вот судьба очка решена и пожалуйте — выражай свои эмоции сколько твоей душе угодно.

Теннисное воспитание присуще не только зрителям, но и мальчикам, подающим мячи. Чувствуется безукоризненная выучка. Каждый из них знает свой маневр, и, например, прежде чем подать мяч, поднимет его, зажав в руке, чтобы спортсмен видел, откуда ему ждать помощи.

Уимблдонский турнир — это и одетые в элегантную форму судьи, среди которых, в отличие от наших соревнований, немало женщин. Не заметишь, чтобы у арбитров при исполнении своих обязанностей возникали какие-то сложности. Объясняется это в первую оче-

редь корректным, уважительным, истинно джентльменским поведением самих теннисистов, несмотря на предельные бескомпромиссность и остроту борьбы.

Помогает судьям и современная техника. Вы, наверное, обратили внимание на характерный сигнал, когда мяч не попадал в поле подачи. Это лазерная установка, которая держит под контролем определенную часть корта. Когда в поле ее зрения попадает какой-нибудь предмет (в данном случае мяч), моментально звучит сигнал.

Без сомнения, научно-технический прогресс все весомее будет заявлять о себе на соревнованиях по теннису. Но перед чем беспомощны пока организаторы Уимблдонского турнира, так это перед дождем. А он, как известно, частый гость туманного Альбиона. Но и в этом плане кое-какие шаги вперед уже сделаны.

В непогожий день теннисный стадион напоминает образцовое тепличное хозяйство рачительного фермера. Когда вы видели по телевидению, как укрывали корты от дождя, то наблюдали лишь за первой частью акции. Затем компрессоры подавали воздух, и каждая площадка превращалась в миниатюрный ангар, которому никакая дождь не страшен. Над центральным же кортом простирался гигантский, поистине царский шатер. Вот так бережно охраняются от капризов погоды все 18 площадок Уимблдона.

Сводит проводимый здесь турнир только к спортивному соревнованию — значит сужать его значение. Открытое первенство Англии — это грандиозный теннисный праздник, это красочное шоу, выстроенное по законам жанра. Пока мы рассказывали об Уимблдоне как гостях, как зрители, очарованные его неповторимой атмосферой. И говорили о внешней, лежащей на поверхности стороне дела. Но есть еще внутренняя, скрытая от посторонних глаз. Об этом — продолжение разговора.

Не дожидаясь понедельника

Как-то разговор зашел о практичности, деловитости, предприимчивости. Один из сотрудников советского посольства в Лондоне привел такой пример:

— Если англичанин в пятницу стал обладателем более или менее прилич-

ной суммы денег, он не станет держать ее дома до понедельника, — незамедлительно положит в банк. Казалось бы, два дня — пустяк. Но это уже два дня процентов, и притом весьма приличных.

Да, умеют деловые люди считать копейку. А теннис в наши дни — большой бизнес. Уимблдон же — крупнейшее коммерческое мероприятие.

Призовой фонд турнира составлял 3 063 049 английских фунтов (какая крупулезность!) или 5 329 705 американских долларов. Сумма внушительная. Но можно не сомневаться, что организаторы соревнований в накладе не остались. Доход наверняка превысил расход.

Источников поступлений множество. Сэндвичи, сувениры, апартаменты для имущих оборачиваются кругленькой суммой. Разумеется, пополняется касса благодаря продаже билетов. Телевидение, реклама, спонсорство — все это статьи дохода. нынешний теннис — гигантская индустрия с многомиллионным оборотом. Чтобы получить представление об этом механизме, нам нужно прежде всего уяснить, что же такое профессиональный теннис.

В отличие от многих других видов спорта, игра эта сугубо индивидуальна. И чрезвычайно популярна. Достаточно сказать, что Международная федерация тенниса объединяет более 140 стран. Вид спорта — глубоко интернациональный. Страна может не иметь прочных теннисных традиций. Достаточно появиться хотя бы одному талантливому игроку, как он тут же будет замечен, запущен на международную орбиту и при надлежащем усердии добьется высоких достижений. Так случилось, например, с Янником Ноа, который выступает за Францию, но обратил на себя внимание еще в Камеруне.

Теннисистов в мире не счесть. Но элиту составляют примерно 1000 мужчин и 700—800 женщин. Эти избранные судьбы посвятили себя теннису. Они живут по своим профессиональным законам, в условиях колоссальной конкуренции. Теннис — их дело в повседневном значении этого слова и дело в смысле способа зарабатывать средства к существованию. И в этом плане сильнейшие игроки далеко не бедные люди.

Еще не так давно — в 60-е годы женский теннис был практически неоплачиваемым. Мужчина, зарабатывающий на корте 200—300 тысяч долларов в год, считался сверхпреуспевающим.

Но времена меняются — сейчас нередки счет идет на миллионы.

Наш теннис долго варился в соусе любительства, мы позже других вышли на профессиональную арену. А это уже совсем иное состояние, иное качество, иные отношения — правовые, финансовые, этические и прочие. Возникли проблемы, которые в любительстве не существовали. Советские теннисисты, естественно, пожелали хотя бы в какой-то мере сравняться с «профи» — в обеспеченности, в быту, в сервисе. Отсюда — и некоторые тренеры, которые возникли в последнее время. Спортсмены-профессионалы начали защищать свои интересы.

Ситуация, с которой столкнулся Госкомспорт СССР, также была для него в новинку. Наше спортивное ведомство набиралось опыта в таких делах, что называется, на ходу. Не учитывать резонные требования теннисистов было просто невозможно. В результате стороны пришли к взаимоприемлемым решениям, которые, думается, не окончательны.

Нам есть у кого учиться, с кого брать пример. Допустим, с Чехословакии. В этой стране теннисист находится на содержании общества до 18 лет. Сначала он проходит подготовку в специальных центрах, с 14 лет участвует в различных соревнованиях. В этот период часть того, что заработали взрослые, тратится на подрастающую смену.

А по исполнению 18 лет наступает пора возвращения долгов, начинают действовать законы хозрасчета. На практике это выглядит так. Например, олимпийский чемпион Мечирж 70 процентов получаемых средств оставляет себе, а 30 — передает Национальной Федерации тенниса.

Сложившиеся в нашем теннисе порядки, взаимоотношения вошли в явное противоречие с профессиональным статусом игроков. В частности, имеются в виду отношения между теннисистами и тренерами.

В профессиональном спорте фигура номер один — сам игрок. С ним ведутся все переговоры, заключаются контракты (конечно, он может поручить эти хлопоты кому-нибудь, оставаясь все же главным действующим лицом). Наша же практика выделяет на первый план руководителя, начальника, администратора, в лучшем случае — тренера.

Под чьей опекой находились до недавнего времени, допустим, те же Зверев и Чесноков? Практически ими

руководили тренеры сборных, поскольку вся подготовка велась в централизованном порядке. Личные наставники оставались на вспомогательных ролях.

Практика же мирового тенниса утверждает главенствующее положение именно личных тренеров. Наставники сборных просто не в состоянии закрыть все брешы, а централизованная подготовка не решает всех задач.

Союз, скажем, Андрея Чеснокова с Татьяной Федоровной Наушко видится примерно таким. Игрок и тренер заключают договор на приемлемый для обеих сторон срок. В этом документе оговариваются условия их содружества. Чесноков, естественно, не единственный воспитанник Наушко. Она обязана уделять внимание и время и другим спортсменам. В период же наиболее ответственных соревнований Татьяна Федоровна могла бы сосредоточиться на работе с Андреем. Причем труд ее должен оплачивать он сам. При доходах Чеснокова негоже сидеть ему на иждивении у государства.

Практика договорных союзов распространена повсеместно за рубежом. По истечении оговоренного срока контракт может быть продлен или расторгнут. Кроме того, спортсмен может пригласить в помощь себе узкого специалиста, если у игрока, допустим, не ладится подача, с физиологией не все в порядке или психология подводит, словом, если надо подтянуть один из бесчисленных компонентов тенниса.

Как таковых тренеров сборных за рубежом нет. Естественно, возникает вопрос: а нужны ли они у нас? Думается, в наших условиях нужны. При предполагаемой активности, инициативности личных наставников, задача тренеров сборных должна носить стратегический характер с учетом главнейших соревнований года — Кубка Дэвиса, Кубка Федерации, турниров «Большого шлема»... Естественно, тесный контакт между коллегами подразумевается сам собой.

Не будем забывать и о нравственных началах, высоко ценящихся в спорте. Да, профессиональный теннис построен на коммерческой основе, на гонорарах, на прибыли. Но для нас святы такие понятия, как честь флага, клуба, Родины. Не будем впадать в крайность и игнорировать их. Самые высокие достижения отмечены знаком чести.

Проблемы, возникшие в последнее время в нашем теннисе, — не что иное, как проблемы переходного периода.

Мы отошли от любительства, но еще толком не пристали к профессионализму. Отсюда — уйма неясностей, неопределенностей. Важно поставить дело так, чтобы учесть интересы и спортсменов, и тренеров, и клубов, и прочих лиц и организаций.

Некоторый налет любительского легкомыслия дает о себе знать и в отношении к проведению теннисных соревнований. Мы традиционно ссылаемся на якобы богатый опыт прошлых лет: как же — организовывали такие грандиозные спортивные праздники, как Олимпийские игры, Спартакиады народов СССР.

Но, согласитесь, Олимпиада — это нечто другое, это акция высокого правительственного уровня. Спартакиада — наше внутреннее дело. Мы должны поселить спортсменов в общежития, и они будут довольны. На теннисном турнире такое исключено.

Да, мы провели бесчисленное множество мировых и европейских соревнований по различным видам спорта. Несомненно, определенный опыт в таких делах у нас есть. Но у нас нет опыта организации профессиональных теннисных турниров с их уникальной спецификой. На примере Уимблдона мы показали внешнюю картину таких соревнований. Теперь расширим рамки разговора.

Жизнь теннисиста-профессионала сурово регламентирована. За год он участвует в 20—25 турнирах. Соревнования идут круглогодично. Но в году всего 52 недели. Поэтому спортсмен в постоянном цейтноте. Международный календарь настолько плотен, что вклиниться, вписаться в него нелегко, трудно. Многие страны борются за честь провести у себя тот или иной турнир (к тому же это дело прибыльное), но не все ее удаются.

Советский Союз получил право организовать и мужской, и женской турниры высшей категории. Правда, сама эта категория имеет внутреннюю градацию. Наши турниры — это, фигурально говоря, Казбек в сопоставлении с Эверестом. Об этом можно судить хотя бы по призовому фонду — 100 тысяч долларов у женщин, 330 тысяч — у мужчин.

Для начала эти деньги нужно иметь в качестве стартовой площадки, а потом уже все остальное. Но это «все остальное» вменяет в себя так много специфических проблем, о которых не специалисты и не подозревают.

Прежде всего, как заполнить турнир

в свою страну? Тут нет иного пути, кроме как внести более или менее весомый вклад в развитие мирового тенниса, добиться определенных спортивных успехов. Фамилии наших теннисистов можно встретить и в сотне лучших, и в двадцатке, и в десятке. Немаловажен и фактор пристального внимания к нашей стране, желание поближе познакомиться с происходящими в ней переменами.

Итак, «добро» получено. Пора готовиться к встрече гостей. Тут-то уж мы вроде бы собаку съели. Кто не знает о традиционном русском гостеприимстве! Но обычно мы его отождествляем с хлебосольством, а это не одно и то же. Прием гостей, в том числе и спортивных, — сложная и тонкая наука.

Опять-таки вроде бы все известно. Что спортсмену нужно? Прежде всего приличная арена для состязаний, по возможности комфортабельное размещение, подобающее питание, регулярный курсирующий транспорт плюс для желающих культурная программа. Все как будто ясно. Но теннис начинает показывать своеобразие.

Для турнира в закрытом помещении база у нас роскошная — спорткомплекс «Олимпийский» в Москве. Но одной крыши над головой, сами понимаете, мало. Нужно, скажем, современное, отвечающее международным требованиям покрытие кортов. Для нас это уже проблема.

В отличие, допустим, от футбола, баскетбола или водного поло, игровой день в теннисе четко спланировать невозможно. Встречи нередко затягиваются допоздна, начало очередной из них практически непредсказуемо. Это, естественно, вызывает организационные осложнения.

Возьмем, к примеру, транспорт. Мы привыкли использовать вместительные «Икарусы». Но на теннисных соревнованиях их эксплуатация нецелесообразна. Нет смысла возить в этой крупногабаритной колеснице по два-три человека. Нужен парк (в достаточном количестве) легковых машин и микроавтобусов, работающих по вызову.

Свои сложности с питанием. Ведь как у нас принято? Завтрак, обед и ужин «от и до», в своем временном прокрустовом ложе. А если теннисист как раз в этот период находился на корте или вообще закончил встречу около полуночи? Что же — ему голодным оставаться? Вот когда самое время проявить истинное гостеприимство. Са-

мо собой, в избытке должно быть торговых точек на арене, где проходят соревнования.

Короче, теннисный турнир — это комплексный сервис, с которым мы пока не больно-то ладим. Он различен для разных категорий лиц, начиная от почетных гостей и кончая мальчишками, подающими мячи. Но первостепенная забота, естественно, о самом игроке. Жизнь теннисиста-профессионала сладкой не назовешь. Она состоит в основном из игр, прилетов и отлетов. Естественно, спортсмену нужно, чтобы его встречали и провожали, чтобы его в меру опекали, чтобы ему улыбались. Поскольку теннисистам нужен полноценный отдых, проживают они, как правило, в однокомнатных номерах, оплачиваемых опять-таки, как правило, со скидкой. Это тоже нельзя не учитывать, тем более что призовой фонд наших турниров достаточно скромнен.

Существует множество мелочей, которые необходимо предусмотреть. Это и холодильники на кортах, и полотенец для участников, и всевозможные сувениры... Как главенствующее в теннисе лицо, игрок ходатайствует перед организаторами соревнования об аккредитации тренера и других помогающих ему людей, о выделении билетов для своих гостей. Такая практика нам тоже не знакома. В теннисе прекрасно понимают, что вид спорта держится на игроке, а каждый из них — это личность. И хотя это не так просто, необходимо по возможности учитывать интересы, пожелания, вкусы спортсменов.

Кто всем этим должен заниматься? То, что у нас называют оргкомитетом, за рубежом составляет группа из трех-четырех человек (разумеется, при необходимом числе исполнителей). И вот эти трое-четверо решают вопросы, касающиеся проведения соревнований. У нас же под любым мало-мальски серьезным документом требуется подпись руководителя весьма высокого ранга. Создается ситуация, характеризующая известной поговоркой о семи няньках.

Скажем, чисто организационная сторона дела лежит на отделе тенниса Госкомспорта СССР. Но есть и другая, очень важная сторона — коммерческая. Турнир-то должен принести прибыль. За счет чего? За счет продажи билетов, сувениров, права рекламы, телетрансляций, за счет поступлений спонсоров... Этот круг вопросов уже в ведении «Совинтерспорта».

Трудно представить солидную коммерческую фирму, которая не имела бы своего капитала, не могла бы ничего вложить, но жаждала что-то получить. «Совинтерспорт» таков. Функции его чисто посреднические. И добро бы — он с ними справлялся! Это подразделение должно быть гибким, оперативным, поднаторевшим в хитросплетениях бизнеса.

Но о какой оперативности можно вести речь, если сотрудник «Совинтерспорта» не имеет возможности срочно вылететь в какую-нибудь страну для решения неотложных вопросов? Если современное средство связи под названием телефакс вот уже больше года работает только на прием! Если не налажены тесные контакты со спортивным деловым миром?

И вот наш посредник ищет посредника за рубежом, и каждый требует свои проценты прибыли. Чепуха какая-то получается, ноу-сенс. К чему нам два посредника? И одного достаточно. Жалательно, чтоб это была наша организация. Но... мнимая характеристика «Совинтерспорту» уже дана.

Сегодня он занимается парусом, завтра стрельбой, послезавтра регби. Теннис для этого подразделения — песчинка в море других забот. Поэтому и нет настоящего знания предмета, спокойной заинтересованности в успехе дела. Сдается, что «Совинтерспорт» в нынешнем виде — иждивенческая, бюрократическая организация, которая никак не вписывается в современные экономические реформы.

Надо, чтобы у международного теннисного турнира был один хозяин, держащий в своих руках и организационные, и коммерческие нити. Пусть это будет отдел тенниса Госкомспорта СССР или теннисная федерация, где работают сведущие люди. Не вызовет возражений, если будут приданы один-два квалифицированных специалиста из того же «Совинтерспорта» или другой организации, знающей толк в связях с зарубежным миром.

Важно, чтобы проведением профессионального теннисного турнира руководило компетентное, энергичное ядро специалистов, знающих интересы спортсменов и требования, предъявляемые к соревнованиям такого ранга. Это практикуется во всем мире, это мы видели и в Уимблдоне.

Свое в чужой упаковке

Проницательный читатель вправе заметить: «Что это авторы толчутся вокруг да около? Где же сам теннис? Сама игра?» Так уж получилось, что в последнее время организационные, материальные, финансовые проблемы приобрели особую актуальность, вокруг них кипят страсти. Поэтому и уделили мы этим вопросам столь пристальное внимание, постарались внести некоторую ясность.

А теперь — третье измерение Уимблдона: теннис как игра, как вид спорта, пользующийся репутацией всеобщего любимца. Разумеется, он не стоит на месте, развивается. Конечно, крайне важно знать, по какому пути теннис идет, и определить место советских спортсменов в общем строю.

Не составляет секрета, что современный теннис — безоговорочно атлетический вид спорта. В полный голос это направление заявило о себе еще в 50-е годы. Воспитанники знаменитого австралийского тренера Гарри Хопмана Лейвер, Хoad, Розуолл и многие другие возглавили мировую элиту. Все они исповедовали мощную игру, приверженность атаке, острым действиям у сетки.

Шло время, и на первый план выдвинулась шведская школа тенниса. Самый яркий ее представитель Борг предпочитал действовать на задней линии. Но его удары были ошеломляющие, чему в немалой степени способствовали вращения мяча. Само собой, атлетизм, физические кондиции, выносливость не потеряли своего значения. Напротив, их роль все возрастала и возрастала.

Конечно, выбор образа действий на корте зависит не только от характера спортсмена, от основ, заложенных в него теннисной школой, но и, допустим, от покрытия площадки. Но в любых ситуациях сохраняется высокий темп, обусловленный игрой в пределах площадки, ударами по восходящему мячу, быстротой принятия решений и, стало быть, ответных действий, мощью и точностью ударов. Тут уж без физических кондиций высшей пробы никак не обойтись.

Вот и свыкли мы с мыслью, что теннисисты — это непременно рослые, сильные, мощные атлеты. Но 1989 год в этом смысле немало удивил. В когорту сильнейших стремительно ворвались испанка Санчес, американцы

Агасси и Чанг. Их внешний вид никак не соответствует облику супер-теннисиста. И рост вовсе не гулливерский, и конституция не производит ошеломляющего впечатления. Тогда благодаря чему же они добились успехов?

Благодаря быстроте, стремительности, выносливости. Вспомним хотя бы, как Санчес доставала, казалось бы, безнадежные мячи в финальном поединке открытого чемпионата Франции с Граф (ФРГ). Как мощно и безошибочно раз за разом бил по мячу Чанг, когда он выиграл у первой ракетки мира Лендла (ЧСФР). Новоявленные звезды отличает нестандартность решений, умение находить выход из критических ситуаций, психологическая устойчивость, предельная концентрация внимания, максимальная самоотдача.

Вместе с новыми именами к нам пришло очередное свидетельство бесспорных достоинств тенниса, его неисчерпаемых возможностей, его резервов, которые можно привести в действие. Оказывается, необязательно быть Геркулесом, чтобы вымочь на гребень теннисной волны. Выясняется, что не силой единой обеспечиваются небурные удары, а в гораздо большей степени совершенствованием техники.

К сожалению, среди новых имен нет фамилий советских спортсменов. Нашу теннисную гвардию составляют «знакомые все лица». Повторяем, в последние годы они добились впечатляющего прогресса, особенно Зверева, Чесноков, Черкасов, что заставило весь мир с несравнимо большим уважением относиться к советскому теннису.

Эта троица способна на протяжении длительного времени выступать на высоком уровне достаточно ровно, в отличие от Савченко, Волкова, Ольховского, Висанда. Правда, Уимблдон не принес нам особых лавров. Лучшее достижение — выход в финал пары Савченко — Зверева. Но это уже повторение пройденного. Вспомним, что наш дут — чемпион Франции.

Можно, конечно, принять во внимание то обстоятельство, что Чесноков перед поездкой в Англию сдавал экзамены в институте и целенаправленно к Уимблдону не готовился. Но наш лидер никогда и не отличался на травяных кортах. Слишком большой контраст в его игре на медленных и быстрых покрытиях. Примерно то же можно сказать и о Черкасове. Общим желанием расширение арсенала технических средств, игрового диапазона.

Это упущения не сегодняшнего дня, а промахи в методике подготовки на протяжении длительного времени.

У Зверевой хромает физическая подготовка, ей не хватает быстроты, ловкости. Могли бы лучше выглядеть на траве наши быстрые игроки — четверка, перечисленная во вторую очередь. Но для этого нужно, чтобы их удары с лета отличались большей уверенностью, надежностью. Тогда не приходилось бы нам на каждом соревновании гадать — орел или решка?

При благоприятном раскладе, находясь в блестящей форме, та же Савченко или тот же Волков могут на крупном турнире войти, скажем, в число 16 сильнейших. Но это еще не показатель высокого класса. Класс скорее в том, чтобы не в лучшем состоянии гарантированно демонстрировать хорошую игру.

Как видим, даже наши ведущие теннисисты не свободны от серьезных недостатков. Что, так уж тренеры плохи, не в состоянии правильно обучить своих подопечных? Все нет. Беда наша в том, что мы permanently находимся в роли догоняющих зарубежный теннис, повторяем им достигнутое. Подражание — тоже способ прогресса. Но чтобы идти во главе его, надо предупреждать события, видеть перспективу, предугадывать тенденции. Мы же порой не видим того ценного, что рождается у нас, в своем отечестве. Приведем такой пример.

Любители тенниса со стажем наверняка помнят чемпиона страны Андрея Потанина. Не помнить его нельзя, поскольку это спортсмен яркой индивидуальности. Так, как играл Андрей, в его время не играл никто. Уникален был его мощнейший удар справа — головка ракетки двигалась снизу вверх, придавая мячу вращение. Но тогда на это обстоятельство никто не обратил особого внимания.

Прошли годы. Сейчас «потанинский» удар распространен повсеместно. Он вернулся к нам, но уже в зарубежной упаковке. Сделай мы своевременно правильные выводы, глядишь, хотя бы в этом элементе не плелись бы в хвосте, как минимум, шли бы вровень, а то и обогнали бы зарубежный теннис. И подобный пример не единичен.

Почему же мы все-таки не на самых передовых позициях? В какой-то степени часть вины должны взять на себя тренеры, которые не всегда на высоте, когда дело доходит до нюансов высше-

го спортивного мастерства. Хорошо бы видеть недостатки и достоинства теннисистов на более ранних этапах их подготовки. Далеко не безупречна деятельность тренерского совета (он практически существует лишь на бумаге) и комплексной научной группы. Желает лучшего индивидуальная работа с членами сборной в контакте с личными тренерами. Думается, есть смысл узаконить должность главного тренера-методиста, который бы держал руку на пульсе новейших теннисных достижений.

Особо хочется сказать об институте физкультуры. Пока его роль сводится к участию в некоторых делах элиты сборной. Дальше интересы ГЦОЛИФКа не простираются.

Разумеется, первейшая задача вуза — подготовка молодых специалистов для нашего вида спорта. Но разве только этим должен ограничиваться круг его забот? А программа для ДЮСШ, а повышение квалификации тренеров, а критерии оценки их работы и прочее, и прочее.

Думается, инструкторам есть смысл установить тесный творческий союз с опытными тренерами-практиками. Существующие ныне эпизодические информационные сообщения не дают сколько-нибудь полного представления о современном теннисе. Польза, думается, будет обоюдной. Более тесный контакт педагогики и практики способен добавить в схоластический учебный процесс реальных знаний.

Возможности института заметно возрастут с окончанием строительства теннисной базы, где предусмотрено четыре крытых корта. Хочется надеяться, что повысится качество обучения студентов, появятся новые формы работы. Одна из них видится в создании экспериментальной детско-юношеской спортивной школы. Пусть у нашего спортивного вуза будет свой полigon для испытания тренерской мысли, своя творческая лаборатория с практическим уклоном.

В идеале видится такая картина: теннис делает ГЦОЛИФКу своего рода госзаказ, и тот его выполняет на благо игры, которой мы служим. Так случилось, что у нашей теннисной пирамиды достаточно высокая вершина в лице игроков сборной. Но она будет шаткой до тех пор, пока не появится фундаментальное, прочное основание. И пока его нет, нельзя быть спокойным за судьбу нашего тенниса.

Массовый теннис

СЕМЕЙНАЯ ИГРА

Александр Левинсон,
Андрей Новиков

Теннис все активнее входит в нашу жизнь.

Рождаются новые соревнования, внимание любителей спорта привлекают новые формы пропаганды тенниса.

В один из осенних дней 1988 года московский спортивный комплекс «Выставочный», расположенный на набережной Москвы-реки, превратился в семейный теннисный стадион. Здесь с большим успехом прошел первый в СССР турнир дуэтов, составленных по принципу «мать и дочь», «отец и сын». Соревнования, главный девиз которых «Укрепление здоровья, благополучие и гармония в семье», организовали совместно американская фирма «Ремингтон инкорпорейтэд», Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) и московский Спорткомитет.

На параде выступил президент «Ремингтона» Виктор Кайэм.

— Проведение семейного теннисного турнира в Москве, — сказал он, — стало возможно благодаря новой атмосфере, создавшейся в СССР и в советско-американских отношениях. Эта атмосфера открывает новые перспективы не только в области спорта, но и в других сферах...

Та же мысль прозвучала и в приветственном послании, поступившем в адрес устроителей и участников от тогдашнего вице-президента США Джорджа Буша, который известен как большой любитель тенниса.

На пресс-конференции, организованной в ТАСС, Виктор Кайэм (ему 62 года) рассказал, что сам с детских лет увлекается теннисом и благодаря этому замечательному виду спорта приобрел много друзей в США и других странах мира. Ну и естественно, что Кайэм-младший, 28-летний Торри (он, кстати сказать, директор семейных турниров «Ремингтон» и тоже приехал в Москву), в свое время получил ракетку из рук отца. Так возник дуэт Кайэмов. Сна-

чала Виктор и Торри играли против своих знакомых, а затем решили, что нужно организовать специальный турнир для всех отцов, матерей и их детей. Идея была поддержана сначала у них дома, в США, а затем и за границей — за три года число участников таких турниров в Канаде, Австралии, Чехословакии, Англии, Швеции, Швейцарии и других странах составило более 30 000 человек. СССР стал десятой страной — членом этого своеобразного клуба.

Предложение встретиться в Москве под лозунгом «Теннис — игра семейная» принадлежало Виктору и Торри Кайэмам, а привез его из США заведующий отделением ТАСС в Нью-Йорке Игорь Макурин. После того как согласие было достигнуто, Атлантический океан в течение месяца напоминал теннисный корт, через который в противоположных направлениях непрерывно шли телеграммы с той же интенсивностью, с какой мяч перелетает через сетку.

Но вернемся на корты, где собралось более шестидесяти пар, а также неучтенное число болельщиков: друзей и родственников, в том числе бабушек и дедушек. Это была действительно большая теннисная семья. Среди участников на противоположных возрастных полюсах оказались 76-летний профессор Михаил Толстой (по свидетельству Виктора Кайэма, он претендует на титул рекордсмена среди ветеранов) и 9-летний Ярослав Ярцев.

Солдатскую форму на теннисную сменил, получив двухнедельный отпуск из части, Антон Гуляев, составивший пару с отцом. Прервав работу над очередным фильмом популярный актер и режиссер Никита Михалков, выступавший со старшим сыном Степаном.

— Я играю в теннис уже шестьдесят лет, — сказал Михаил Толстой. — И как человек, много повидавший на своем веку, от души приветствую этот праздник. Теннис — действительно дело семейное, сколько чемпионов — Крис Эверт, Джими Коннора, Штеффи Граф, Наташу Звереву и многих других — привели на корт мамы и папы. Моему спортивному увлечению последовал сын Владимир, с которым мы выступаем здесь, играет в теннис и внучка Наташа.

В наш скоростной век даже самые близкие люди ощущают недостаток общения. Поэтому турнир «Ремингтон» становится все популярнее в разных странах.

— А я еще сомневался, участвовать или нет. Не простил бы себе, если бы остался в стороне от столь интересного события, — признался Никита Михалков, отец четверых детей, заместитель председателя Федерации тенниса СССР. — Вот мы бьемся над тем, как нам разнообразить формы соревнований, как сделать их притягательнее для людей всех возрастов и профессий. Но ведь вовсе не обязательно каждый раз изобретать велосипед. Иногда доста-

точно приглядеться к тому, что происходит вокруг нас в мире, и взять на вооружение то, что нам подходит. Хотел бы обратить внимание и на то, что турнир был организован исключительно быстро. Это, на мой взгляд, убедительное доказательство того, что казавшиеся некогда незыблемыми разного рода бюрократические преграды не столь уж прочны.

Призы за победу — русские самовары и бритвы «Ремингтон» — были вручены инженеру, заведующему отделом вычислительной техники Госкомстата СССР Владимиру Волкову и его сыну-студенту Андрею, а также преподавателю Московского инженерно-физического института Зое Журавлевой и ее дочери Анне.

Виктор и Торри Кайэмы, отправляясь в Москву, тоже захватили с собой ракетки. Вне программы состоялся дружеский матч, в котором Виктор играл в паре с Андреем Новиковым, обозревателем ТАСС, а Торри — с председателем Федерации тенниса СССР, летчиком-космонавтом Игорем Волком.

Прощаясь, Виктор Кайэм сказал:

— У нас остались самые лучшие впечатления от турнира — он, как мы решили, станет традиционным. Мы увозим в Америку русский самовар, который, как мне объяснили, давным-давно стал символом счастливой семейной жизни. Спасибо за подарок, который полностью соответствует духу события...

Победители московского турнира (к сожалению, не все) весной 1989 года получили возможность сыграть на площадках теннисного центра «Кадро», который расположен в шести километрах от швейцарского города Лугано, — там проходил чемпионат мира среди семейных дуэтов. Там можно было увидеть и 14-летних любителей тенниса, и тех, которым за семьдесят. Подобный чемпионат проводился по инициативе американской фирмы «Ремингтон инкорпорейтед» уже третий раз. До финального турнира 1989 года в различных странах прошли предварительные соревнования, в которых участвовало более 15 тысяч поклонников этой игры.

В теннисный центр «Кадро» съехались представители Австралии, Великобритании, Израиля, Канады, КНР, Новой Зеландии, Португалии, Советского Союза, США, ФРГ, Чехословакии, Швеции, Швейцарии и Японии.

Место для проведения турнира представители «Ремингтона» выбрали, прямо скажем, удачное. Построенный среди гор, на берегу небольшого озера теннисный центр, бесспорно, производит впечатление. Десять открытых площадок и четыре закрытых. Мячи, ракетки — в любом количестве. И не случайно сюда приезжают любители тенниса со всего света совершенствовать свое мастерство.

«Кадро» был полностью отдан в распоряжение семейного чемпионата мира. Удивительно серьезно

отнеслись к организации турнира представители «Ремингтона». Были приглашены ведущие международные арбитры, которые не раз «выступали» на Уимблдоне. Да и такого количества рекламы, честно говоря, у нас не увидишь ни на одном теннисном турнире. Выпущена была и красочно иллюстрированная программа чемпионата. Некоторые матчи транслировались по швейцарскому телевидению. Да, денег на такие интересные соревнования президент «Ремингтона» Виктор Кайзи явно не пожалел и, когда один из нас сказал ему об этом, он, улыбнувшись, ответил:

— Наша компания видит успех своего процветания в борьбе с бюрократизмом, что экономит нам почти три миллиона долларов в год и позволяет проводить такие теннисные турниры. Мы послали приглашение даже президенту США Джорджу Бушу, который вместе со своими сыновьями часто выходит на корт. К сожалению, Буш на сей раз не смог приехать, но, надеюсь, что в семейном мировом чемпионате, который мы хотим провести через два года совместно с ТАСС и Спорткомитетом Москвы, президент обязательно примет участие...

Думаем, интерес к заключительной игре этого турнира был вызван и присутствием на корте знаменитого в прошлом неоднократного победителя Уимблдона 45-летнего австралийца Джона Ньюкомба, который вместе с 18-летним сыном Глинтом довольно легко дошел до финала. А соперниками этой пары в борьбе за главный приз семейного чемпионата стали 45-летний Петер Линген и 17-летний Ван. Конечно, американцам было трудно соревноваться с бывшей звездой, и поэтому только поначалу борьба была напряженной, а затем мастерство Ньюкомба-старшего все же сказалось — 6:7, 6:4, 6:3.

— Более массового теннисного соревнования, которое придумали руководители «Ремингтона», в мире, наверно, нет, — сказал после финала Джон Ньюкомб. — Для меня они стали и возвращением в молодость, ведь возраст участников этого турнира не ограничен. Думаю, не столь важен результат, хотя занять первое место в любом спортивном соревновании приятно. Главное, что мы присутствовали на настоящем спортивном празднике...

Да, семейные турниры становятся все популярнее — ведь на первые соревнования приезжали считанные любители тенниса, а теперь в них участвовало уже 130 представителей из 14 стран.

Наши увлечения

Б. Фоменко,
ответственный
секретарь
Федерации
тенниса СССР,
член Международной
Федерации
олимпийской
филателии

МАЛЕНЬКИЕ ОТКРЫТИЯ БОЛЬШОГО ТЕННИСА

Теннис в марках

К теннисной филателии меня приобщила, видимо, жажда узнать что-либо новое о любимом виде спорта, увидеть его в необычном ракурсе, познакомиться еще с одной, в ту пору малозвестной, страницей волшебного мира тенниса. Произошло это лет десять назад, но я и по сей день не обманул в своем увлечении. И неудивительно. Ведь филателия помогает мне глубже познать историю мирового тенниса, вести летопись крупных и мелких соревнований, создать свой собственный вернисаж звезд ракетки, проследить эволюцию теннисной моды и т. д. А это, согласитесь, уже немало.

И все же главным для меня в филателии был и остается поиск, стремление раскрыть секрет каждой марки (если таковой, конечно, имеется), сделать хотя бы небольшое, но открытие. Вот о таких маленьких открытиях и пойдет речь.

Полвека спустя

В отечественной спортивной филателии есть немало марок, выполненных по фотографиям известных спортсменов или по игровым эпизодам с их участием. Пояснения на таких марках, увы, отсутствуют, и филателистам остается лишь гадать, кто изображен на них. В одних случаях можно, пожалуй, обойтись и без пояснений, так как любители спорта без труда узнают знаменитых в прошлом футболистов Сергея Ильина и Констан-

тина Бескова, Василия Соколова и Алексея Пармонова, легендарного волейболиста Константина Реву, выдающегося легкоатлета Игоря Тер-Овanesяна, очаровательную гимнастку Софию Муравову. В других же (а такое случается гораздо чаще) расшифровать изображение на марке не под силу даже знатокам. А жаль! Ведь анонимное изображение обесценивает содержание марки, порождает массу кривотолков и не только среди филателистов.

У нас почему-то не принято посвящать марки выдающимся спортсменам. Вот политическим и государственным деятелям, писателям и поэтам, деятелям науки и искусства — пожалуйста. Спортсмены же пока такой чести не удостоились. А разве не заслужили специальных почтовых выпусков такие мастера нашего спорта, как Лев Яшин, Владимир Куц, Лариса Латынина, Борис Лагутин, Михаил Ботвинник и многие другие? Думаю, заслужили. Тем более что за рубежом выпущено немало марок и почтовых блоков с посвящением нашим спортивным знаменитостям. Если не ошибаюсь, то только марок с изображением Карпова и Каспарова ныне в мире насчитывается несколько десятков. Мы же продолжаем тиражировать миллионами безликих, безымянных футболистов, хоккеистов, гимнастов, легкоатлетов. Впрочем, это — уже тема для другого разговора.

Есть у нас марки и с изображением теннисистов. Правда, за всю историю нашей филателии их выпущено всего три, но зато каждая из них представляет для любителей спортивной филателии, по-моему, особый интерес. Дело в том, что две из этих марок выполнены по неизвестным (так, по крайней мере, считалось до последнего времени) фотографиям. Сразу же возникает вопрос: кто же на них изображен?

Ответить на такой вопрос, как правило, нелегко. Иногда на это у филателистов уходят годы. Нередко случается и так, что изображение на марке навсегда остается тайной. Зато, если такую тайну удастся раскрыть, любой филателист чувствует себя настоящим именинником.

На марке, увидевшей свет в декабре 1938 года в серии «Спорт в СССР», представлен теннисист, одетый по моде того времени: длинные белые брюки, рубашка с засученными рукавами (фото 1). Спортсмен мчится, пытается отразить мяч с лета. Узнать, кто изображен на марке, практически невозможно. Во-первых, из-за малого размера изображения, а во-вторых, из-за ракурса — теннисист изображен не в фас, а в профиль. И все же я не терял надежды. Помог его Величество случай.

Как-то вечером позвонил я Татьяне Александровне Правдиной — дочери известного в про-

шлом московского теннисиста Александра Викторовича Правдина, который еще до революции играл видную роль в жизни столичного тенниса. На мой вопрос, сохранился ли у нее архив отца (Александр Викторович много писал), Татьяна Александровна ответила положительно.

И вот я в гостях у Татьяны Александровны. Пока я беседовал с ее мужем — популярным актером Зиновием Ефимовичем Гердтом, Татьяна Александровна извлекла архив отца и разложила его перед нами. При виде архива у меня глаза разбежались. Чего там только не было: старые теннисные журналы, вырезки из газет, программки различных теннисных соревнований, несколько толстых альбомов с фотографиями. Разобраться сразу в этом море информации было невозможно, и я попросил хозяйку дать мне все это богатство на просмотр домой. На что и получил согласие.

Возвратившись домой, я первым делом набросился на альбомы. Еще бы! Ведь в них представлен почти весь цвет нашего тенниса 20—30-х годов, редчайшие фотографии пионеров советского тенниса. Вот снимок первой чемпионки страны ленинградки Тамары Суходольской. Рядом фото одного из сильнейших парных мастеров страны москвича Евгения Тихонова. Чуть ниже — групповой снимок. Без труда узнаю Софию Мальцеву, Бориса Ульянова, Елену Александрову, Николая Иванова, Нину Теплякову, Всеволода Вербицкого. Какие славные имена!

Жадно листаю страницу за страницей. И вдруг смотрю... и глазам не верю. Прямо передо мною снимок теннисиста — того самого, что представлен на марке 1938 года.

Вот это удача! Фото довольно большого размера и, хотя его качество оставляет желать лучшего, профиль лица спортсмена виден весьма четко. Однако радость находки тут же сменяется огорчением. Как я ни напрягаю память, как ни стараюсь расшифровать, кто же представлен на снимке, — все тщетно. Имя теннисиста остается инкогнито.

Тогда решаю обратиться за помощью к заслуженному мастеру спорта, шестикратному чемпиону страны Борису Ильичу Новикову. Борис Ильич как раз начинал свой путь в теннисе в 20-х годах.

Борис Ильич внимательно разглядывает фото, раздумывает некоторое время, а затем говорит: «По-моему, это — Бочаров. Конечно, я могу ошибаться. Ведь прошло столько лет. И все же теннисист на фото очень похож на Бочарова».

Кто такой Николай Бочаров, объяснить мне было не нужно. Известный московский теннисист 20—30-х годов. Успешно выступал в чемпионатах Москвы, не раз входил в «десятку» сильнейших мастеров страны. Но на фотографиях я его не видел.

С того разговора минуло несколько недель, но червь сомнения не давал мне покоя. Сомнение в том, действительно ли на снимке Бочаров, не покидало меня. Наконец, я решился обратиться, как говорится, в последнюю инстанцию — к старейшему заслуженному мастеру спорта страны Софье Васильевне Мальцевой.

В нашем теннисе Софья Мальцева — фигура легендарная. Коренная москвичка, Софья Васильевна защищала до революции спортивные цвета клуба «Унион». В 1918 году выиграла первый советский чемпионат Москвы, в 1928-м стала победительницей Всесоюзной спартакиады. Недавно Софье Васильевне исполнилось 94 года, но она по-прежнему жизнерадостна, по-прежнему интересуется всем, что происходит в теннисе.

Кстати, сейчас москвичка возглавляет список здравствующих долгожителей мирового тенниса. Интересно отметить, что знаменитая англичанка, победительница Уимблдонского турнира 1924 и 1926 годов Китти Годфри-Маккейн моложе Мальцевой на год, неуязвимый француз Жан Боротра — на три, восьмикратная победительница Уимблдонского турнира в одиночном разряде американка Элли Уиллс-Муди — на целых десять лет и т. д.

Рекорд же долгожительства среди видных мастеров ракетки принадлежит ныне англичанке Шарлотте Купер-Стерри — пятикратной победительнице Уимблдонского турнира. Шарлотта прожила сто лет и 17 дней (1870—1970). Узнав об этом, Софья Васильевна заметила:

— Рекорд Шарлотты впечатляет, но, думаю, это — не предел.

Приняла меня Софья Васильевна по-домашнему: крепко заваренный московский чай, душистое варенье, вкусные пирожные. Вначале поговорили о том, о сем, затем я показал ей фото и попросил припомнить, кто на нем изображен. О своей встрече с Борисом Ильичом я не упомянул.

Софья Васильевна, наморщив лоб, долго рассматривала фото.

— Да, этот человек мне знаком, — наконец, проговорила она. — Я даже с ним неоднократно встречалась. Но кто это, припомнить сейчас не могу.

Я в общем ожидал такого ответа, но, услышав его, растерялся.

— Софья Васильевна, дорогая, — зачастил я скороговоркой. — Ну постарайтесь вспомнить. Для меня это очень важно.

— Понимаю, понимаю, — сказала Софья Васильевна, — но помочь вряд ли смогу.

— Тогда давайте вместе, — предложил я в от-

чаянии. — Может быть, так Вам будет хоть сколько-нибудь легче?

И, не теряя времени, я стал умышленно перечислять фамилии менее известных мастеров 20-30-х годов, которых память Мальцевой могла со временем предать забвению.

— Василий Косяков... Алексей Дементьев... Петр Чистов... — называл я наугад имена первопроходцев советского тенниса.

Софья Васильевна внимательно слушала, глядя на фотографию, и молчала.

— Константин Заржецкий... Василий Левкин... — монотонно продолжал я. — Николай Бочаров... — сказал и почувствовал, как у меня участился пульс.

— Бочаров? — вдруг переспросила Софья Васильевна, и лицо ее просветлело. — Ну, конечно, это же Коля. Коля Бочаров. И как это я могла запамятовать. Да ведь мы вместе...

И Софья Васильевна пустилась в воспоминания.

Меня охватило чувство восторга, хорошо знакомое каждому филателисту. Наконец-то, подумал я, разгадана и эта загадка. И теперь полвека спустя в филателистическую летопись нашего спорта мы можем спокойно вписать: на марке 1938 года изображен московский теннисист. Николай Бочаров.

Этот закономерный случай

В 1956 году Министерство связи СССР выпустило большую серию почтовых марок в честь I Спартакиады народов СССР. На одной из них изображен и теннисист (фото 2). Эта марка, как и марка 1938 года, была выполнена по фотографии. А раз по фотографии, то вновь вопрос: кто же на ней изображен?

Мнения на этот счет были самые разные. Вот что писал, к примеру, известный московский филателист Моисей Левин в своей книге «Филателистическая летопись советского спорта»: «Разыскивая по фотографиям прототип спортсмена, изображенного на теннисной марке, нетрудно определить, что более всего он похож на известного в свое время советского теннисиста Андрея Потанина».

Версию эту, несмотря на авторитет Левина, я отверг сразу, поскольку хорошо знаю этого теннисиста. Тогда кто?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, я показывал марку многим мастерам старшего поколения — участникам I Спартакиады народов СССР. Загадку пытались разгадать такие корифеи нашего тенниса, как Сергей Андреев, Николай Озеров, Семен Белиц-Гейман, Сергей Лихачев и другие.

Шло время. Но я упорно пытался найти хоть какой-то ключ к ее расшифровке. Увы, безрезультатно. Марка была словно заколдованной. Ясно стало только одно: хотя марка и посвящена I Спартакиаде, фотография, судя по одежде спортсмена, могла быть сделана не после, а до войны.

Однажды после очередного заседания президиума Федерации тенниса СССР ко мне обратился один из наших старейших судей Георгий Григорьевич Шах-Назаров.

— Слушай, я решил избавиться от кое-каких материалов, которые скопились у меня за последние 30 лет. Набралось целых два мешка. Если хочешь, приезжай, заведи. Ты же любишь копаться в архивах. Только давай сразу условимся: если ты не заберешь мешки в пятницу или в субботу, я их выброшу. Они мне мешают, а хранить их негде...

В пятницу у меня было много дел и я не смог навестить Георгия Григорьевича. В субботу же, как назло, почувствовал себя неважно и хотел уже совсем отказаться от мысли забрать мешки. Но внутренний голос настойчиво твердил: а вдруг что-нибудь интересное, что-нибудь уникальное, о чем будешь потом жалеть. Честно говоря, о филателии я в тот момент вообще не думал.

Переселив себя, я выскочил из дома, поймал такси и через час объемистые мешки уже находились у меня на квартире.

Принялся я за них пару дней спустя, когда почувствовал себя лучше. Разбирать архивы, да притом чужие, — дело хлопотное. На это уходит уйма времени, а результат чаще всего мизерный. Так случилось и с архивами Георгия Григорьевича. Чем больше я разбирал их, тем сильнее злился на себя. Убил столько времени — и все впустую.

Заканчивая ревизию второго мешка, я обнаружил на дне его старые бумаги, судейские протоколы каких-то соревнований, классификационные списки теннисистов разных лет с вырванными страницами. Я приготовился выбросить весь этот хлам в мусорное ведро, как вдруг из него выпал набор старых фотографий в картонной обложке. Фотографии пожелтели от времени, но в целом хорошо сохранились.

На первом снимке я увидел знакомые лица и прочел: «Лучшие игроки страны — чемпион СССР Г. Коровина и чемпион СССР Ю. Гебда». Из этого можно сразу было сделать вывод: набор фотографий относится к 1940 году, так как именно в том году эти теннисисты завоевали звание сильнейших в стране.

Увидев очередное фото, я на секунду замер.

Затем медленно прочел под ним подпись: «Удар со скольжением А. Гуляева». Изображение на фото было точной копией, а вернее сказать — оригиналом марки спартакиадной серии. Именно с нее и делалась эта марка.

Так вот кто представлен на теннисной марке. Алексей Гуляев! Известный московский мастер довоенных лет, неоднократный чемпион столицы в парном разряде. Алексей Алексеевич прожил недолгую жизнь (1913—1970), но оставил след в истории столичного тенниса.

Итак, теперь мы знаем, кто представлен на наших теннисных марках. А чем, собственно говоря, руководствуется художник при выборе своего героя для марки, выполняемой по фотографии? — вправе спросить читатель. Почему выбор пал на Николая Бочарова и Алексея Гуляева, а не на Бориса Новикова, Сергея Андреева или, скажем, Николая Озерова, у которых, как известно, и заслуг побольше и авторитет повыше?

Скажу сразу, особых причин здесь искать не приходится. Художник просто берет для будущей миниатюры ту фотографию, которая первой попадает ему под руку, берет, так сказать, наобум. Так, думается, и поступили в свое время наши известные художники Иван Дубасов и Леонид Голованов, когда подбирали материал для этих теннисных марок.

Самое печальное, однако, в том, что эта практика продолжается и поныне. За примерами далеко ходить не надо. К чемпионату Европы, который состоялся в 1983 году в Юрмале, Министерство связи СССР выпустило маркированный конверт с крупным изображением — кого бы вы думали?... Видного шведского теннисиста Матса Виландера! Причем для выявления достоверности этого факта не требуется ни специальный поиск, ни лупа.

Товарищи из министерства с вниманием отнеслись к нашей критике, записали мой телефон для будущих консультаций и дали твердое обещание не допускать впредь подобных казусов. И как же сдержали они свое слово? На следующий год вновь вышел маркированный конверт. На этот раз с изображением... американца Джона Макинроя. Комментарии, как говорится, излишни...

Ознакомившись с этими замечками, читатель может спросить: а не преувеличиваю ли я здесь роль поиска, когда на самом деле многое решает слепой случай? Безусловно, значение случая велико. Но у каждого такого случая, поверьте мне, есть своя закономерность: случай, как правило, представляется лишь тем, кто неустанно ищет.

Что происходит в АТП!

Йожеф Саси

МЯТЕЖ ТЕННИСНЫХ "ЗВЕЗД"

Великая французская революция, как известно, началась в зале для игры в мяч. А вот теннисисты выбрали местом начала своего восстания большую нью-йоркскую автостоянку, расположенную неподалеку от знаменитого стадиона «Флэшинг Мидоу». Именно здесь 27 августа 1988 года, в самый канун Открытого чемпионата США, собрались на импровизированную пресс-конференцию ведущие теннисные звезды. «Мы не рабы и не позволим больше себя эксплуатировать», — заявил швед Матс Виландер. На первый взгляд слова о рабстве шведского мастера, чье состояние оценивалось в многие миллионы долларов, могли вызвать у болельщиков только скептическую улыбку. Уж кому-кому, а теннисистам грех жаловаться на свою судьбу. Сolidные гонорары за участие во многочисленных турнирах, миллионные рекламные контракты, постоянное внимание со стороны прессы и телевидения: все это превратило профессию теннисиста в одну из самых высокооплачиваемых и престижных в мире. Поэтому сообщение о «мятеже» теннисных звезд для многих прозвучало неожиданностью. Для многих, но не для специалистов, знакомых с кухней профессионального спорта. Ведь корни этого конфликта нужно искать в не столь давней истории.

Отношения между игроками и теннисными боссами никогда не были гладкими. Не случайно в 1972 году для своей защиты игроками была создана Ассоциация теннисистов-профессионалов (АТП). Уже на следующий год она бросила серьезный вызов организаторам турниров. В преддверии Уимблдонского турнира югославская федерация дисквалифицировала первую ракетку страны Николу Пиллича — члена АТП. Ассоциация решила воспользоваться этим, в общем, пустяковым делом для того, чтобы продемонстрировать свою растущую силу. АТП поставила своеобразный ультиматум организаторам: до тех пор, пока не будет снята с Пиллича дисквалификация (а он получил ее за отказ от участия в играх на Кубок Дэвиса), ведущие мастера не будут принимать участия во всех крупнейших турнирах, в том числе и «Большого шлема».

Этот спор так и не удалось урегулировать до июня 1973 года. Таким образом, Уимблдонский турнир-73 не досчитался семидесяти девяти сильнейших теннисистов мира сразу. Но тут теннисные звезды лишь усилили интерес британских болельщиков к Уимблдону. За две недели корты Уимблдона посетило 300 172 зрителя — второй результат за всю историю турнира. Ну а в день мужского финала (Кодеш — Метревели) на стадионе присутствовало 33 445 человек — рекорд этого старейшего теннисного чемпионата. И хотя бойкот провалился, тем не менее боссы вынуждены были пойти на уступки.

В 1974 году был создан Международный совет мужского профессионального тенниса (МСМПТ) — организация, призванная координировать взаимоотношения игроков и организаторов турниров. В совет входило девять человек: три от Международной федерации тенниса, три от АТП и трое организаторов крупнейших турниров. Вначале к голосу теннисистов здесь прислушивались, но со временем делегаты Федерации стали все больше блокироваться с организаторами турниров и проводить через Совет нужные для себя решения. Последние несколько лет все решения Совета принимались большинством шесть к трем.

Все это не могло способствовать нормальному функционированию профессионального тенниса. Главным пунктом претензий теннисистов стал изматывающий график турниров серии «Набиско Гран-при», не оставлявший спортсменам времени для отдыха и заживления травм. Календарь соревнований профессионалов был чрезвычайно плотным, а его географический разброс очень широким. Спортсмены начинали сезон в Хьюстоне (США), затем перелетали в Сан-Паулу (Бразилия), оттуда летели в Токио, а потом в Калифорнию. И так весь год!

Теннисисты вынуждены соревноваться на цементных, синтетических, земляных и травяных кортах. Им приходится сражаться не только с соперниками, но и с климатическими условиями. Во время матчей на новом ультрасовременном стадионе Мельбурна (а там проходит откры-

тое первенство Австралии — турнир «Большого шлема») температура синтетического ковра достигает 70 градусов по Цельсию. Игрокам приходится в редкие минуты отдыха остужать свои ноги в баках с холодной водой. Постепенно ведущие ракетки мира изнашивали себя таким обилием турниров, бесконечными переездами. Кроме того, теннисисты находились под постоянным психологическим давлением — сохранить или достичь в компьютерном списке высокое место.

Компьютерный список тоже стал одним из пунктов преткновения между спортсменами и боссами. «Если Лендл четыре месяца пролежит в состоянии комы, то, придя в себя, он все еще будет первой ракеткой мира» — так однажды охарактеризовал систему теннисной классификации исполнительный директор АТП Гамильтон Джордан.

Много лет назад во времена «старого милого» любительского тенниса некоторые журналисты безуспешно пытались найти систему оценки выступления того или иного спортсмена. С приходом в теннис профессионализма к этим поискам была подключена наука. И вот 23 августа 1973 года в Нью-Йорке в штаб-квартире АТП был установлен специальный компьютер, куда регулярно вводилась информация о результатах примерно тысячи лучших спортсменов. На основании регулярно вводимой информации компьютер раз в неделю или в две выдает список мировой классификации, где указывается место спортсмена и количество очков, набранных им. Однако подсчет очков происходил в глубокой тайне. Такая ситуация в принципе устраивала первые десять ракеток мира, но вызывало недоверие у менее именитых. Ведь место в списке самым непосредственным образом влияло на их материальное положение и заработок. Впрочем, превратности этой системы ощутили на себе и некоторые звезды. Так, в течение всего 1988 года Иван Лендл выиграл всего три второстепенных турнира, проиграл все соревнования «Большого шлема», не выступал четыре месяца из-за травм. И тем не менее Лендл остался на вершине мирового тенниса, правда, ему пришлось уступить первое место Виландеру. Но стоило только Лендлу победить в январе 1989 года в Австралии, как он снова стал первым. Точно такая же картина происходила и в 1989 году. Лендл проиграл три турнира «Большого шлема», а Беккер выиграл Уимблдон и «Флэшинг Мидоу». И все же Лендл сохранил свое первенство, несмотря на все неудачи. Понятно,

что в числе ярых критиков этой системы оказался и талантливый западногерманский теннисист.

Курьезность ситуации стала еще более очевидной, после того как эпидемия травм «схосила» почти всех ведущих теннисистов мира. Так, в течение нескольких недель не могли выступать из-за травм одновременно Лендл, Виландер, Агасси, Беккер и Эдберг. А причина тому была одна — изматывающий график турниров. Теннисисты пользовались любыми уловками, лишь бы отказаться от участия в некоторых соревнованиях. Особенно преуспел в этом знаменитый Джон Маккирой. Он обычно пропускал какой-нибудь престижный турнир из-за «травмы спины», а затем проводил какой-нибудь показательный матч. Так, летом 1988 года Маккирой пропустил из-за «травмы» четыре турнира. За эти несколько недель он сыграл три показательных матча с Борисом Беккером и получил за это около 50 тысяч долларов. Как говорится, без особых усилий. Примеру Маккироя старались следовать все ведущие теннисисты.

Итак, за двадцать лет своего существования серия «Набиско Гран-при» из-за несогласованности и вражды между спортсменами и организаторами оказалась перед лицом тяжелого кризиса. Но Международная федерация тенниса старалась этого не замечать, Уверенные в своих силах, заправили ИТФ решили организовать в 1990 году новую суперсерию «Элиту», в которую должны были войти чемпионаты «Большого шлема», Кубок Дэвиса и другие самые престижные теннисные турниры. Это и стало той каплей, которая переполнила чашу терпения теннисистов.

Спортсмены открыто выступили против организаторов турнира и Международной федерации тенниса, объявив о том, что впредь они будут действовать самостоятельно. После этого хозяева «Флэшинг Мидоу» лишили мятежников возможности встретиться с журналистами на территории стадиона. Поэтому свою «декларацию независимости» мятежники-теннисисты вынуждены были обнародовать на ближайшей к стадиону автостоянке. Журналисты сразу окрестили теннисистов «мятежным батальоном». Состав этого теннисного батальона был внушительным: Агасси, Беккер, Эдберг, Карлссон, Майотт, Леконт, Мечирж, Ноа, Маккирой, Джилберт и многие другие. В общем, в первые часы мятежа АТП поддержало сразу 70 из 100 сильнейших спортсменов.

Пользуясь такой поддержкой, Ассоциация заявила о «взятии власти» в свои ру-

ки. Декларация ATP объявляла о ликвидации сети турниров «Набиско» с 1990 года. Взамен ATP решила проводить свою собственную серию. Сразу 20 ведущих мастеров ракетки подписали контракты с Ассоциацией на участие в этой серии. 29 августа, выступая перед журналистами, основатель ATP Рей Мур заявил о готовности его организации к переговорам с национальными федерациями, но без посредничества Международной федерации.

Подобное развитие событий, естественно, не устраивало организаторов теннисных турниров. Двадцать девятого августа в Нью-Йорк на экстренную встречу съехались почти все теннисные боссы. После многочасового совещания Маршалл Харпер не скрывал своего удовлетворения. Перед лицом общей опасности боссы, забывая о старых распрах, сплотились и отвергли ультиматум Ассоциации. «Это не серьезно, джентльмены! — сказал Харпер после совещания. — У ATP нет ни одного престижного турнира в кармане. А у нас «Большой шлем» и все самые главные чемпионаты!» Но боссы просчитались. Ответом на их решение стал митинг игроков. На следующий день десятки возмущенных теннисистов и их менеджеров во главе с Виландером окружили центральный корт «Флашинг Мидоуз».

Страсти еще больше накалились, когда руководители Совета пригрозили ввести для мятежников обязательную классификацию во время турниров «Большого шлема». Президент Международной федерации тенниса Филипп Шатрие попытался найти приемлемый для всех компромисс. «Мы готовы помочь игрокам, в этом обязанность федерации. Спортсмены требуют уменьшения количества турниров, но если ATP хочет, чтобы серия проводимых ею соревнований выглядела убедительной, то игрокам опять часто придется выступать», — заявил президент ИТФ. 4 сентября на совместном заседании руководителей ATP и ИТФ Харпер предложил Ассоциации половину мест в руководимом им совете. Но лидер ATP Гамильтон Джордан решительно отверг это предложение. С того дня раскол в теннисном мире стал явью.

Говоря о деятельности Ассоциации теннисистов-профессионалов, нельзя не сказать о Гамильтоне Джордане. Именно он вдохнул в эту организацию вторую жизнь, именно благодаря ему мятеж теннисистов увенчался успехом. Несмотря на свою сравнительно молодость (а ему всего 44 года), Гамильтон Джордан — известное имя на политическом небоскло-

не Вашингтона. В 1977 году 32-летний Джордан стал начальником аппарата сотрудников Белого дома при президенте Картере. По важности сравнивают этот пост с креслом премьер-министра в других странах. После завершения «эры Картера», Джордан в 1981 году пересел из Белого дома в кресло консультанта нескольких транснациональных корпораций. Все эти годы он был страстным поклонником игры на корте. Надо сказать, что страсть к теннису питали почти все ведущие политические деятели США. За последние тридцать лет, лишь президент Рейган не испытывал особого влечения к теннису. Но и ему пришлось изменить своим привычкам после того, как перед ним реально замаячила угроза рака. Врачи предписали ему играть по несколько часов на корте. И вот с 1985 года Рейган не охотно, но все же играет в теннис. Иное дело президент Буш, который не мыслит своей жизни без этой игры. Любовь к теннису у американского истеблишмента была отнюдь не платонической. Для них теннис стал своеобразным политическим явлением, значимость которого во всем мире возрастала год от года. Наметившаяся гегемония европейских спортсменов в этом виде спорта не могла не беспокоить американцев. Именно поэтому они решили воспользоваться мятежом на автостоянке.

Гамильтон Джордан сразу начал действовать решительно. В одном из отелей в городе Понте Ведре Бич прошло марафонское по продолжительности совещание руководителей ATP и представителей мятежников. К тому времени теннисисты тоже создали свой орган — Совет игроков. В него вошли Виджай Амритраж (президент) и несколько вице-президентов: Ларри Скотт, Мэтс Виландер, Патрик Макирой, Тим Майотт, Марк Вудфорд, Колин Доудсвелл, Бред Дрюветт, Кассио Мотта. Переговоры продолжались целых 90 часов (!). В конце концов стороны пришли к единому соглашению. В этом соглашении, в частности, предусматривалось проведение своей серии «ATP Тур 1990». В год своего дебюта ATP собирается провести 76 турниров, за ходом которых непосредственно смогут наблюдать более чем в 30 странах. Сезон начнется 1 января и финиширует 12 ноября. Среди всего этого обилия турниров самыми кассовыми будут финалы ATP. Денежный приз этого турнира составит 2,5 миллиона долларов. Еще 15 турниров в этой серии будут обладать миллионными призовыми фондами.

Менее изуродованным станет и график соревнований, вызвавший в последнее время столь много нареканий со стороны игроков, у которых почти не оставалось времени для отдыха. Теперь в ноябре — декабре спортсмены будут отдыхать. Правда, у организаторов новой серии возникли и свои трудности. Гораздо сложнее стало составлять расписание турниров. «Я недооценил трудности, — вынужден был признать Джордан. — В настоящее время в ATP скопилось 110 заявок из разных стран. Но поскольку профессионалы не хотят работать на износ, приходится кое-кому отказывать».

Свою деятельность на посту исполнительного директора ATP Джордан начал с сокрушительной критики состояния профессионального тенниса: «Если сравнивать этот вид спорта с другими, например с гольфом, то можно смело сказать, что теннис пребывает где-то в средних веках», — заявил он еще летом 1988 года. Теперь ему предстояло разрешить такие животрепещущие проблемы, как поиск новой системы классификации теннисистов, борьба с допингом, условия страхования спортсменов. Если раньше спортсмены жаловались на дискриминацию и постоянный обман со стороны средней фирмы «ПроСерв», то теперь естественно ATP вынуждена была отказаться от ее услуг. А это толкнуло ее в объятия другой фирмы «Ай-Эм-Джи» («Интернешнл менеджмент групп»), возглавляемой Марком Маккормиком. Джордан настолько торопился, что, не посоветовавшись даже с руководителями Совета игроков, продал все права на теннисистов Маккормику за 56 миллионов долларов.

Затем энергичный директор занялся проблемой компьютерного списка. На суд теннисистов и менеджеров было внесено два варианта новой системы подсчета: в рейтинг турниров либо суммируются очки, набранные во всех турнирах, причем отсчет производится каждый раз с начала года или засчитываются очки за участие только в 14 турнирах по выбору игрока. Был выбран второй вариант.

В отличие от Совета мужского тенниса, который старался не замечать проблему использования запрещенных препаратов спортсменами, ATP решила ввести выборочный допингконтроль на своих соревнованиях.

Кроме того, Джордан объявил о ряде инициатив, которые должны будут способствовать профессиональному росту юниоров. Так, юноши, прежде чем подписать свой первый профессиональный

контракт, обязаны будут пройти курс в предполагаемой Международной теннисной академии, где получат представление об основных понятиях профессиональной теннисной практики. Среди предметов — ведение переговоров со спонсорами, общение с прессой, углубленное изучение правил игры.

Что и говорить, планы обширные. Всего лишь за год ATP прочно утвердилась в мире бизнеса. Не истекает поток в кассу ATP от спонсоров. В сентябре 1989 года в Понте Ведре Бич состоялась красочная церемония открытия штаб-квартиры ATP, оснащенной по последнему слову техники. А еще раньше была открыта европейская штаб-квартира Ассоциации. Место для нее долго выбирали и в конце концов остановились на Монте-Карло. И это не случайно, ведь 25 теннисных звезд, привлеченные низкими налогами, в последние годы переселились в княжество Монако. А вообще Джордан считает, что в недалеком будущем центр мирового тенниса обязательно переместится в Европу. Быть может, поэтому традиционный турнир «Мастерс», вероятно, будет перенесен из США в ФРГ.

А что же оппоненты Джордана? Все это время и Шатрие и Харпер не сидели сложа руки. Они предприняли энергичные усилия, чтобы перетянуть на свою сторону организаторов турниров «Большого шлема». В конце концов им это удалось, правда, федерации пришлось пообещать организаторам более широкую автономию. Таким образом в мужском теннисе произошел раскол: ATP взяла под свой контроль подавляющее большинство турниров, но ИТФ удалось сохранить свое влияние на самые крупные соревнования «Большого шлема».

Ведущие игроки добились почти всех своих требований. Только вот какой ценой? «У многих специалистов сложилось такое мнение, что теннисисты попали из одной кабалы в другую, — отмечал югославский журнал «Спринт». — Воспользовавшись мятежом, Джордану удалось поставить под контроль американской фирмы «Ай-Эм-Джи» почти всех ведущих игроков. И если раньше теннисисты имели хотя бы трех представителей в Совете мужского тенниса для отстаивания своих прав, то теперь они фактически беззащитны перед лицом таких опытных специалистов, какими являются люди Маккормика». Что ж, если журнал окажется прав, то, значит, в недалеком будущем в мире тенниса предстоит новые потрясения и мятежи!

ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО ПРАВДУ

Беседа с Андреем ЧЕСНОКОВЫМ

— В первой половине 1989 года ваше имя, кажется, не сходило со страниц газет и журналов. Писали «Известия» и «Комсомольская правда», «Таймс» и «Дейли телеграф», печать не только соседней Чехословакии или почти соседней Франции, но и далекого от нас Мозамбика (я даже привез вам оттуда вырезки)... Одним словом, говорили о вас едва ли не на всех языках. И объясняется это, боюсь, не столько вашими победами в турнирах «Гран-при» (Ницца — апрель и Мюнхен — май), выходом в полуфинал открытого чемпионата Франции, сколько...

— Сколько повышенным интересом к моим финансовым проблемам и взаимоотношениям с Госкомспортом СССР...

— Да, это так... Писали даже о том, что...

— Не продолжайте!.. Отвечал уже зарубежным журналистам, но повторю еще раз. И не думал никогда о том, чтобы покинуть свою страну. Я здесь вырос, здесь живу и буду жить. Здесь моя семья, мои друзья, моя родина.

— Вас эти разговоры не удивили?..
— Неприятно это... Что же касается поводов для удивления... По-моему, есть немало более важных событий, о которых стоило говорить, нежели мои конфликты. Если бы вы спросили меня, что в последнее время удивило более всего, то я бы с ответом не затруднился. Работа Верховного Совета СССР. Телепередачи с заседаний. Это так непривычно! Честное слово, я такого и представить себе прежде не мог. У каждого свое мнение, каждый отстаивает, не боится, свою точку зрения. Оказывается, и наши парламентарии умеют говорить — почему же раньше чулки не все опасались оторвать глаза от бумаги, на которой была записана их речь. Но удивляет, а вместе с тем и огорчает другое, о чем тоже говорили депутаты — постоянная нехватка то од-

ного, то другого, то третьего — мыла, сахара или, с чем я столкнулся неожиданно, перфораторов кожи для людей, пострадавших от ожогов. Хочется всем помочь, но не могу: силы и возможности имеют свои пределы...

— О вашей тревоге по поводу трудностей излечения жертв железнодорожной катастрофы в Башкирии мне рассказали ваши партнеры...

— Да, я позвонил в институт Вишневого, спросил, чем и как могу помочь, и, услышав об острой нехватке перфораторов кожи, тотчас же попросил представителя «ПроСерв» Филиппа Пимпанов (а эта посредническая фирма, опекающая многих известных теннисистов, баскетболистов, боксеров, занимаемых с 1989 года и моими делами) направить часть заработанных мною средств на оплату двух десятков этих так нужных нашей медицине перфораторов кожи...

— Денег, конечно, хватит?..

— По официальным данным Ассоциации теннисистов-профессионалов (АТП), к началу турнира в Уимблдоне сумма моих призовых составила 628458 американских долларов (в июне 1990 г. Андрей перешел миллионный рубеж). Это без вычета налогов, разных на разных турнирах. Но ведь это не все заработанные мною деньги. Не знаю точно, сколько приходится на мою долю от рекламных поступлений. Однако общая беда нашего тенниса заключается в том, что рекламу мы используем безобразно. Может быть, потому, что никак не избавимся от дилетантизма, от любительства в самом дурином смысле этого слова. Думаю, что, подписав личные контракты с «ПроСервом», Наталья Зверева, Лариса Савченко и я поможем сдвинуть дело с мертвой точки...

— Вероятно, это обидно, несправедливо, что, заключая контракты от вашего

имени, с вами не только не советовались, но даже не ставили вас о таких соглашениях в известность. Обидно, что как бы вы ни сыграли в турнире, на вашем гонораре это никак не отразилось?..

— Обида? Скорее — недоумение. А потом и раздражение. Выигрываю в финале большого турнира в США в Орlando у Милослава Мечиржа. Первый приз — 59,5 тысячи долларов. Я же могу рассчитывать только на 800. Это — весной 1988 года. Осенью попадаю в финал супертурнира в Антверпене. Розыгрыш «Бриллиантовой ракетки». Выход в финал приносит теннисисту полтора тысяч долларов. Моя доля? Снова — 800. Справедливо? Но вот — иные турниры. Те, скажем, где 32 участника, а таких — большинство. Я проигрываю — первый же матч. Но с точки зрения материального вознаграждения для меня это безразлично — ведь получаю я опять те же самые восемьсот долларов. Скажите, это разумно? Это подталкивает к многочасовой изнурительной борьбе?.. Конечно, не одни лишь призовые определяют мотивы нашей деятельности, но когда же мы начнем серьезно относиться к серьезному делу — к собственной профессии?..

— Не считая себя эгоистом. Запросы у меня скромные. Однако хотел бы точно знать, на что расходуются деньги, которые я зарабатываю. Хотел бы, чтобы шли они на развитие тенниса. В Москве теннисистам сборной СССР по-прежнему негде тренироваться. В Москве по-прежнему нет ни одного теннисного клуба, которые давно стали привычными во Франции или Англии, в ФРГ или США. Почему мы не можем готовиться к турнирам в нормальных условиях?.. Почему я вынужден беспокоиться о выплате мне хотя бы части моего заработка?.. Вы знаете, у меня много таких «почему»... Пусть пока деньги лежат в банке. Хочу, чтобы и мне предоставили право распоряжаться заработанными мною средствами...

— Да, деньги советскому теннису нужны. У нас уже стало едва ли не признаком дуриного тона напоминать, что в стране нет ни одного корта с травяным покрытием...

— Ну, может быть, читателям и журналистам тема и вправду не кажется уже интересной и важной, но ведь для теннисистов-профессионалов корты с разными типами покрытий — неперемное условие подготовки к соревнованиям.

— В начале лета я неплохо сыграл в Париже: на открытом чемпионате Франции дошел до полуфинала, а вот в

следующем соревновании, в котором принял участие, меня постигла неудача. Она не была случайна. К Уимблдону надо готовиться специально — привыкать к траве, к особенностям игры на таком корте. Как поступили мои соперники? Тотчас же по окончании чемпионата Франции полетели в Англию, сыграли там в одном-двух турнирах. Одним словом, привыкали к траве. А я? Вернулся в Москву. Сдавал госэкзамены в институте. Согласитесь, что это важнее всего. Но как бы ни был занят я в те дни, время для двух-трехчасовой тренировки все же находил. Однако таких кортов, как в Уимблдоне, у нас нет, вот я и бегаю по грунтовым покрытиям. А у меня вообще с травой свои отношения, хотя в январе 1988-го в Южном полушарии сыграл успешно. Что же касается мнувшего Уимблдона... Нахожу утешение лишь в том, что в 1989 году, хотя проиграл в Уимблдоне снова, играл, по собственным ощущениям, все же лучше, чем в прежние годы...

— Знаю, что ваше поражение в Уимблдоне после успешных выступлений на кортах «Ролан Гаррос» подтолкнуло многих моих коллег к мысли от «нестабильности» Чеснокова...

— Чувствую, что могу сейчас выиграть что угодно, мог, например, выиграть «Ролан Гаррос», но повторить такой взлет в любом турнире мне не по силам. Стабильности необходимой, постоянной игры на высоком уровне все еще нет. Вспышка, взлет — и падение. Снова подъем — и снова падение. А вот у Лендла — прямая линия, хотя неудачи и не исключены.

— Сезон 1988 года вы впервые завершили войдя в мировую двадцатку. Не означает ли это, что не только класс, но и стабильность приобретены?..

— Когда-то обо мне писали как об игроке, у которого есть только один вид оружия — бекхэнд, удар слева двумя руками. Мне кажется, что моя игра достаточно разнообразна. Не только бекхэнд. Люблю атаковать справа. Уверенно играю с отскока. Чаще стал выходить к сетке, точнее играю с лета. По сравнению, скажем, с 1986 годом улучшил подачу. Одним словом, работаю. Значит — в пути. Играю теперь достаточно много...

— Кстати, о практике игры. Нет ли смысла расширить ее в нетрадиционном для вас направлении — больше играть в паре, может быть, даже в миксте?.. Что-то не помню Чеснокова в матчах в смешанном разряде...

— Были такие матчи, были... И у нас в стране. И даже в открытом чемпионате Франции, в 1986 году. Выступал партнером Ларисы Савченко. Первый матч мы выиграли, а на следующий я опоздал, и нам засчитали поражение. Подвел Ларису.

Но если говорить откровенно, я всерьез микст не воспринимаю. Может быть, ошибаюсь, но у меня создалось впечатление, что многие теннисисты играют микст только из-за денег, стремясь увеличить сумму призовых. Даже в парном разряде сегодня выступать все труднее. Теннис теперь такой, что трудно выдержать двойные нагрузки. Представьте себе — пять сетов (стало быть, часа три, а то и четыре) в одиночном разряде, затем пять сетов — в парном. А что потом?.. Не помню, чтобы, скажем, Лендл в турнирах «Большого шлема» играл пару или тем более микст...

— Не рискую судить о настроениях всех болельщиков, стремящихся попасть на трибуны в Уимблдоне или на «Ролан Гаррос». Однако думаю, что немалая их часть хотела бы видеть Лендла, Графа, Беккера, Виландера, Сабатини и других звезд (вас я тоже имею в виду) на кортах чаще и потому, несомненно, жалеет, что не все лидеры мирового тенниса стремятся играть пару или микст. Болельщики живут игрой своих любимцев. А вот что значит их присутствие на трибунах для вас, насколько важна вам реакция публики?

— Помню о зрителях постоянно. Люди пришли на корты, на стадион потому, что хотят увидеть теннис, живой теннис. Я чувствую это. И если даже игра у меня сегодня не клеится, все равно стараюсь сделать все возможное, чтобы публика не была разочарована. Конечно же, гораздо интереснее и приятнее играть, когда народ собрался на матч. Пустые трибуны удручают. И вместе с тем в минуты игры публики для меня не существует. Я весь в матче, в борьбе. Никого вокруг не замечаю, хотя, например, ощущаю на трибунах присутствие своего тренера Татьяны Федоровны Наумко. Может быть, вам покажется, что я противоречу сам себе, но это и вправду так — зрители меня воодушевляют, в то же время я не вижу, не замечаю болельщиков.

— Ну а если шире?.. Большой спорт, как и театр, немалым без зрителей, без болельщиков. Любители спорта знают чемпионов, с интересом читают и слушают все, что про них рассказывают. Какие чувства испытываете вы, когда на улицах

вас узнают, останавливают незнакомые люди?

— Мне спокойнее, пожалуй, даже легче, когда меня не узнают, когда я остаюсь просто прохожим.

— Утомляют разговоры о теннисе?..

— Хуже. Утомляет и сам теннис...

— Физическая усталость, перетренированность?..

— Скорее другое — психологическая изнуренность. Бывают ли мгновения, когда испытываю к теннису ненависть? Бывают... Так было, например, в дни последней поездки в Австралию. Хотелось домой, хотелось зашвырнуть ракетку куда-нибудь подальше, чтобы не видеть их...

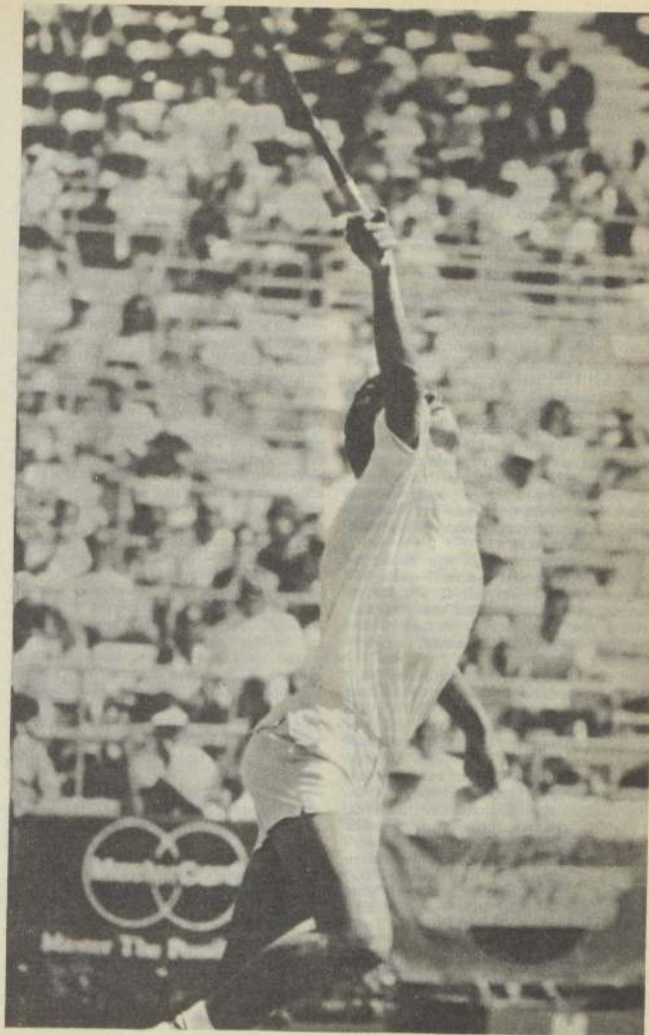
— Такие периоды связаны с неудачами в турнирах, с досадными поражениями?..

— Прямой связи, пожалуй, нет. Конечно, обидно проигрывать. Тем более в том матче, где играл вроде бы неплохо. За годы выступлений в спорте, кажется, привык к поражениям. И все-таки... Чувствую себя побитым...

Еще больше расстраиваюсь, когда не получилась игра. Это угнетает больше поражения. Анализирую в таких случаях свои действия с пристрастием. Ищу причины неудачи. Понимаете, важна игра, ее качество, а не только и не столько счет... Ну, например, я проиграл в 1987 году Матсу Виландеру на турнире «Италия оупен» 1:6, 3:6. В двух сетах. Да и счет не оставляет сомнений в подавляющем виде бы преимуществе шведского теннисиста. Однако же играли-то мы два часа. Значит, не все так просто было. Значит, уступил я в напряженной борьбе, хотя счет, казалось бы, свидетельствует об ином. Игрой своей в том поединке я был почти доволен. А вот матч с молодым американцем Джимми Куриером на открытом чемпионате Франции в 1989 году, выигранный мною, вспоминаю с досадой, хотя сумел в тот день прожить настойчивость и волю — два первых сета проиграл, и оттого вытягивать победу было необыкновенно тяжело. И уж откровенно расстроился в дни того турнира после победы над перуанцем Пабло Арайя. Игра была скучной, и, думаю, мало кому тот матч показался интересным.

— Стало быть, с «Ролан Гарросом»-89 связаны скорее отрицательные эмоции, нежели положительные?..

— Там хватало всего... После матча с Куриером был, повторяю, расстроен донельзя. А вот после победы над Матсом Виландером настроение было иным — во второй раз в жизни выиграл у шведа на открытом чемпионате Франции и снова всухую — 3:0. Был на седьмом небе.

Понимаю, что могу дать повод для иронических замечаний, подтруниваний над собой, и все же признаюсь, что тогда впервые вдруг допустил мысль, что я, Чесноков, могу стать и чемпионом Франции: Лендл и Коппорс, Виландер и Макинрой, Агасси и Мечирж уже выбыли из борьбы. Конечно, еще остались Эдберг и Беккер, нас еще четверо, но, может быть, наступил мой час?..

Но... До финала я не дошел. Програл Майклу Чангу, совсем юному американцу. Расстроился жутко. Помните тот матч? Отдав первый сет, я выиграл второй, в третьем трижды имел «сетбол» и все-таки упустил победу.

Был в тот вечер убит...

— Сколько времени знаю вас, однако никогда не думал, что вы человек очень эмоциональный... Хотя подозреваю, особенно после откровенного нашего разговора трехлетней давности, после Спартанады, что эмоции порой все-таки захлестывают вас. Просто, вы не даете им вырваться наружу...

— Да, я могу управлять своими чувствами. Хотя и не всегда, и не до конца. Реагирую на все, но переживания свои стараюсь не обнаруживать. Это, думаю, не означает, что я менее впечатлителен, менее эмоционален, нежели тот человек, который демонстрирует всему миру свои радости или горе...

— Вполне естественно, что люди не схожи в проявлении чувств. Разные характеры, разные натуры. И вы, как и каждый из нас, имеет свои, свойственные только вам особенности психики и характера. Все ли вас устраивает в собственном характере?..

— Нет. Мешает такая, например, черта: если увлекаюсь чем-то, то забываю обо всем — не только о работе, но и о людях, меня окружающих. Это мой недостаток. Упрямство собственное нравится, но иногда оно становится отрицательным качеством. Так же, как и настойчивость, которую чаще всего принято рассматривать как достоинство человека.

— Мы, кажется, отошли от тенниса и начали разговор о личности теннисиста... В таком случае я хотел бы задать несколько вопросов. Из разряда тех, которые читатели, любители спорта, чаще всего адресуют известным спортсменам...

— А начните с вопроса, какие у меня увлечения?

— Ирония вполне уместна, но можно понять и болельщиков, которые обычно начинают расспросы именно с этого. О вашем интересе к филателии мы рассказывали. А что кроме марок?..

— Меня увлекает все — книги и музыка, кино и спорт, театр и дискотеки, экскурсии по новым городам и новые знакомства. А главное — общение с друзьями. Нравится все — было бы свободное время. Могу оценить разные вещи «хэви метал» и классическую музыку. Литературу сегодняшнюю и писателей начала века или двадцатых-тридцатых годов. Буни, Гаршин, Тынников — последние мои увлечения. Читаю жадно, хочется познакомиться с умными людьми, понять их мысли. Книги люблю давно, с детства. Но у меня не было одного любимого героя. После каждой новой для меня книги ее герой на какое-то время становился примером для подражания, скажем так. Я читатель впечатлительный, с хорошей памятью. Помню и русские народные сказки, и сказки Андерсена, и рассказы для детей Толстого. Гайдара тоже помню, но позже, перечитывая его, догадался, что он серьезнее, глубже, что не надо воспринимать его только как детского писателя. С некоторых пор приобретаю недорогие акварели, реже — масло. Здесь два мотива. Интерес к работам художников и желание сохранить память о том городе, где побывал. Как и все теннисисты, езжу много, но вижу меньше, чем хотелось бы, — дороги чаще всего совпадают: от отеля до корта.

— Не только спортсмен, но и болельщик. Прежде всего — футбольный. Болели за московский «Спартак».

— Мне кажется, что я открыт всему. Люблю одеваться, с интересом отношусь к моде. Очень радуюсь, видя хорошо, со вкусом одетых людей в Москве: у нас пока это сделать сложнее, чем, скажем, в Западной Европе, где проще приобрести вещи по вкусу. Могу носить и то, что модно, хотя мне в глубине души новое поветрие не всегда по вкусу. Но я понимаю, что так современно, и потому следую моде. Может быть, это не украшает меня?..

— Вам 23. Счастливым возраст! Мужчина полный сил. А, кстати, что такое, с вашей точки зрения, «настоящий мужчина»?..

— Человек дела... Сказал — сделал. Обязательность — вот чего, к сожалению, если и не всем нам, то многим частенько не хватает. Не правда ли?..

И я говорю не только о спортсменах и мире спорта...

Беседовал с Андреем Чесноковым
Олег Спасский

Июль 1989 года

Слово науке

Проблемы, над которыми работают ведущие специалисты по теннису

Анна
Скородумова,
мастер спорта СССР,
доцент

[заметки с конференции тренеров США]

В период проведения открытого первенства США по теннису Американская ассоциация тенниса проводит конференцию специалистов и тренеров.

Несколько слов о ее организации. Заседания проводятся одновременно в трех залах. В дух разбираются чисто теоретические проблемы. В третьем — демонстрационным — вопросы теории подкрепляются практической демонстрацией. Следует отметить, что вход платный — 140 долларов за 3 дня. Приехавшие сами оплачивают дорогу и размещение. И, несмотря на такие жесткие условия, все три зала практически заполнены.

Среди докладчиков ведущие тренеры США: Н. Боллетьер, Т. Горман, Р. Хестер, Б. Дж. Кинг, Д. Ван-дер-Мееер и др. А также специалисты в области спортивной тренировки, медицины, психологии и биомеханики: Е. Хаймес, А. Гран-Джин, Дж. Гроппел, А. Куин, Дж. Лоер и др.

Из Европы были приглашены два специалиста: Ж. Кермадек — директор киноvideо отдела французской федерации тенниса, сделавший фильмы по анализу ударов ведущих теннисистов мира (К. Эверт, Я. Ноа, И. Лендла, Б. Борга, В. Герулайтиса, Дж. Коппорса и Х. Мандликовой), и Р. Шонборн — главный тренер федерации тенниса ФРГ и член комитета по обучению и образованию федерации тенниса ФРГ.

Остановлюсь на основных, с моей точки зрения, вопросах, услышанных на конференции, прочитанных в некоторых статьях и книгах, вышедших в том году в США.

Начну с доклада Дж. Лоера. «Основы спортивной науки для тренеров по теннису». Лоер считает, что тренер — это гораздо больше, чем учитель, потому что тренер должен обладать

очень большими знаниями в области смежных дисциплин; кроме того, он должен уметь устанавливать необходимые контакты с семьями своих учеников, их друзьями, словом, со всеми, кто их окружает.

Так кто же может называться тренером? Кто располагает следующими знаниями:

— биомеханическими, к которым относится все, что составляет технику тенниса — хватки, удары и их составляющие, передвижения. Необходимо иметь картотеку на каждого ученика с оценкой всех выполняемых ими действий. Ставя задачи перед игроком, необходимо убедить его, чтобы спортсмен понимал, почему он будет выполнять это, чтобы он согласился с тренером, стал единомышленником;

— психологическими — знать свойства личности своих учеников, четко определять ближайшие, промежуточные и долгосрочные цели, научить игроков решать необходимые задачи между розыгрышами очков, иметь запаси соревновательных матчей и таблицы с показателями, определяющими действия во время соревнований, давать рекомендации по ведению психологической подготовки на определенный период;

— физиологическими — знать четко степень развития функциональных систем своих игроков, особенно аэробных и анаэробных возможностей.

Периодизация спортивной тренировки должна прочно войти в жизнь. Необходимо четко представлять, сколько «сезонов» в году, на каком соревновании игрок должен быть в пике своей формы. Необходимо иметь четкие ежедневные, еженедельные, месячные и годовые планы на каждого ученика;

— знаниями по спортивной медицине, поскольку теннисист высокой квалификации находится на корте 7 дней

по 4 часа минимум. А это опасно. Поэтому необходимо тестирование, которое поможет выполнить тяжелую работу без особого риска.

Кроме того, тренер должен знать, что ученик ест до соревнований и во время них, и уметь посоветовать в зависимости от индивидуальных особенностей спортсмена. Кроме того, Лоер считает, что тренеры должны знать специальную литературу, касающуюся перечисленных разделов, предлагает список литературы. Подводя итог, он сказал, что ни в одной федерации не ведется работа по перечисленным им направлениям, в то время как основа всего спорта — наука. С ней связано будущее тенниса.

Я с интересом слушала доклад, и мне было приятно сознавать, что все положения, перечисленные Лоером, разрабатываются у нас в стране — ведутся биомеханические исследования, исследования соревновательной деятельности, ведутся все виды контроля — оперативный, текущий и этапный. Что же касается периодизации спортивной тренировки, о значимости которой специалисты США заговорили впервые, то на основе общих положений, разработанных Л. П. Матвеевым, Н. Г. Озолиным, В. Н. Платоновым, уже много лет у нас создаются тренировочные программы на занятие, день, микроцикл, мезоцикл и макроцикл. А внедрение этих программ в жизнь во многом зависит от образованности и желания тренера. И нельзя не согласиться с мнением Лоера о том, что необходимо повышать уровень знаний тренеров, а также контролировать его. Для определения знаний тренеров в США разработаны тесты двух уровней. Именно с целью улучшения знаний тренеров у нас в стране в 1989 году впервые проведен набор в ВШТ.

Следует отметить, что в США большое внимание начали уделять вопросам периодизации тренировки. Так в специальной выпускаемой Ассоциацией тенниса США газете, называемой «Спортивная наука для тенниса», мне удалось познакомиться со статьей Дж. Лоера «Что такое периодизация?». Все положения статьи полностью совпадают с имеющимися у нас взглядами на периодизацию спортивной тренировки. Эти же вопросы разбираются в изданной в Иллинойсе книге «Наука тренировки в теннисе». В ней также рассматриваются периоды, из которых состоит годичный цикл, задачи, которые необ-

ходимо решать в каждом из них, когда лучше повышать уровень физической подготовленности, вести коррекцию технических действий и т. д. Об общих проблемах периодизации, построении микро-, мезо- и макроциклов можно прочесть в работах Л. П. Матвеева, В. Н. Платонова, Н. Г. Озолина (1964—1987 гг.), применительно к специфике тенниса в работе А. П. Скородумовой (1984 г.).

Большое внимание на конференции было уделено вопросам тестирования. Они рассматривались и в докладе Пола Роетерта. Он сказал, что в настоящее время Американской ассоциацией тенниса утверждена научно обоснованная программа тестирования. Она включает в себя определение состояния сердечно-сосудистой системы, гибкости и способности к расслаблению, силы, скоростно-силовых качеств, скоростных качеств видов выносливости, включая тестирование аэробной производительности.

Доклад Р. Шонборна был посвящен вопросам отбора в теннисе. Он выделяет три уровня отбора: на первом уровне отбираются дети, желающие заниматься физическими упражнениями. Второй уровень предусматривает отбор детей, желающих заниматься спортом, т. е. желающих соревноваться. На третьем уровне отбираются желающие заниматься непосредственно теннисом. Для этого необходимо знать, от развития каких качеств в большей степени зависит результат в теннисе. Шонборн считает, что результат на 13,5 % зависит от координации и проворства, на 12 % от способности набирать скорость за счет силовых усилий, на 10 % от быстроты реакции, на 9 % от гибкости, на 9 % от быстроты действия и быстроты координации. Свой вклад по 8,5 % в общий результат имеют быстрота, выносливость по отношению к скорости и аэробная выносливость, по 7,5 % — силовая выносливость и анаэробная выносливость и 6 % — проворство.

Далее Р. Шонборн, опираясь на работу В. Волкова, приводит чувствительные возрасты для развития физических качеств. Я не буду останавливаться на ней подробно, так как эти данные можно прочесть в работах советского специалиста. Докладчик приводит схему влияния физических качеств, технической и умственной (включая психическую) подготовленности на мастерство юниоров разных возрастов. Из рисунка

видно, что начиная с 12 лет происходит выраженное увеличение влияния физической и умственной подготовленности и снижение технической подготовленности на мастерство спортсменов. Отсюда можно сделать вывод, что обучение основным техническим действиям должно быть закончено к этому возрасту. В дальнейшем идет лишь совершенствование технических приемов.

Интересна приводимая схема распределения видов подготовки по годам обучения. В 7—8 лет по 3 часа в неделю (что составляет 38 %) рекомендуют отводить для занятий общей и специальной подготовки; 2,5 часа (31 %) — решать задачи физической подготовки средствами тенниса и 2,5 часа (31 %) — заниматься техникой тенниса. Таким образом, из 8 часов примерно 70 % отводится на воспитание физических качеств и 30 % — на обучение технике. В этом возрасте участие в соревнованиях не предусматривается.

В 9—10 лет на тренировку отводится 11 часов. 50 % времени (5,5 часов) тратится на физическую подготовку (27 % на физическую подготовку средствами ОП и 23 % средствами тенниса), столько же на специальную, которая состоит из средств специально-подготовительных и соревновательных. В этом возрасте дети начинают участвовать в клубных соревнованиях.

В 11—12 лет дети тренируются по 15,5 часа в неделю. 45 % времени тратится на физическую подготовку, 55 % — на специальную.

Совершенствование физической подготовки в объеме 4 часов (26 %) происходит общеподготовительными средствами и 3 часов (19 %) — специально-подготовительными. В этом возрасте теннисисты принимают участие в клубных, районных и региональных соревнованиях.

Таким образом, если все сказанное представить в виде графика, в котором на оси абсцисс годы жизни, а на оси ординат — подготовленности, то можно увидеть, что спортсмены, которые пропускают этап базовой подготовки, добиваются наибольших результатов уже к 20 годам, но уровень этих результатов составляет примерно 50 % от возможных. Спортсмены же, которые не пропускают этап базовой подготовки, добиваются максимальных результатов позднее, к 23—25 годам, но уровень этих результатов значительно выше. Этим путем шли к своим успехам М. Навратилова, И. Лендл. Этот вариант

используется при подготовке теннисистов Чехословакии.

Подобная система подготовки спортсменов обоснована в работах советских ученых — М. Я. Набатниковой, Л. П. Матвеева, В. П. Филина. Она экспериментально апробирована в подготовке теннисистов, о чем была соответствующая статья в ежегоднике «Теннис», однако в жизнь входит с большим трудом. Понятно, что у нас очень много объективных трудностей, и все же в сложных условиях можно эффективно работать, применяя накопленные знания. Но «нет пророка в своем отечестве». Вот когда разработанные советскими специалистами положения внедрят за рубежом, докажут их эффективность (как, например, в ФРГ — Ш. Граф и Б. Беккер), расскажут нам, как сделали, тогда и мы, может быть, будем применять. На своем опыте убедилась. Первый вопрос, который задают тренеры, когда выходяшь с каким-нибудь предложением: «А там это делают? Да когда начнут делать — поздно, нам не догнать, поскольку у нас нет их условий подготовки, нам надо делать, пока еще никто не внедрил.

На практических занятиях специалистами было показано много упражнений. Постараюсь перечислить основные из них.

1. В каждой руке по мячу, бить мячи в пол одновременно.

2. Два игрока стоят друг против друга на расстоянии 1,5 и более метров (в зависимости от возраста, уровня мастерства и т. д.), придерживая ракетку, поставленную на пол, рукой. По команде поменяться местами, схватив ракетку партнера.

3. То же, но занимающиеся стоят по кругу. Перемещаться по команде влево или вправо.

4. Два игрока стоят друг против друга, пятки вместе, носки врозь. Мяч между носками. Ракеткой направить мяч точно между ног партнеру. Мяч должен катиться.

5. Занимающиеся стоят в строю. Тренер быстро пронесет ракетку на уровне плеч над их головами. Каждый должен успеть быстро пронести.

6. Занимающиеся стоят в строю. Тренер пронесет ракетку на уровне колен. Каждый должен перепрыгнуть. Справедливости ради следует заметить: во время показа двое упали.

7. Перебрасывание ракетки из руки в руку — через спину, через голову, из-под ног и т. д.

8. Эстафеты.

8.1 — все стоят за задней линией, мяч докатить ракеткой до сетки и обратно.

8.2 — стоя в шеренге друг к другу боком — передать мяч соседу с ракетки на ракетку и победить на другой конец шеренги. Необходимо переместиться от задней линии до сетки. (Возможны варианты — от одной стены зала до другой и т. д.).

8.3 — стоя на задней линии, спортсмены сооружают «пирамиду» — ракетка — мяч — ракетка и т. д. Все перемещаются к сетке и обратно, не потеряв ни одного мяча.

9. Игра с лета через сетку мячкими мячами.

10. Игра с лета мячкими мячами один против двух. Один играет, куда хочет. Играющие вдвоем отбивают мячи по очереди.

11. То же нормальными мячами.

12. Двое играют с лета друг на друга в течение 15 мин. (Все показывавшие это упражнение, включая Б. Д. Кинг, в указании длительности задания ссылались на М. Навратилу.)

13. Тренер подкидывает мячи. И. п. игрока на задней линии. 1-й мяч — игрок, входя в корт между задней линией и линией подачи, выполняет реверс, 2-й мяч — с лета слева, 3-й — с лета справа. Игроки выполняют задание по очереди.

14. Игроки стоят на задней линии в левом углу. 1 — быстро перемещаясь в правый угол — удар справа с отскока; 2 — удар с лета слева, 3 — удар справа с задней линии по мячу, переброшенному через игрока сечой, 4 — удар слева с отскока, 5 — удар справа с лета, 6 — удар над головой из середины корта.

15. Удары справа — выполняемые стоя, подсаживая только на правой ноге.

16. Удары слева — выполняемые стоя, подсаживая только на правой ноге.

17. Разыгрывание «треугольника» с неожиданным повторением удара кроссом или по линии.

18. Двое играют с лета, 1 — восьмерку. Играющие с лета меняют направление.

19. Теннисист принимает подачу, выполненную с хавкорта, следующий мяч играет с лета слева. В выполнении следующих ударов возможны варианты. То же в другой квадрат.

20. Игра с задней линии с выходом

к сетке с удобного мяча после ошибки или выигранного очка, мяч сразу вводится в игру тренером. Получается практически непрерывный процесс.

21. Тренер из-за спины принимающего показывает подающему место, в которое следует подавать. Далее следует розыгрыш очка.

22. Тренер выкидывает 10 мячей по всей площадке так, чтобы была возможность играть и с лета, и выполнять удары над головой. Сам тренер стоит в середине корта. Естественно, что игроки должны пробить мимо него, четко выдержав направление.

23. Тренер выкидывает мячи так, чтобы чередовать удары с лета с ударами над головой.

24. Игра только на одном поле подачи, чередуя удары укороченные со свечой.

25. Игра со счетом на половине корта. Один играет только с лета, другой только ударами с отскока.

Тренеры отмечают, что при игре с лета важнее концентрировать внимание на угол, образованный кистью и предплечьем, чем на положение головки ракетки.

26. Играть 3 гейма, ведя счет как при розыгрыше тайбрейков.

27. Стоя друг против друга один спортсмен повторяет движения другого.

28. Тренер и спортсмен стоят лицом друг к другу и тренер рукой показывает, куда надо двигаться. Все передвижения выполнять на предельной скорости.

29. Тренер выкидывает рукой мяч в разные стороны. Надо поймать, бросить тренеру, который направляет мяч в другую сторону, может его покатыть или бросить выше и т. п.

30. Игрок стоит спиной к тренеру. Тренер выкидывает мяч между собой и игроком, подавая сигнал. Игрок должен повернуться, увидеть мяч и поймать его. В дальнейшем ударить по мячу.

31. Тренер кладет мячи — по одному в углы на задней линии и три на линию подачи. И. п. — стоя в центре на задней линии. Все мячи как можно быстрее надо перенести на и. п.

Выполняя все задания, необходимо мысленно их контролировать. Если же была допущена ошибка — мысленно представить, почему она была допущена и как ее исправить.

Вот, пожалуй, основные вопросы, которые были рассмотрены на конференции тренеров США.

Семен
Белиц-Гейман

Наконец-то!

Англичане гордятся Уимблдоном, а французы — «Ролан Гарросом». Я бы добавил — этими мировыми турнирами-конкурентами гордится фактически весь теннисный мир. Они не просто состязания звезд, но и грандиозные праздники — фестивали вселенского тенниса, где собираются не только все сильнейшие игроки, но и самые авторитетные деятели мирового тенниса и национальные болельщики со всей планеты. Если незнакомец бросит: «Я бываю на играх в Уимблдон или на «Ролан Гаррос», истинный любитель тенниса сразу одарит его уважительным взглядом. Попасть туда, особенно в заключительные дни соревнований — удел избранных, если учесть, что спрос на заветные билеты международный. Весь теннисный мир, и с особым достоинством англичане, говорят: «Уимблдон — чемпионат мира на травяных кортах», «Ролан Гаррос» — чемпионат мира на грунтовых кортах».

Так и живут в мировом теннисе бок о бок эти два турнира, даря любителям игры планеты неповторимые радости. В последние же годы мировое влияние этих двух супертурниров перешагнуло некогда совершенно немалые масштабы — свидетелями сражений на каждом из двух главных теннисных ристалищ мира с помощью телевидения ежегодно становится более миллиарда зрителей.

Открытие мирового тенниса советскими игроками и специалистами началось, как знают многие читатели, с Уимблдона. «Уимблдон перестал быть для вас секретом, теперь на повестку дня вы должны поставить познание тенниса «Ролан Гаррос» — только при этом условии вы сможете составить объективную, целостную картину развития мирового тенниса», — говорил нам Фред Перри, когда мы покидали впервые открытый нами Уимблдон. Легко сказать — открыть «вторую Америку», если приходилось довольствоваться тогда «голодным пайком». «Выбирайте Уимблдон или «Ролан Гаррос», во всех других видах спорта чемпионат мира один, а у вас почему-то

два», — говорили нам руководящие представители администрации в спорте. И мы выбрали Уимблдон, так как прежде всего считали, что подготовка к играм на траве и выступления на самых «быстрых» травяных площадках будет способствовать дальнейшей активизации игры наших теннисистов. Толкали к такому выбору, не скрою, и «честолюбивые соображения» — хотелось развить первые успехи наших первенцев в травяных сражениях. Ведь в то время неумолимо господствовала установка: выступавший на международном арене не победоносно — сиди дома и тренируйся до тех пор, пока не сможешь гарантировать победу!

...1966 год. Трибуны центрального корта «Ролан Гаррос». В полном разгаре один из интереснейших четвертьфинальных матчей в мужском одиночном разряде. Соперники меняются сторонами. А в это время диктор объявляет: «Сейчас на первом и втором кортах начнутся матчи с участием четырех «мушкетеров». Так величают выдающихся ветеранов французского тенниса — Жана-Рене Лакоста, Анри Коше, Жана Боротра и Жана Брюньона. Зрители начали покидать центральный корт. Судья задержал продолжение встречи до тех пор, пока на трибунах не установилось спокойствие. Я не без удивления смотрел на моего соседа — главного тренера федерации тенниса Франции Ж. Кермадека: «Что это — дань уважения к бывшему величию?» — спрашиваю. Этот вопрос совершенно неожиданно задел француза за живое. И он с явным назиданием заметил: «Подлинное величие не бывает былым, оно вечно, иначе оно граничит с фарсом, Александр Дюма вечен в литературе, а французские «мушкетеры» вечны в мировом теннисе. Так что при французах лучше говорите о них как о героях всегда современных. К тому же еще не забывайте, они кавалеры Ордена почетного легиона — высшей награды Франции...»

На площадке «король сеточников» — Жан Боротра. Бьющий через край темперамент в возрасте, как говорят французы, «мудрого старца! Сложнейшие броски у сетки — просто диву даешься. Азарт, невероятная сосредото-

точность, «горение», жажда победы!

А вот и тот, кто во второй половине 30-х годов поразил советских любителей тенниса, — Анри Коше. Тогда этот выдающийся «мушкетер» давал уроки тенниса в Москве и в ряде других городов нашей страны. Уроки не только в матчевых встречах с нашими сильнейшими игроками перед огромным числом зрителей. В Москве действовала и, как ее называли в печати, «академия Коше». И я был ее замороженным слушателем. Тогда в течение месяца в столице проходил месячный, выражаясь современными терминами, учебно-тренировочный сбор сильнейших молодых теннисистов страны под руководством знатока мирового тенниса. С какой-то особой остротой врезались в память слова мастера на первой установочной беседе: «Современный теннисист высокого класса — это атлет с умной головой и бойцовским характером». Помните, как после первого же дня атлетических занятий, проведенных французом, мы превратились в «инвалидов» — все тело ныло, больно было ступить на ноги, а руки еле-еле поднимались (в те далекие годы атлетическая подготовка еще не стала достоянием наших теннисистов).

И вот спустя много лет наш давний наставник перед моими глазами на своих родных кортах. Все та же элегантность во внешности, особая, неповторимая эстетика в движениях, орлиный, пронизывающий соперников взгляд, удивительно свободная игра по всей площадке со стремительными, не по возрасту выходами к сетке. В этой мушкетерской паре тактика, что ни на есть самая современная. Так и хочется сказать: филигранное мастерство не поддалося времени!

А на соседней площадке сражается другая пара «мушкетеров» — Рене Лакост и Жак Брюньон. Здесь иной колорит игры. Лакост — тот Игрок-машинист (такое прозвище сохранилось за ним еще с двадцатых годов) — стоит на смерти у задней линии и с поразительной настойчивостью обстреливает соперников сильными ударами. Что ни удар — то сама классика! На лице — невозмутимое спокойствие и уверенность. Эмоции, судя по внешности, ему неведомы. В этой паре явно ведущий — Брюньон. Он свободно чувствует себя и у задней линии, и у сетки. Удары по восходящему мячу — его коронное оружие. Подвижности нестарееющего «мушкетера» можно позавидовать.

Герои мирового тенниса далеких 20-х годов! Их замечательные победы — далекая история и гордость Франции. Трое из них становились победителями Уимблдона и в одиночных, и в парных играх. И лишь Брюньон довольствовался золотой короной лучшего парного игрока. А вместе они пять лет дарили своей стране знаменитый Кубок Дэвиса — главный в мировом теннисе командный приз.

Есть в Париже заветное для теннисистов место — знаменитый «Рессинг клуб». Там бытует уникальная традиция, которую называют и исторической, и демократической. Каждую первую и последнюю пятницу месяца ровно в 18 часов на центральном корте клуба появляются «мушкетеры». Они играют между собой и с друзьями перед взорами многочисленных паломников — поклонниками их нестарееющего таланта. Кончатся дружеские соревнования и начинается «демократическое общение» — «мушкетеры» отвечают на многочисленные вопросы, вспоминают «дела минувших дней, преданы старины глубокой», комментируют теннисные фильмы.

Считается, что французы, как никакой другой народ, умеют чтить героев! Теннис в этом отношении — живой и убедительный пример. Именами «мушкетеров» названы улицы и теннисные клубы, промышленные фирмы, о них слагают стихи и пишут песни, издаются книги. Четыре ложи центрального корта «Ролан Гаррос» названы именами каждого из мушкетеров, и они традиционно восседали там, где их могут видеть бесчисленные почитатели. Победителей открытого чемпионата Франции традиционно награждали не кто иные, как они.

Но время берет свое. Когда мне вновь в 1989 году довелось стать очевидцем жарких сражений на кортах Парижа, то из знаменитой четверки осталось только двое — Боротра и Лакост. К тому времени им перевалило за восемьдесят. Однако они все еще в «боевом строю» — продолжают поигрывать и выступают в почетной роли героев торжественных церемоний.

На стадионе «Ролан Гаррос» у центрального корта есть место, названное «Площадью мушкетеров». Там каждому из национальных героев должен быть воздвигнут бронзовый памятник. Два памятника я уже видел.

Перед моими глазами в разные годы прошли десятки крупнейших между-

народных турниров, несколько поколений звезд мирового тенниса. И если вы спросите, какие соревнования стали самыми впечатляющими и поучительными, я отвечу не колеблясь: «Уимблдонский турнир 1956 года и открытые чемпионаты Франции 1968 и 1989 годов».

Обоснование авторитета «школы» Уимблдона того далекого года, я думаю, читателю понятно. Тогда группе наших специалистов, в которой был и автор этих строк, впервые довелось увидеть весь цвет мирового тенниса, составить представление о развитии техники и тактики сильнейших зарубежных игроков. Не скрою, наш единодушный вывод после первых уроков Уимблдона звучал категорично и сурово: в нашем теннисе необходима революция, нацеленная на атлетизм и активизацию игры.

А вот значимость и поучительность открытого чемпионата Франции 1968 года требуют развернутого обоснования.

Тот год в истории мирового тенниса называют переломно-историческим. Тогда впервые Международная федерация тенниса приняла беспрецедентное для тех лет решение: допустить во все традиционные международные турниры и игроков-профессионалов. В результате высокая стена между любительским и профессиональным теннисом рухнула. И без того высокий интерес к международным турнирам подскочил, как говорится, до точки кипения. Раньше подавляющее большинство победителей Уимблдона и их самых ближайших конкурентов покидали ряды любителей, переходя выступать в профессиональных соревнованиях, обособленных от главных традиционных международных турниров. Устав категорически запрещал встречи между теннисистами этих двух категорий, в противном случае угрожал «международной дисквалификацией» звездам любительского тенниса. Поэтому решительный спор в открытой борьбе, кто сильнее — любители или профессионалы, практической возможности не было. И все же считалось, что мастерство профессионалов значительно выше. Ведь профессиональный теннис каждый год обкрадывал ряды лучших любителей, и переход очередного короля Уимблдона в профессионалы стал своего рода неписанным законом.

Мне, как и моим коллегам, не довелось в то время видеть игры профессиональных игроков. Правда, с игрой

на травяных площадках значительной части тогдашних профессионалов мы уже были знакомы по их сражениям в Уимблдоне, когда они еще находились в рядах любителей. А как эти же теннисисты действуют на «медленных» грунтовых площадках? Ответ на этот вопрос представлял большой интерес для наших специалистов, так как позволял уточнить тенденции мирового тенниса. Тем более что и у зарубежных специалистов взгляды на эти тенденции были далеко не схожи.

И вот перед нашими глазами — Род Лейвер, Кен Розуол, Рой Эмerson (все Австралия), Ричард Гонзалес (США) и Андрес Гимено (Испания) — сильнейшие ракетки профессионального тенниса.

Когда я наблюдал за полуфинальными матчами К. Розуол — А. Гимено и Р. Лейвер — П. Гонзалес, мне казалось, что на площадке какие-то безразлично играющие роботы со снайперски точными, мощными и острыми по пассивировке мяча ударами. Любая, даже малейшая игровая неточность наказывалась незамедлительно и со всей решительностью. Стоило, например, во время перестрелки длинными ударами под самую заднюю линию одному из соперников сыграть метра на три короче, как другой незамедлительно выигрывал очко неотразимым ударом или уверенно выходил к сетке, оставляя обороняющемуся очень мало шансов на успех. Каждый из полуфиналистов в первую очередь очень уверенно чувствовал себя у задней линии.

Поэтому выходить против них и сетке без тщательной комбинационной подготовки или первых ударов, не обладающих всеми достоинствами тяжелого бронебойного снаряда, равносильно игровому самоубийству.

Однако не подумайте, что эти выдающиеся теннисисты и их «профессиональные собратья» — приверженцы игры только у задней линии. По духу своему они — «сеточники». Однако «сеточники» высшей формации. Они не бросались очертя голову, вперед на любой мяч. В игре на грунтовых кортах — они сторонники хорошо подготовленной сеточной атаки. Их игра с лета отличалась виртуозностью, особенно у П. Гонзалеса. Рассчитывать в игре с ними на легкие условия для ударов с лета практически не реально. Удары у сетки в стремительных и далеких бросках и прыжках, искусные удары с лета в очень трудной, совсем низкой точке,

удары над головой в высоких прыжках «стрелой» составляли их игровое оружие.

Нередко в действиях нападающего у сетки и обороняющегося у задней линии наступало своеобразное равновесие. Сеточник несколько раз подряд доставал самые трудные мячи, а соперник никак не мог его вывести, хотя каждый из его отдельно взятых ударов был, казалось бы, эталоном остроты и точной контратаки.

У многих есть свои хобби. Так, один из старейших французских журналистов уже много лет ведет счет наиболее ярким моментам и своей коллекцией дал примечательное название «Мгновения истории» (часть таких мгновений в его коллекции демонстрируют и фототрафариты). И вот мне довелось тогда быть очевидцем двух мгновений, которые вошли в такую коллекцию.

...Матч королей сеточной игры П. Гонзалеса и Р. Эмерсона вызвал особый интерес. Еще был Предстоял их поединок в турнире «Большого шлема». Гонзалес слыл тогда первым сеточником среди профессионалов, Эмерсон — среди только что покинутых им любителей. Кто окажется сильнее? Ответа на этот вопрос ждали многочисленные любители тенниса. Первые две партии не дали преимуществ ни одному из соперников. Каждый с большим счетом выиграл по партии. А вот в третьей партии явно казалось, что чаша весов склоняется в сторону австралийца. Сетбол в его пользу был убедительным тому подтверждением. Но стоило завершиться розыгрышу этого судьбоносного очка, как стадион взорвался овациями. Как только «летающий Панчо» ни пытался успокоить зрителей — и кланялся, и поднимал в трогательной позе руки вверх — ничего не помогало. Зрители продолжали овацию.

А что же, собственно говоря, произошло в этот, казалось бы, роковой для американца момент? Быстро, но какой-то удивительно мягкой, кошачьей походкой устремился Гонзалес к сетке. Вот застыл на мгновение в позе хищника, готового броситься на свою жертву. Орлиным взором спортсмен словно впился в соперника, готовящегося к явно контратакующей обводке. Разнообразно Гонзалес без такой позы «наивысшей боевой готовности», занимаемой мгновенно после каждого из своих последующих фантастических ударов, совершить, как писала одна из газет, «акробатическое чудо!»

Трижды Эмерсон пытался острыми ударами в разные стороны вывести американца. Но увыл! Каждый раз мячу преграждал путь искуснейший удар с лёта «в прыжке пантеры». Третий из таких ударов оказался «смертельным» для австралийца — мяч лег вне его досягаемости очень косо и коротко. Эти «шоковые» для Эмерсона удары фактически и решили исход третьей партии. Гонзалес сначала выравнивал положение, а затем закрепил преимущество серией неотразимых подач.

Однако австралиец и не думал складывать оружие. Медленно, но верно вновь возрастало преимущество в четвертой партии. Блестящими выходами к сетке он набирал очко за очком. Казалось, все теперь решится в пятой партии. Тем более что австралиец оставалось только поставить победоносную точку, — сетбол в его пользу при счете 5:3 свидетельствовал о реальной на то возможности.

На этот раз судьбоносный сетбол выглядел еще более впечатляющим. Оба соперника сошлись у сетки. Казалось, что косой удар с лета австралийца явно недостижим — мяч уходил совсем в сторону, летел чуть ли не параллельно сетке. И вдруг в самый последний момент акробатический прыжок «стрелой» в сторону позволил американцу достать и «убить» труднейший мяч. «Убить» и... рухнуть на судью у сетки. На этот раз сетбол стал началом рокового конца для австралийца. Его преимущество таяло на глазах, и четвертая, последняя, партия осталась за соперником. Лучший сеточник профессионального спорта торжествовал победу!

Как сложится его полуфинальный матч с сильнейшим в мире универсалом Родом Лейвером? Этот вопрос широко дебатировался на пресс-конференции, где выступали не только журналисты, но и видные специалисты из разных стран. На этом «форуме прогнозов» большинство отдало пальму первенства австралийцу. Длительные около четырех часов поединок подтвердил прогнозы. Если рассматривать соотношение сил по главным элементам игры, то оно выглядело следующим образом. Гонзалес явно превосходил соперника в подаче и действиях у сетки. Однако у Лейвера на калибр выше оказалась игра с задней линии (особенно обводка) и прием подачи. В итоге трудная победа в конце концов досталась «универсальному снайперу».

Как завороженные наблюдали мы

за финальным поединком. Он оставил в памяти незабываемое впечатление. «Матч играют ракеткой, но выигрывают головой» — это широко распространенное во всем теннисном мире изречение словно витало тогда над центральным кортом, неустанно напоминая о себе соревнующимся. Чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов назвал теннис «шахматами в движении». Я и сейчас не помню матча, который так выразительно носил столь шахматный, тонко комбинационный характер. В арсенале финалистов не было сверхмощных ударов. Однако практически каждый розыгрыш очка походил на цепь умных шахматных ходов с конечной целью — поставить сопернику мат. Специалисты тогда отдавали Розуолу пальму первенства за лучшую работу ног и назвали его передвижения у задней линии «челюстными». Действительно, складывалось впечатление, что он, словно челнок, очень быстро передвигается из стороны в сторону и с удивительной легкостью доставает самые трудные мячи. Помогала Розуолу при этом прямая очень свободная «игровая осанка», дающая возможность сохранять при ударах сбалансированное, хорошо контролируемое положение.

Когда сражались короли сеточной игры, стадион довольно часто взрывался аплодисментами. В финальном матче «взрывы» были редкими. Зато «средние волны аплодисментов» накатывались с поразительной ритмичностью, так как почти каждый розыгрыш очка венчал оригинальное, творческое тактическое «произведение». Спор между двумя выдающимися австралийскими теннисистами закончился на этот раз в пользу Розуола.

После финального матча мы с Э. Крее довольно долго делились своими впечатлениями. И когда разговор зашел о том, какой же из их ударов произвел наибольшее впечатление, мы, будто бы по команде, произнесли один и тот же два слова — «укороченный» и «свеча». Эти удары покорили нас поразительной точностью, совершенно неожиданным применением и очень тонкими, искусными движениями, замаскированными под привычный для каждого теннисиста удар справа или слева.

Мы возвращались с чемпионата вместе с группой наших тренеров, которые выезжали во Францию специально для просмотра игр. Споры относительно перспективных тактических ориентиров было хоть отбавляй. Но в главном

царил единодушие: нашим теннисистам необходимо овладеть передовой техникой и тактикой, научиться противостоять разнообразной игре сильнейших соперников, быстро приспосабливаться к специфическим действиям на площадках с различными покрытиями, гибко варьировать тактику в зависимости от игровых условий и действий соперников.

Наш курс на активизацию игры явно требовал корректировки. Мы увлеклись сеточным нападением и мало внимания уделяли игре с задней линии. Просмотр в предшествующие годы первых чемпионатов на медленных грунтовых кортах, где явно господствовали сеточники-любители, в известной мере нас дезориентировал. Теперь, когда перед глазами впервые предстал весь цвет профессионального тенниса, становилось ясно: активизацию тактики необходимо осуществлять как бы широким фронтом, активизировать все элементы игры.

Такой вывод подтверждало и последующее знакомство с мастерством профессионалов в соревнованиях на быстрых травяных площадках Англии. Там их тактика была уже иной. Доминировало быстрое нападение — выходы к сетке сразу после подачи. Розыгрыш очка был поразительно скоротечен.

Иными тактическими ориентирами отличалась и игра Лейвера на английских площадках. В тот и последующий годы он стал победителем Уимблдона. На травяных кортах он превращался в сеточника, но одновременно не терял достоинства универсала. В открытом чемпионате Франции следующего года он в финале взял реванш у Розуола. Примечательна спортивная судьба Розуола. Он не скрывал своей мечты: завоевать золотую корону Уимблдона. Но увыл — только доходил до финалов! В решающих поединках каждый раз уступал соперникам с лучшей подачей и игрой с лета.

В жизни, говорят, все течет и изменяется. Не составляет исключения в этом отношении и спорт, в том числе и теннис. Пожалуй, бег времени в спорте даже быстрее, чем во многих других сферах человеческой деятельности.

В 1989 году мне вновь представилась возможность стать очевидцем сражений открытого чемпионата Франции. Мысли о предстоящей поездке будили воспоминания о событиях, связанных с первым пребыванием на этом чемпионате.

Вспоминалась первая пресс-конференция в Париже, где в центре внимания оказалась советская делегация.

— Ваша сокровенная мечта? — так, помнится, прозвучал первый адресованный мне вопрос. Его, признаться, я не раз задавал самому себе. Ответ на него я уже давно словно носил в себе: — Хочу дожить до того дня, когда кто-либо из советских теннисистов станет победителем «грунтового» или «травяного» чемпионата мира.

— И как скоро, вы предполагаете, такой день придет? — тут же последовал второй вопрос, прозвучавший, как мне показалось, не без некоторой иронии.

Мой ответ явно не удовлетворил аудиторию:

— Не знаю, пока наши теннисисты в мировом теннисе зеленые новички, а о дальнейшем не будем загадывать... Эти два вопроса с какой-то особой остротой врезались в память. И не раз в момент раздумий о судьбах нашего тенниса задавал я их самому себе.

Путь ко «дню мечты» напоминал тяжелое восхождение по ступенькам длинной лестницы с промежуточными, как принято говорить у велосипедистов, финишами. Правда, первая радость наступила быстро — уже через два года Владимир Коротков стал победителем среди юношей и в открытом чемпионате Франции и в Уимблдоне. Это и был первый промежуточный финиш. Чтобы достигнуть второго финиша, потребовались около десяти лет — Ольга Морозова вместе с американкой Крис Эверт в 1972 году стали сильнейшей парой на парижских кортах.

— Первая победа «смешанной» советско-американской пары — это, конечно, большое событие, — писал тот самый французский журналист, который когда-то задавал мне известные читателю вопросы. Эту победу он назвал международной. Его статья о советском теннисе в журнале «Теннис де Франс» заканчивалась так: «Теперь будем ждать, когда самой вершины достигнет сто-процентная советская пара или кто-либо из советских игроков станет обладателем главного приза за победу в одиночных соревнованиях».

Сколько же долгих-долгих лет ожиданий прошло после опубликования той статьи.

...Не иначе, это злой рок! Раньше с матчей проигрывали Ольга Морозова с Александром Метревелем в Уимблдоне, а теперь вновь он пре-

следует там же Ларису Савченко и Наталью Звереву.

...Когда Штеффи Граф и Габриэла Сабатини решили объединиться в паре, пресса в один голос утверждала: теперь на многие годы должна воцариться «немецко-аргентинская монополия», так как достойных соперников этим звездам, кроме, пожалуй, представительниц США — Мартини Наартиловой с Пэм Шравер, практически нет. И уже первые результаты на кортах мира подтвердили пророчество. Спортсменки уверенно заняли лидирующее положение в парных соревнованиях. Но вот в финале Уимблдона 1988 года, казалось, их победоносное шествие натолкнулось на непреодолимую преграду. До жестокого поражения оставалось буквально мгновение. Предвестниками их падения стали два матча-бола в пользу Савченко и Зверевой.

Ольга Морозова рассказывала: — Я не припомню такого напряженного и захватывающего парного матча. Когда в решающей партии наши девушки наконец вышли вперед, и счет стал 11:10: при подаче Зверевой в моем сознании мелькнул луч надежды. Но увы! Решающие два очка мы обидно упустили. А счастье было так близко, так возможно!...

...Прошел год, и вот опять прежние соперницы встретились в финале. На этот раз в решающем матче открытого чемпионата Франции 1989 года.

...Сижу под самой судейской вышкой центрального корта, а ложе для тех, кто с помощью фотоаппаратов фиксирует теннисную историю. На этот раз женский парный финал действительно можно уверенно назвать историческим. Впервые в заключительном матче — советская пара. «Реванш маловероятен!» — утверждает одна из центральных газет Франции, вспоминая прошлогодние роковые матчи на уимблдонских кортах...

Смотрю на наших девушек через объектив фотоаппарата и стараюсь запечатлеть на пленку наиболее динамичные моменты их игры. Время от времени настраиваю объектив на предельно укрупненное изображение, и тогда мне видится, словно через огромное увеличительное стекло, в основном лицо одной из наших финалисток. Мельчайшие черточки... По нему так и читается величайшая сосредоточенность, воля, напряженное биение мысли. Невольно всплыло в памяти лицо двенадцатилетней Наташи во время ее первого

выхода в большой свет на кортах старинной столицы Франции — Блуа, где проходил чемпионат Европы среди подростков. Тогда я тоже наблюдал за ней через объектив фотоаппарата. Тогда ее лицо сразу выдавало всем на обозрение малейшие переживания. Стоило, к примеру, проиграть важное очко, как на лице сразу читалась горькая обида. Теперь же лицо Наташи было невозмутимым, непроницаемым. Создавалось впечатление, что на площадке — математик, решающий сложные задачи. Всем своим видом Наташа словно подтверждала убедительность прозвища — «теннисистки-интеллектуала», которое прочно закрепилось за ней в мировой теннисной прессе.

Матч — вдохновение! Матч — взлет игровой фантазии! Матч — бескомпромиссной борьбы за инициативу! Матч — теснейшей единения партнеров! — вот, пожалуй, самые подходящие слова для характеристики игры наших финалисток. А их тактика? Она может служить наглядным пособием для наших молодых теннисисток. «Смотрите, запомните и не бойтесь им подражать», — я бы сказал тем, кто решил связать свою судьбу с большим теннисом. Острые сеточные атаки, нападающие подачи с выходом на передние позиции, мощный контратакующий прием подачи, тонкие, «кружевные» по тактическому замыслу и исполнению обводящие удары, особенно крученые свечи, — все эти элементы передовой мужской тактики составили главное игровое оружие наших девушек.

А соперницы! Они бросились в бой не только с жаждой победы и уверенностью в ее достижении, но и с той же самой мужской нападающей тактикой. Словом, как говорится, коса нашла на камень. В поединках у сетки силы соперниц, пожалуй, были равные, а вот в приеме подачи преимущество наших девушек становилось все более и более ощутимым. Да и защищались они у задней линии искуснее, хитрее и к тому же еще шире использовали фактор неожиданности — сильные низкие удары искусно сочетали с неожиданными коварными обводящими кручеными свечами. И что очень важно: именно в решающие моменты сражения на этот раз наши девушки оказались крепче — не допускали обидных ошибок — подарков соперницам, которые, чего греха таить, в кульминационных моментах самых больших матчей отнимали у них,

казалось бы, совсем близкую победу. Таким моментов в матче было два — при счете 4:4 в первом и втором сетках. В эти моменты предельно хрупкого равновесия «игровых весов» все зависело в первую очередь от возможности отвоевать гейм на подаче соперниц. И возможность стала, к счастью, реальной действительностью! И Зверева и Савченко в каждом из решающих геймов выиграли ключевые очки блестящими контратакующими ударами по восходящему мячу в ответ на сильную подачу соперницы. Победа с общим счетом 6:4, 6:4 как раз и свидетельствует: чемпионкам СССР удалось отнять у соперниц преобладающие подающих и сохранить его.

На пресс-конференции Штеффи Граф отдала должное нашим девушкам: — Так играть можно лишь один раз в жизни!..

Когда победительницы пожимали руки побежденным, во мне так и звучало: наконец-то свершилось долгожданное!

Впервые советская пара вышла на первое место в «грунтовом чемпионате мира»!

После матча ко мне подошел горбленый старичок. Где же я его видел! — сразу мелькнула у меня мысль.

— Не узнаете! — спросил он и бросил на меня испытующий взгляд. — Поздравляю, ваша мечта сбылась! — словно напоминая мне о прошлом, воскликнул он после длительной паузы.

И только тогда я вспомнил: да это же тот самый журналист, что задавал мне вопросы во время нашей первой пресс-конференции во Франции. Неужели же после нашего первого знакомства уже прошло около двадцати пяти лет! Даже не верится! Сколько же понадобилось времени, чтобы мечта, не только моя, но, я уверен, и всех наших любителей тенниса, стала явью!

— Теперь я желаю вашим теннисистам побед в одиночных играх! — заметил, прощаясь, мой давний знакомый.

А ведь могло же случиться и такое: и Андрей Чесноков мог стать победителем чемпионата. Во всяком случае, когда он вышел в полуфинал после победы над чемпионом мира, прошлогодним победителем французского чемпионата Матсом Виландером, многие авторитеты называли Андрея Чеснокова одним из главных претендентов на золотую корону. Читатель сразу может возразить. Москвичу удалось ведь дей-

ти только до полуфинала. О какой же золотой победе может идти тогда речь? Скорее — это попытка выдать желаемое за действительное! Убежден, что нет. Возможность его победы подтверждают и ход полуфинального матча с американцем Майклом Чангом, да и предшествующие напряженнейшие сражения.

Первым строгим испытанием на прочность стал для Чеснокова матч со шведом Йонасом Свенссоном. Этот спортсмен — один из главных преемников Бьёрна Борга. Мировые авторитеты считают: тот, кто одержал над ним победу, далеко пойдет. В чемпионате предшествующего года швед преградил путь самому Ивану Лендлу. И вот на этот раз во втором круге чемпионата у Андрея Чеснокова встреча именно с ним. Первый сет — за «стоящими насмерть шведам». Действует он как машина. На площадке нет, пожалуй, места, откуда он не поражает соперника меткими выстрелами самого крупного калибра. Ощущение такое, что у игрока практически нет слабых мест.

...Около судейской вышки во втором ряду трибуны — Уникальная женщина. Не удивляйтесь такому прозвищу. Оно в мировом теннисе прочно закрепилось за Татьяной Наумко — личным тренером Андрея. В чем же суть ее уникальности? Судите сами: в мировом теннисе нет такого прецедента, чтобы у представителя сильного пола тренером оказался... представительница пола слабого. Вот и на этот раз она «играет» вместе с Андреем. «Играет» с помощью лаконичных, еле слышных советов, которые ловит спортсмен в моменты, когда, закрывшись полотенцем, сидит в кресле под судейской вышкой, в моменты коротких перерывов для отдыха при смене сторон.

Смотрю на обоих через объектив фотоаппарата, приближающего и укрупняющего объект поиска. Кажется, что Андрей на короткое мгновение отрешился от окружающего и пытается дать отдых напряженному биению мысли.

Ох, как это обманчиво! В действительности и в этот момент он — живое воплощение напряженного внимания и старается поймать еле-еле слышимые короткие слова-напутствия своего тренера. А она в это время может показаться с первого взгляда безразлична к происходящему. Тихий, с улыбкой, спокойный разговор с соседом и только! Но именно обрывки этого разговора

и старается незаметно поймать Андрей. Оба они — и он, и его тренер — своего рода артисты. Связь между ними во время матча под запретом правил крупнейших международных турниров. Поэтому приходится решаться на уловки. К ним, кстати, прибегают и другие «сыгранные дуэты», многие из которых имеют свою особую «сигнализацию». Бориса Беккера на пресс-конференции тотчас после его первого триумфа в Уимблдоне журналист спросил: прибегаете ли вы к помощи тренера во время матчей?

— Конечно, мы понимаем друг друга без слов на расстоянии, время от времени я ловлю его многозначительный взгляд и тут же расшифровываю.

Что же говорила Уникальная женщина своему соседу, когда Андрей проиграл шведу первую партию? Тот, кто располагал бы подслушивающим устройством, мог бы уловить такие слова: Пласируй мяч острее, чаще сочедай мощные длинные удары с мощными косыми!

И я просто не припомню в других соревнованиях столь острой по пласирувке мяча игры, какая началась со второго сета. Игровой темп оказался взвинченным до предела. И это несмотря на то, что соперники лишь эпизодически предпринимали выходы к сетке. Шахматист, который наблюдал бы за этим поединком, уверенно мог воскликнуть: эта же игра в острейшем цейтноте, где каждый из соперников все время сам стремится создать матовую ситуацию.

Во второй партии Андрей допустил только четыре ошибки и двадцать два очка (при общем счете 6:1 в пользу Чеснокова) выиграл в острой комбинационной игре, когда противнику не удавалось даже коснуться мяча, чтобы попытаться отразить атаку. Разве это не убедительные факты, характеризующие активность и стабильность игры спортсмена! Под девизом «так держать!» завершился этот и прошли следующие победные матчи Андрея. И хотя каждый из них походил на неповторимое творческое произведение, все же во всех словно слышались напутственные слова Уникальной женщины.

Об одном из соперников москвича хочу рассказать особо. Он — автор подлинной сенсации. Именно он низверг американца Андре Агасси, «посвященного» под № 5 в игровой сетке. Речь идет об семнадцатилетнем амери-

канце Джиме Курниере. Ему уже дали в печати прозвище — ураганный игрок. Ураганный темп он создает с помощью небывалых по силе круčných ударов справа и слева. Да и технику их выполнения тоже можно назвать не иначе, как «небывалой». При сильных ударах обычно используют большой замах, чтобы затем в процессе ударного движения обеспечить необходимый стремительный разгон ракетки. Американец идет совсем по другому пути. Замах у Курниера карликовый. Но зато ударное движение очень резкое, рывковое и осуществляется с обеих сторон двумя руками. Создается впечатление, что он уже в момент его начала словно взрывается, как бы бросая себя на встречу подлетающему мячу.

На пресс-конференции, после того как американец буквально разгромил неудержимым натиском Андре Агасси, он сказал: «Моя стихия — быть неукатулирующим игроком и действовать на наивысших пределах, предела силы ударов, предела остроты пласирувки мяча, предела быстроты ответов, берущей свое начало со стремления играть по поднимающемуся мячу». Подобного рода устремления, прямо скажем, не лишены привлекательности. Не мешало бы и нашим теннисистам над ними хорошенько призадуматься. Глядишь, и возникнет желание активизировать свою игру.

Как действовать Андрею против такого необычного соперника? Здесь нужна своя стратегия и тактика. Раскрою с разрешения спортсмена тайны. Тем более что они, я уверен, поучительны для широкого круга теннисистов. Рассчитывать на быструю победу не реально, и поэтому в своих планах нужно исходить из перспективы очень напряженной и продолжительной борьбы — таким был исходный пункт предматчевой рассуждений спортсмена. А раз так, то нужно постараться, как считал москвич, измотать соперника продолжительным комбинационным розыгрышем очка, тем более что в подавляющее большинство ударов он вкладывает максимум силы — и, глядишь, их запас может и поистощиться. В таких условиях важно держать «длину» — «класть» мячи к задней линии, а короткие косые удары использовать только в ситуациях, когда есть реальные возможности незамедлительно выиграть очко. Что касается ураганного игрового темпа, предлагаемого соперником, то его важно принять стойко, как нечто само собой

разумеющееся, и одновременно показать — сильными ударами меня не забьешь. Должен же наступить в матче момент, когда соперник, уперевшись в непробиваемый щит, измотанный чувствительными неожиданными уколами, начнет чаще обычного ошибаться. Вот тогда-то скорее всего и окажется выгодным обострить пласирувку мяча, периодически атаковать и у сетки.

...Смотрю на огромное демонстрационное электронное табло, что установлено на первом корте с огромными трибунами. Там кроме счета в матче бегут еще и цифры, показывающие его продолжительность. Позади уже четыре часа жесточайшей борьбы. А исход все еще далеко не ясен! В решающей, пятой партии счет равный — 5:5. Американец, словно коршун, бросается на каждый мяч и старается «стереть» с площадки сильнейшим ударом.

И все же что-то в нем дрогнуло, надломилось — он уже далеко не тот, что был в первых двух партиях. Стоит закончиться длительному, напряженному розыгрышу очка, как он словно берет, выражаясь баскетбольным термином, тайм-аут. Дыхание явно «отжеледело», походка при смене стороны, да и в коротких промежутках между розыгрышами очка, явно замедлилась. Охотник сказал бы: зверь ранен, но до предела ожесточился и стал еще опаснее! И словно в подтверждение такому заключению соперник на подаче Чеснокова трижды сильнейшими ударами «убил мяч». В такой ситуации 0:40 — самый тревожный для подающего, предупреждающий об опасности звонок. Смотрю с тревогой на Андрея и сверлит сознание обидная мысль: неужели же упустит победу в ситуации, когда после проигрыша первых двух партий, ему наконец удалось не только одержать соперника, но и самому поднять силовый калибр и остроту своих ударов до не меньшего, пожалуй, уровня. Просто не верилось, что Андрей способен на столь острую, силовую игру. Создавалось впечатление, что он поставил дерзкую сверхзадачу — превзойти соперника в «скоростности» ударов. Два последних гейма после того угрожающего счета прошли во взаимных острейших атаках. Только Андрей выглядел снайпером, а соперник — «волшебным стрелком» — блестящие удары у него перемежались с явными промахами. Казалось, весь предшествующий ход поединка словно вел к тому десятиминут-

ному кульминационному моменту, когда у соперника наконец начались срывы, и он уже был не в силах скрыть свою усталость.

Ну и стратег же Андрей! — скажет иной читатель, вспомнив его задумки перед матчем. Другие могут тут же возразить. Уж очень сомнительно такое долгосрочное стратегическое планирование на грани риска! Ведь не миновать было Андрею поражения, упусти он один-два ключевых очка на финише пятой партии (при счете 5:5 семь раз было «меньше» на подаче москвича). И все же я хочу поддержать точку зрения первых. Расчет на то, что в очень продолжительной борьбе соперник в конце концов утомится и потеряет точность, явно оправдался!

2:6, 3:6, 7:6, 6:2, 7:5 — таков окончательный счет в пользу Андрея в этом марафонском матче.

Андрею не повезло с жеребьевкой — уже в восьмерке матч с Матсом Виландером, чемпионом мира и победителем французского чемпионата предшествующего года — общепризнанным мастером на мягких грунтовых площадках — говорили поклонники нашего спортсмена после его победы над Д. Куриером. Однако некоторые вспоминали, что два года назад в том же открытом чемпионате Франции главной сенсацией оказалась победа Андрея над тем же Виландером.

Как сложится их матч на этот раз? Андрей сразу же бросил сопернику дерзкий вызов. Атака следовала за атакой. Инициатива, стремительный темп оказались союзниками москвича. Счет медленно, но верно рос в его пользу. Вот уже две партии остались за Андреем. Да еще вторая с «сухим» счетом 6:0. Особое удовлетворение доставляла тактика спортсмена. Андрей из привычного контратакующего с задней линии превратился в нападающего универсала, использующего малейшую возможность для атаки. И это в игре с соперником, слывшим грозой самых лучших сетчиков! Вот бы так действовать всегда! Атаку ударами по отскочившему мячу сочетать с нападением у сетки! В этом матче Андрей явно превзошел самого себя. Он как бы говорил поклонникам своего таланта: у меня в запасе еще немало потенциальных возможностей!

В третьей партии швед стремился достигнуть перелома, овладеть инициативой. Но Андрей уверенно продолжал нападать и даже убыстрял, каза-

лось, и так наивысший темп игры.

— Я не ожидал и не припоминая за последние годы столь жестокого поражения, — говорил швед журналистам после матча. — Прогреть подряд три партии, да одну еще со счетом 6:0 — за мной такого не водилось. Тем более что парижские корты больше всего подходят для моей привычной тактики.

— Противнику надо отдать должное: он действовал на редкость уверенно, точно и активно!

Итак, впервые среди полуфиналистов в одиночном мужском разряде соревнований одного из турниров «большого шлема» вновь появился представитель советского тенниса — достойный преемник А. Метревели.

...Американский город Орlando в южном штате Флорида. В одном из его пригородов — знаменитый «Диснейленд» — огромный комплекс аттракционов, увеселительных и выставочных заведений, царство героев диснеевских сказок. «Диснейленд» привлекает полномиллионов со всего мира. Работает он без выходных круглый год, имеет свои «города-спутники». Один из них «Страна обитания» — гостиничный городок, раскинувшийся на десятки километров, с комфортабельными отелями, оборудованными по последнему слову бытовой техники. В этом царстве свои, как значится в рекламном проспекте, жилые островки, каждый из которых имеет национальный колорит. Здесь, к примеру, отели в типично американском конструктивистском стиле и с японской и южно-азиатской экзотикой, и отели так называемой старой Англии. Каждый из таких островков — это особый мир со своими традициями, индустрией развлечений.

Но есть одно, что их объединяет, поднимается над многочисленными регионально-национальными особенностями. Это возведение по последнему слову строительной техники «уголки наслаждения теннисом», как они названы в рекламном проспекте. Здесь многочисленные площадки из пластика самых различных цветов, плавательные бассейны, «рашен сауны» — русские бани и залы культуризма (как говорят у нас — залы атлетической гимнастики). «Уголки» — это подданные Центрального теннисного клуба, что базируется в самом центре «Мира Диснея» у центральной станции монорельсовой дороги.

И вот в этом неповторимом «Мире

Диснея» мне довелось оказаться вместе с Андреем Черкасовым в 1984 году. Тогда там проходил чемпионат мира среди подростков. Участвовали в нем самые-самые избранные — только те, кто удостоился войти в финал региональных чемпионатов Европы, Америки, Канады, Южной Америки, Ближнего и Среднего Востока, Азии и Океании, Австралии. И в числе представителей из 45 стран — наш Андрей Черкасов — финалист чемпионата Европы в возрастной категории ребят 13—14 лет.

Летели мы через океан в далекую Америку, восемнадцать часов в пути по сложнейшему маршруту: Москва — через Северный полюс до Канады — оттуда бросок на юг — сначала до Нью-Йорка, а затем наконец во Флориду — самый южный американский штат. И после такого марафонского путешествия — сразу в бой, как говорится, с корабля на бал (предстояло прилететь поздно вечером, а на следующий день уже утром выйти на матч). Без всякой акклиматизации, опробования новых пластиковых площадок, которых у нас нет и в помине.

Читатель спросит: неужели же нельзя было прибыть заранее, как это сделали другие участники чемпионата? Куда там! Кто осмелится превысить такую пресловутую плановую величину, как «человеко-дни-выезды». Урезал руководящий чиновник в плане сроки пребывания за рубежом двух человек до 8 дней — и точка (хотя соревнования длятся неделю). План, мол, утвержден «инстанцией», поэтому по одежке и следует протягивать ножки. Что же это за неведомая во всем цивилизованном мире величина «человеко-дни-выезды»? Поясню на примере. Допустим, для тенниса по множеству руководящей выделено сто «человеко-дней-выездов». Как же их реально использовать? Здесь в силу вступает своего рода мнимая демократия. Хотите, к примеру, послать на международные соревнования пятьдесят человек на два дня, двадцать пять на четыре, десять на десять — пожалуйста! Только не превышайте лимит «человеко-дней», который исчисляется «перемножением» числа людей на количество дней их пребывания за рубежом.

Теперь, спустя годы, с особой остротой переживаешь за Андрея Черкасова, который был тогда в хорошей спортивной форме и должен был выступать в чемпионате мира (именно в чемпионате мира, а не в каком-нибудь мел-

масштабном турнире) практически без всякой акклиматизации, приспособительной тренировки в новых условиях. И сейчас, когда вспоминаешь чуть ли не кругосветный тяжелый перелет, бессонную ночь перед бовом и тут же короткую тренировку в шесть часов утра, становится не по себе. И все же уфимцу каких-нибудь несколько очков не хватило для победы над второй юной ракеткой США. Превиджу, что читатель уже в недоумении. Зачем это автору понадобился такой далекий экскурс? Я просто хотел «защепиться» за одну, уверен, очень важную для развития нашего тенниса тему — раннего выхода перспективных теннисистов на международную арену.

Вернемся к открытому чемпионату Франции 1989 года, названному в прессе турниром небывалых сенсаций. Кто же были те возмутители его спокойствия, что, как догадывается читатель, достойны исторических параллелей. Прежде всего — соперник нашего Андрея Чеснокова в полуфинале, представитель США, восемнадцатилетний Майкл Чанг, заставивший до того сложить оружие самого Ивана Лендла, и испанка Аранта Санчес — автор победы над первой ракеткой мира Штеффи Граф. Вот именно этих двух выдающихся спортсменов журналисты по достоинству оценили еще в том чемпионате мира 1984 года среди подростков, включив их в «десятку» наиболее ярких талантов. А кто еще был в этом заветном списке? И югославка Моника Селеш — трехкратная чемпионка мира и Европы среди подростков — полуфиналистка открытого чемпионата Франции, у которой Граф в полуфинале с колоссальным трудом вырвала победу в третьей, решающей партии. И тот же Куриер, уже знакомый по матчу с Чесноковым, и Агасси, которые в подростковом чемпионате мира 1984 года заняли почетное второе место в парном разряде.

Среди звезд подростковых чемпионатов блистали в разные годы и такие выдающиеся игроки, как Борис Беккер, Стефан Эдберг, Габриэла Сабатини, Кент Карлссон. Словом, выходит, что многие самые яркие звезды загорались уже тогда.

Но у сторонников систематических выступлений в международных соревнованиях представителей подросткового возраста есть и многочисленные противники, в том числе и среди видных специалистов. Они говорят примерно

так: сначала надо построить фундамент всесторонней подготовленности, дать возмужать увеличившимся теннисом ребятам и померенить с высокими психическими и физическими нагрузками, характерными для международных соревнований. Их оппоненты считают, что такой фундамент можно и необходимо начать строить как раз в преддверии подросткового возраста (особенно это касается освоения спортивной техники и воспитания таких золотых для теннисистов физических качеств, как быстрота, прыгучесть, ловкость) и как раз в условиях соревнований, когда организм подростков в психическом и физическом отношениях наиболее податлив к совершенствованию применительно к задачам спорта высших достижений.

Кто прав? Убежден, что права гражданства имеют оба пути. Многие, конечно, от возраста начала серьезных занятий теннисом. Обоснованность такого плюрализма подходов можно подтвердить хотя бы примерами из спортивных биографий наших ведущих теннисистов. Наталья Зверева и Андрей Черкасов на международной арене уже с 12 лет, тогда как Лариса Савченко и Андрей Чесноков впервые подвергались международным соревновательным испытаниям только по достижении восемнадцатилетнего возраста. И все же я думаю, что первый путь предпочтительнее. Конечно, при условии начала занятий теннисом в 5—7 лет, хорошей начальной подготовки и внимания к всесторонней физической подготовке юного дарования. Кстати, к такому мнению склоняется все больше и больше зарубежных специалистов.

Когда я смотрел на двенадцатилетнего Чанга в финальном матче чемпионата мира среди подростков, я просто удивлялся. В таком-то возрасте и такая разнообразная техника, универсальная тактика, яркий тактический интеллект. Примерно такое же впечатление складывалось от игры совсем еще маленькой, хрупкой Селеш. Она при малейшей возможности буквально забивала соперниц острыми, сильными ударами. Внешний вид «малышек», да и вся их игра были ярким воплощением неукротимого стремления к победе.

И вот Чанг вновь после примерно пятилетнего перерыва теперь уже в матче с Чесноковым. Наблюдают за ним во время разминки. Сверстники американца, что выступали в подрост-

ковых чемпионатах, значительно поприбавили в росте, обрели атлетическую осанку. А его будто бы не тронуло время. Да и техника, по первому впечатлению, осталась прежней.

Но стоило начаться поединку, как «щипленок» преобразился в «коршуна». Смотрю на него через объектив фотоаппарата. Еще лишь мгновение до удара по мячу. Впечатление такое, будто хищник готовится броситься на беззащитную жертву. И он бросается! Кажется, маленький беззащитный мячик сейчас будет «изничтожен». И он летит туда, откуда Чесноков его еле-еле отбивает. И так удар за ударом! Кажется, что американец чужд ли не в каждый удар вкладывает всю свою энергию. Андрей отбивается, контратакует, но игра соперника, его быстрота и натиск дают преимущество. Первый сет за «коршуном» — 6:1.

Смотрю на Уникальную женщину — на этот раз она в особой ложе центрального корта. Ее обладатели меняются на каждом матче. Не удивляйтесь! Ложа предназначена только для «команды» соперников, что сражаются в это время на главном ристалище. Кто же составляет главную команду! Когда играет Беккер, то там обычно восседают его тренер, мать, отец, сестра и... очередная подруга. В «команду» Монники Селеш входят обычно ее наставник, Н. Боллетьеры и мать с отцом, которые некогда были ее первыми теннисными учителями. Не составляет исключения и команда Чанга. В ней кроме родителей, брата и тренера еще и психолог-консультант, который, как отмечает пресса, обучает подопечного приемам психического самоуправления и анализу, а также прибегает и к приемам предматчевого гипноза. Словом, если сравнить теннисный матч с поединком средневековых рыцарей, то можно сказать так: в ложе всем на обозрение восседают самые приближенные тех, кто своим рыцарским искусством доставляет удовольствие многочисленным зрителям.

На этот раз Уникальная женщина не может скрыть своей тревоги и явно старается передать по тайным каналам связи свои советы. Весь ее вид, да и скорее всего и телелатентные сигналы, посылаемые Андрею, так и говорят: ход игры можно решительно переломить только более активными действиями! Необходимость изменения тактики, видимо, понял и сам Андрей. Тогда и началась игра, которая сопро-

вождалась взрывами аплодисментов восхищенных зрителей. Мощные подачи и острейшие удары с задней линии, стремительные выходы к сетке и хитрые, но низкие, то свечевые обводки, — все это бросалось в бой и той, и другой стороной. Как и в матче с Виландером, Андрей еще раз доказал реальную возможность эффективно использовать универсальную технику.

Второй сет разыгрывался, как принято говорить, мяч в мяч, никто из соперников не хотел уступить. И все же концовка сета прошла под преимуществом беспрерывно атакующего Андрея. Счет 7:5 в его пользу — убедительное подтверждение и долгого шаткого равновесия сил, и эффективности такой концовки. И в дальнейшем происходила острейшая борьба равных. Но... Не могу без горечи вспомнить то, что происходило дальше. О причинах своего поражения самокритично рассказал сам Андрей на традиционной пресс-конференции, что проводится сразу после окончания большого матча.

— В решающие моменты третьей партии и четвертой, особенно когда во второй было пять сетболов в мою пользу, я отдавал инициативу сопернику и фактически ждал ошибки с его стороны. За это в итоге жестоко и поплатился.

Неужели же спортсмен не понимал грозившей ему опасности? Как он сам потом рассказывал, именно ее ощущение и вызвало психологическое раздвоение, оказавшееся неподалестным ему именно в том матче.

— Во мне поселилось два Андрея. Один Андрей говорил: смело иди на обострение, ты же в предшествующих матчах добил соперников именно мощными ударами. Зачем рисковать в такой решающий момент, и соперник же не каменный — он наверняка волнуется, понимает важность момента и, глядишь, ошибется — предупреждал второй Андрей. Второй Андрей победил, а я проиграл!

Что же тогда получается? — спросит читатель. — В одном матче один и тот же спортсмен — образец активности, тактической рациональности, психологической устойчивости, в другом его словно подменяют, и в решающие моменты эти золотые достоинства вдруг таят? Не удивляйтесь, психология игры — тончайшая ювелирная область пока еще изученная мало, и рычаги самоуправления даже самых выдающихся спортсменов в условиях длительной

и очень напряженной спортивной борьбы еще недостаточно освоены.

Вот два примера из того же открытого чемпионата Франции. Матч «железного» Лендла с Чангом длился, по данным судейской коллегии, четыре часа тридцать семь минут, и каждый игрок за это время пробежал примерно 28 километров. В кульминационный момент пятой партии казалось, что Лендл вот-вот уверенно выйдет на финишную прямую — его-то уж нервы обычно не подводят! Но увы! Нельзя было смотреть на него без сожаления, когда он начал словно плыть по течению, уступая инициативу напористому американцу. Неужели же он не понимал пагубности своей тактики? Конечно понимал, и все же ум оказался с сердцем не в ладу.

Рекорд продолжительности игры на площадках Франции остался за матчем Беккера с аргентинцем Гильермо Перес-Ролданом. Четыре часа сорок минут выясняли спортсмены между собой отношения. И лишь в пятой, решающей партии при счете 5:5 кто-то словно подкошил. Два последних гейма Беккер непрерывно и уверенно нападал, а его неожиданно снившийся соперник не только своей пассивной игрой, но и «опущенным» видом словно говорил — силы иссякли и надежда на победу испарилась!

Выход Чанга в финал после победы сначала над Лендлом, а затем над Чесноковым иначе как сенсацией не называли. И уж конечно мало кто верил, что ему удастся одолеть в ключевом поединке шведа Эдберга. И первые два сета швед действительно явно доминировал. Острое сеточное нападение победителя Уимблдона предшествующего года, казалось, не оставляло никаких шансов на победу искусно обороняющемуся и временами переходившему в наступление американцу. Но начиная с третьего сета такое нападение начало все больше и больше давать трещины. Швед продолжал рваться к сетке, но Чанг все чаще и чаще обводил его или собирал урожай с довольно простых острых. В пятой, решающей партии американец был уже фактически хозяином положения...

Мировой теннис сделал еще один шаг вперед в сторону усиления ударов с задней линии и повышения остроты плавировки мяча — с этой мыслью я покидал в тот год страну теннисных «мушкетеров».

Проблемы...

Шамиль
Тарпищев,

заслуженный тренер
СССР

Трудный путь из прошлого в будущее

1. Вчера

Позвонил давний приятель, любитель тенниса, крупный инженер.

В голосе — волнение, радость:

— Шамиль, дорогой, поздравляю! Был вчера на предварительном турнире, знаешь, не меньше трех-четыре тысяч зрителей. Ай да «Вирджиния Слимз»! Представляю, что будет твориться через год, на мужском турнире, если там призовой фонд в три с половиной раза больше! Какие звезды съедутся! Значит, и у нас народ любит теннис. Значит, и нам по силам проводить такие турниры. Глядишь, и Лендла или Беккера в Москве увидим!.. И о Федерации слышал. Поздравляю!..

Обычный в те дни звонок.

Лед наконец-то тронулся.

Последние шестнадцать лет, т. е. большую часть своей самостоятельной творческой (простите за нескромность) жизни, я связан со сборными командами страны по теннису. Если же к этому добавить, что и до этого я жил в теннисе, играл едва ли не полтора десятка лет, участвовал и в крупнейших соревнованиях в стране и в международных турнирах, то читатель, видимо, поверит, что я знаю теннис не только с парадной его стороны. Знаком хорошо и с буднями ежедневных тренировок, и с тем, что сопутствует игре, ее развитию, ее, увы, борьбе за выживание и существование.

Хочу припомнить некоторые страницы нашей истории, чтобы поклонникам игры, читателям стало ясно, какой путь прошел отечественный теннис (на полноту картины я ни в

каком случае не претендую) и что ждет его в будущем.

Официально в Госкомспорте СССР (тогда Спорткомитете СССР) я начал работать 21 января 1974 года. Гостренером в то время был Владимир Алексеевич Голенко. Несмотря на некоторые успехи советского тенниса к тому времени и титанические усилия наших предшественников, ситуация в целом не представлялась слишком оптимистической, если смотреть на нее с позиций международного спорта. Теннис тогда был сугубо домашним нашим делом: основная масса спортсменов варилась в собственном соку и играла только во внутренних соревнованиях. Возможность выезда имели пять-шесть человек, однако и они участвовали лишь в ограниченном круге международных соревнований.

Разумеется, найти этому объяснение нетрудно. Теннис в те времена не был нужен спортивному руководству, ибо не входил в программу олимпийских игр, а стало быть, за неудачи в нем никто не спрашивал. Естественно, что при нашей извечной нехватке средств денег на развитие всех видов спорта не хватало: приходилось выбирать, и отношение к теннису, который не сулил олимпийских наград, было, прямо скажем, прохладным.

Сложностей и проблем возникало множество, а воспитание игроков высокого класса ложилось на плечи узкого круга специалистов. Благодаря их усилиям, ведущие игроки страны Ольга Морозова, Александр Метревели, Марина Крошина, Елена Гранатурова, Теймураз Какулия, Анатолий Волков, Владимир Коротков продолжали успешно выступать и в

международных соревнованиях, показывая достаточно высокие результаты. Однако относительно профессионально можно было работать лишь с единицами.

Появились неплохие резервы, но все же теннис оставался видом спорта камерным, доступным лишь небольшому числу любителей.

Особой перспективы в достижении высоких результатов в турнирах, скажем, «Большого шлема» никто не видел.

В то время как мировой теннис менялся кардинально, увеличивалась сеть турниров, нарастала стремительно популярность тенниса и так называемого большого, и массового, мы по-прежнему вели, в сущности, борьбу за существование. Наши усилия приводили только к тому, что нам удавалось лишь притормаживать падение.

Все условия работы, как и самая структура Спорткомитета СССР, не позволяли работать так, чтобы опережать события.

Явно ощущалась, в частности, нехватка штатных работников. Не было тренеров молодежных сборных команд, не было врачей и массажистов. Более того, все руководство мужским и женским теннисом легло на плечи одних и тех же людей. Я был назначен старшим тренером двух сборных команд страны — и женской, и мужской, а что бы там ни говорилось, теннис у них все-таки разный, и учить женщин так же, как мужчин, было бы слишком смело. Тем более что в это время мужской и женский теннис начали все дальше отходить друг от друга.

Не было, что, впрочем, в тех условиях не казалось удивительным, и начальника сборных, т. е. человека, который обеспечивал бы весь тренировочный процесс — аренду кортов и размещение спортсменов в гостиницах, билеты на поезда или самолеты и... Да мало ли чем приходится заниматься спортивным администратором в условиях, когда чуть ли не каждая просьба вырастает в неразрешимую проблему.

Да, мы были далеки от излишнего оптимизма, однако же в целом (если оставаться реалистами и ни на мгновение не забывать, что жизнь наша отдана виду спорта, не посвященному в сан олимпийских) можно все же утверждать, что средний уровень национального тенниса был достаточно солидным — сужу, естественно, по меркам тех лет. Специально оговариваюсь, ибо именно в то самое время мировой теннис начинал свой стремительный рывок в будущее, в наши дни.

Может быть, и мы сумели бы оставаться по ч т и на уровне требований, и мы смогли бы принять вызов — соответствовать переменам, происходящим в мире, где теннис, как один из самых привлекательных видов отдыха и поддержания хорошей спортивной формы человеком любого возраста, приобретал все большую и большую популярность, если бы не...

Впрочем, прежде чем перейти к драматическим событиям, едва ли не окончательно подкосившим советский теннис, напомним читателям, быть может лишь недавно заинтересовавшимся этим видом спорта, о результатах, которых достигли наши ведущие мастера прежнего состава сборной. Эти успехи свидетельствовали, что мы и при наших скудных возможностях работали все-таки достаточно продуктивно. Имею в виду два выхода мужской сборной в четверку сильнейших в розыгрышах Кубка Дэвиса (1974 и 1976 годы), успехи нашей женской команды, выход в финал Уимблдона в мужском одиночном разряде Александра Метревели, его же достижения в миксте с Ольгой Морозовой, успехи Ольги в Уимблдоне и на открытом чемпионате Франции. Одним словом, мы могли на что-то надеяться, если бы не...

Если бы не 1977 год, когда было принято решение, которое жестоко ударило по теннису, причем решение это сохранило свою силу по 1983 год.

Москве была предоставлена высокая честь провести XXII Олимпий-

ские игры. Советский спорт напряженно и ответственно готовился к этому событию. Старались предусмотреть все, абсолютно все, исключить любую неожиданность.

Хорошо помнили историю, случившуюся ранее, когда десятки африканских государств решили покинуть Игры в знак протеста против участия в соревнованиях тех стран, которые поддерживали спортивные контакты с расистским режимом ЮАР. В теннисе же, как известно, спортсмены Южной Африки в то время играли заметную роль, в крупнейших турнирах участвовали не менее тридцати теннисистов с Юга Африки, и избежать встреч с ними можно было только в том единственном случае, если вообще отказаться от участия в турнирах.

Так и было сделано.

Теннисом было решено пожертвовать — во имя успеха Олимпийских игр в Москве: опасались протеста против соперничества теннисистов СССР в личных соревнованиях со спортсменами ЮАР, опасались громкого бойкота.

Наши теннисисты практически перестали выезжать за рубеж.

Коснулась нас Олимпиада и в другом плане. Теннис — не олимпийский вид спорта, и оттого многие наши базы были переданы тем, кто готовился к Играм в Москве. И без того скудные возможности сократились еще более. У теннисистов отняли зимние базы, сократили количество летних площадок.

Эта мрачная и скучная, безмерно опасная для развития нашего вида спорта полоса, приведшая к длительному отставанию, продолжалась до 1983 года, когда наверху было наконец снято табу на участие теннисистов в матчах против игроков из Южной Африки в личных турнирах. Но и после отмены решения 1977 года наша общественность еще долго не знала, что советские мастера начали играть с соперниками с Юга Африки. Если не ошибаюсь, даже в начале 1988 года проходила в нашей печати информация о том, например,

что Андрей Чесноков или Александр Волков играли с «американцами» Кристо ван Ренсбургом, хотя нет больше в мире болельщиков или специалистов, которые бы не знали, что этот теннисист — южноафриканец.

Оговариваясь, что принципиальная наша политика неизменна — мы против контактов с расистским режимом ЮАР и допускаем матчи теннисистов только в личных турнирах, только в личных соревнованиях, поскольку это неизбежно, поскольку иначе невозможно участие в турнирах «АТП-тур», «Большого шлема», «Крафт Джеренал Фудз».

Семилетняя полоса застоя практически уничтожила наш теннис на высшем уровне. Мы потеряли целое поколение одаренных мастеров, способных на штурм вершин мирового тенниса. Потеряли и резервы, которые надо было бы обыгрывать в международных соревнованиях на детском, юниорском, молодежном уровне. И если тот же Саха Волков впервые сыграл во Франции в тринадцать лет, то его старшие товарищи по теннису таких шансов в свое время не имели — они могли соревноваться только во внутренних турнирах, они так и не получили случая увидеть и понять, каким путем идет зарубежный теннис.

У ребят не было стимулов, они не представляли себе, к чему следовало им профессионально себя готовить.

Оттого мы и внутри страны потерпели урон — как в количестве занимающихся, так и в качестве игры. Снизился в целом средний уровень игры, а ведь именно солидный общий уровень — непременное условие для роста молодых спортсменов.

В 1983 году перед нами встали трудные задачи. Предстояло не только возродить отечественный теннис. Предстояло догонять мировой, который за годы нашей добровольной самоизоляции резко рванул вперед.

Рывок соперников был колоссален. Имею в виду не только рост мастерства лидеров. Еще важнее

другое — теннис превратился в индустрию, жизнедеятельность которой определяется миллиардами долларов.

Что же происходило в то время у нас?

В 1981 году произошло разделение сборных команд. Это было разумное решение. Невозможно управлять двумя командами, поскольку мужской и женский календари абсолютно разные и включают в себя разные турниры.

К счастью, к тому времени все более настойчивыми стали требования вернуть теннис в программу Олимпийских игр, и явились сначала слухи, а потом и уверенность, что такие требования не только серьезны, но и скорее всего будут учтены руководителями международного олимпийского движения. Понятно, что это внушало нам некоторые надежды.

Расширился штат гостренеров по теннису. Пришел Виктор Янчук, координирующий нашу деятельность. За женский теннис теперь отвечали Ольга Морозова и Евгений Поздняков, за мужские сборные Тарпищев и Анатолий Лепешин. Общий администратор — Сергей Фомин, врачи и массажисты появились и в мужской, и в женской команде.

Но главная радостная перемена была в ином — Госкомспорт пошел навстречу теннисистам, заметно расширил их международный календарь. Не скажу, что отныне уже все решено, будем реалистами, но конструктивные изменения происходят.

Одно из самых замечательных достижений тех давних лет — строительство в 1976 году спорткомплекса «Чайка» на набережной Москвы-реки, когда впервые удалось призовые деньги, заработанные теннисистами, превратить в покрытие для теннисных кортов. В этом безусловная заслуга Владимира Алексеевича Голенко, тогдашнего тренера, чьи поистине героические усилия увенчались успехом. Потом Голенко стал начальником Управления спортивными играми Госкомитета.

Почему вспомнил об этой базе? Да прежде всего потому, что теннис практически всю жизнь жил под дачками — чьей-то помощью, чьей-то лобезностью, хорошим отношением влиятельных лиц с игроками или тренерами. Но фундаментальной постановки дела быть не могло, все стояло спиной к теннису. Поэтому-то и помним корты, построенные за собственный счет.

2. Сегодня

В дни турнира «Вирджиния Слимз» в «Советском спорте» в числе других публикаций был напечатан разговор с Сергеем Викторовичем Волдаковым, тренирующим юную участницу турнира четырнадцатилетнюю Викторю Звереву.

На вопрос, были ли трудности в тренировках со Зверевой, тренер ответил:

— Каждый день одна и та же. Тренируемся мы в Ленинградском Дворце пионеров, места мало, и в нашем распоряжении всего половина корта...

Знакомая, к несчастью, картина. Напоминающие о себе и по сей день плоды тех лет, когда теннисисты считались спортсменами второго сорта.

Включение тенниса в число олимпийских видов спорта (еще не в программу очередных или предстоящих Игр!) многое нам дало. Прежде всего возможность по-настоящему вернуться в крупные международные соревнования. Теперь, как знают читатели, наши ведущие мастера участвуют в турнирах по собственному выбору, если, конечно, их рейтинг позволяет им рассчитывать на допуск в те или иные соревнования. Но как бы там ни было, необходимое количество турниров первые теннисисты страны теперь играют. Это и позволило нашей верхушке — Наталье Зверевой, Ларисе Савченко, Лейле Месхи, Наталье Мелведевой, Андрею Чеснокову, Александру Волкову, Андрею Черкасову, Андрею Ольховскому за-

нять максимально возможные, по их уровню игры, места в мировой таблице о рангах.

Позиции наших лидеров можно рассматривать, конечно, с разных точек зрения. Понимаю скепсис тех болельщиков, которые привыкли к постоянным и стабильным достижениям советских спортсменов в других играх, в других видах спорта, понимаю их неудовлетворенность нынешним положением отечественного тенниса в мире. Но понимаю и Филиппа Шатрие, президента Международной федерации тенниса (ИТФ), который в одном интервью в западном журнале выражал изумление по поводу успехов советских спортсменов: непонятно, как и за счет чего они добиваются побед. Во Франции есть абсолютно все условия для развития и подъема игры, но здесь сейчас только два классных мастера, Яник Ноа и Анри Леконт, а советский теннис располагает целой плеядой больших спортсменов, хотя там нет мало-мальски приличных условий ни для массового тенниса, ни для подготовки лидеров.

Полагаю, мнение Шатрие — а он, признаюсь, знает положение дел — отражает истинную картину развития популярного вида спорта в Советском Союзе, если оценивать его по меркам мирового тенниса, по критериям, которые приняты там.

За счет чего же пришли успехи к Зверевой, Чеснокову и их партнерам? За счет громадных усилий самих спортсменов и их личных тренеров и благодаря централизованной подготовке. Попробовали бы совершенствовать свое высочайшее мастерство Штеффи Граф или Иван Лендл в наших условиях! Любопытно, как бы они играли сегодня, если бы попали в начале своего пути и оставались бы и по сию пору в ситуации, где отсутствуют сколько-нибудь приемлемые условия для подготовки мастеров высшего класса?

К сожалению, у нас и сегодня нет фундаментальной основы, которая позволяла бы с оптимизмом смотреть в будущее.

Вот почему я считаю, что сейчас, при благоприятном отношении общественности к нашей игре, это важнейшая задача — создавать фундамент отечественного тенниса.

Что же, на мой взгляд, мешает его нормальному развитию и прогрессу?

Прежде чем ответить на эти вопросы, несколько штрихов, рисующих мировую теннис.

Сегодня теннис — это, как хочется подчеркнуть еще раз, мощная, развитая, широко разветвленная индустрия с оборотом в миллиарды долларов.

Популярнейший и доступный вид отдыха, ибо ракетки и спортивную форму можно приобрести самые разные — и дешевые, и немисливо дорогие, в зависимости от потребности и возможности.

Сегодня в мире теннис — едва ли не первое по популярности зрелище. Телерепортажи с крупнейших турниров, и не обязательно тех четырех, что составляют «Большой шлем», берут столько же стран, сколько заинтересованы в трансляциях с чемпионата мира по футболу.

Это десятки и даже (без преувеличения) сотни мастеров экстра-класса, считаются с которыми на корте обязаны все самые великие чемпионы — недаром даже Лендл, человек без нервов, всегда выступающий с предельной отдачей сил, уступил в одном из турниров теннисисту, занимающему 150-е место в списках АТФ. Иначе говоря, мировой теннис это сегодня тот вид спорта, где мастера десятков стран с полным на то основанием претендуют на победы. И если в иных видах спорта фаворитами считаются атлеты трех-четырёх-пяти государств, то в теннисе ситуация иная.

Помня про все это, давайте спокойно и трезво, без излишних эмоций разберемся в том, что происходит в нашем доме.

Результаты ведущих спортсменов во многом достигаются за счет централизованной подготовки в рамках сборной страны.

Сборная располагает средствами для проведения совместных сборов, у нас достаточно солидный всесоюзный календарь. Как опорные в основном используются базы в Юрмале, Ташкенте, Минске, Москве и Симферополе. Однако базы эти, к сожалению, оснащены из рук вон плохо. Говорю об этом, имея в виду возможность такой подготовки, которая позволила бы нам на равных соперничать с ведущими теннисистами мира.

Научное, теоретическое обеспечение осуществляется на базе ГЦОЛИФКа, руководит научной группой один из крупнейших знатоков мирового тенниса профессор Семен Павлович Белиц-Гейман. Этой группой для совершенствования мастерства наших ведущих спортсменов сделано многое. Здесь же замечу, что рассматриваю научные разработки Анны Петровны Скородумовой как едва ли не лучшие в мире. Заметную помощь оказывает нам и молодой ученый кандидат наук Ольга Жихарева.

Их работы — теория. Умная, интересная, полезная, не оторванная от повседневной нашей практики теория. Но до этой самой практики от теории немалая дистанция, ибо воплотить в жизнь, претворить в повседневность учебно-тренировочного процесса эти теоретические находки и советы ученых мы чаще всего не можем: нет для этого у нас условий, базы.

Теннис во всем мире давно уже стал круглогодичным видом спорта. Не потому только, что зимой мастера отправляются в Южное полушарие, но потому прежде всего, что повсюду и знаменитые асы, и рядовые любители тренируются и играют на закрытых кортах, которых предостаточно во всех странах, где теннис воспринимается всерьез. У нас же на всю гигантскую страну таких кортов не больше или чуть более сотни. Меньше чем в одном Лондоне или в одном Париже, где каждый сколько-нибудь заметный клуб имеет до полутора десятков таких кортов — без особых из-

лишеств, без архитектурных украшений, однако достаточно удобных и недорогих. Естественно, что при столь остром дефиците крытые корты отданы прежде всего в распоряжение ведущих спортсменов.

Но даже возможность тренироваться на крытом корте сколько твоей душе уютно сама по себе не гарантирует повышения класса сильнейших наших игроков. Чесноков каждый день проигрывает Ивану Лендлу или Борису Беккеру, Матсу Виландеру или Андре Агасси по количеству выполненных ударов приблизительно в полтора раза.

Проблема интенсивности тренировочного процесса стоит сейчас очень остро, так как игроки мировой десятки играют на уровне 26—28 ударов в минуту, а наши в тренировочном процессе работают на уровне 22—23 ударов. Мы не располагаем современным оснащением, чтобы вывести своих лидеров на эту интенсивность, а пытаться соперничать с первыми ракетками мира только за счет соревновательной практики чрезвычайно сложно, если возможно вообще. Мы же пока пытаемся компенсировать слабость нашего технического оснащения игрой с двумя спарринг-партнерами, что и не совсем этично, не уважительно к ребятам второго эшелона, да и дорого, поскольку приходится приглашать на сборы много игроков.

Женскому теннису в этом плане несколько проще. Там интенсивность ударов ниже, и ее нашим чемпионкам вполне могут обеспечить на тренировке партнеры-мужчины.

Разумеется, эта вынужденная мера никак не снимает принципиальной проблемы — серьезного материально-технического обеспечения теннисных центров, приобретения необходимого инвентаря.

И здесь самое время подойти к нашей основной проблеме — к детскому теннису.

Он находится в тягостном положении. При отсутствии сколько-нибудь серьезной базы, прежде всего закрытых кортов, этот вид спор-

та оказывается для детей сезонным — играют ребята только летом, в конце весны и начале осени, пока позволяет погода. Крытые корты заняты мастерами или отданы в аренду «престижным» организациям — детям же остается неудобное, чаще всего утреннее время, а ведь по утрам они в школе. Сложно заниматься по плану с ребятами и летом — родители увозят детей отдыхать, беспокоясь об их здоровье, о том, чтобы они подышали свежим воздухом.

Спрашивается, почему бы нам самим не вывезти на лето детей из города? Мысль интересная, конечно. Но куда везти юных теннисистов?

Хороших спортивных лагерей у тенниса просто-напросто нет. И потому мы ничего взамен предложить не можем.

Методические установки и предписания, которые могли бы направлять детский теннис в то русло, находясь в котором завтрашние Савченко и Волковы смогли бы подготовиться к большому мировому теннису, к соперничеству на самом серьезном уровне, в наших условиях, к сожалению, нереальны для исполнения.

Примеры издержек, связанных с проблемами в технической, тактической, любой иной подготовке детей, можно привести сколько угодно.

Почему, например, все наши ведущие теннисисты разных поколений имели общую слабость — удар справа?

Выстраивается интересная цепочка определенных закономерностей.

Все нормативные требования, спущенные сверху, далеки от реальной жизни. Режим наполняемости групп (у детского тренера в начальной школе обучения должно быть, как правило, три группы) требует, чтобы в каждом «классе» было четырнадцать человек. Но, не имея кортов, настаивать на таком количестве занимающихся — абсурд, нелепость.

Далее. Никак не увязываются од-

ни с другими и наши традиционные постулаты. С одной стороны, требование массовости, совершенно согласен, справедливое и разумное. С другой — требование готовить резервы теннисистов, которые завтра заменят Чеснокова и Звереву. Но как это соединить, коли тренер занимается не с тремя-четырьмя игроками, а сразу с большой группой? Как это совместить, если времени детям на кортах отводят мало? Как это претворить в жизнь, коли, занимаясь с октября по апрель полторы минуты в неделю, дети забывают напроцуп все то, что освоили летом?

Ребенок приходит в школу, и его начинают обучать азам игры. Но тренер, работающий с новичком, повязан по рукам бесконечным кругом обязанностей и обязательств. Прежде всего в силу сложившихся условий он нацелен на то, чтобы максимально быстро получить результат: не секрет, что тренера, уровень его работы и его профессионализм оценивают по результатам выступлений учеников в соревнованиях. Поэтому он вынужден не столько думать о перспективе подготовки классного мастера, сколько беспокоиться о том, чтобы его ученик завтра же, на ближайшем турнире обыграл своего соперника из другой группы, из другого города, из другой республики.

Получается парадокс. Набор детей, как правило, ведется с 7 до 9 лет. Возраст игры, развлечения, даже работы. Но не жесткого, безжалостного отбора. Однако едва ребенок пришел в школу, ему уже нужно как можно быстрее показывать результат, чтобы тренер не отбраковал его, чтобы он сохранил за ним место в группе, чтобы не утратил наставник к нему интереса и не занимался с ним в дальнейшем вполне формально, беспокоясь лишь об одном — о сохранении численности группы, предусмотренной требованиями.

Но вот ребенок принят в группу и даже закрепился в ней. Начинается обучение технике игры, которая

в теннисе, поверьте мне сейчас на слово, чрезвычайно сложна. Для освоения тех или иных технических приемов, разных по типу, по структуре движений ударов ребенок должен уже обладать соответствующей общефизической подготовкой — ловкостью и выносливостью, силой и гибкостью, развитым вниманием и... мало ли еще какими качествами и достоинствами.

Но эту комплексную физическую готовность лучше всего приобретать, исподволь используя развлечения, забавы, спортивные игры, дабы ребенку не прискучил теннис. Важно, чтобы он не бросил игру, чтобы психика его не ломалась на протяжении первых двух-трех лет занятий. Начиная же сразу, непосредственно обучать технике тенниса, технике исполнения различных ударов, преподаватель, будь он даже семи пядей во лбу, сильно рискует: ребенку не дано освоить эти движения, даже если подаются они методически безукоризненно, поскольку мышечный его аппарат к этому еще не готов. И оттого при форсированном обучении с первых же шагов наслаивается тот каскад ошибок, который невозможно потом исправить на протяжении всей жизни.

Ничуть не преувеличиваю. Припомните хотя бы наших лидеров предыдущего поколения, сначала Вадима Борисова, а затем Александра Зверева, способнейших мастеров, которые весьма посредственно выполняли удар справа.

Почему я говорю об этом именно ударе? Потому, что теоретически это самый мощный, самый эффективный удар, приносящий много очков. Он вроде бы самый простой в освоении и исполнении. Но если в детстве его начали осваивать не так как следует, если ребенок пытается выполнить его за счет включения самых крупных мышц, то неизбежно точка удара по мячу будет близко к телу и на уровне тела, хотя все ведущие теннисисты бьют по мячу впереди себя: выполняя удар за счет свободного маха.

Играя так на протяжении нескольких лет в детстве и юности, теннисист потом от этой своей ошибки избавиться не может. У больших мастеров, у Виландера или Беккера, скорость полета мяча достигается за счет махового движения, правильного и последовательного включения разных групп мышц в удар. Большинство же наших лидеров скоростью полета мяча похвалиться не могут, потому что бьют по нему, играют за счет элементарной физической силы, пытаются тем самым компенсировать пробелы в своем техническом оснащении.

Убежден, что пришла пора менять наши традиционные нормативные требования и установки. Давайте наконец признаемся, что невозможно совместить достижение высоких результатов, с одной стороны, и режим наполняемости учебных групп — с другой. Но если мы согласимся, что одно исключает другое, то не станем закрывать глаза и на ту очевидную истину, что пересмотр принципа наполняемости групп неизбежно повлечет за собой сокращение массовости.

Думаю, эти установки надо ограничить.

Первое, что предстоит решать нам в теннисе — строительство кортов, создание хотя бы летней базы. Надо иметь как можно больше площадок с любыми покрытиями, вплоть до асфальтовых. Теннис — чрезвычайно рентабельный вид спорта, затраты, вложенные в развитие его материальной базы, окупаются быстро и с лихвой. Но есть и еще один аргумент в поддержку резкого увеличения сети кортов — теннис доступен поистине всем возрастам и из всех видов спорта наиболее эффективен, если говорить о здоровье нации. Не случайно же, как нетрудно понять, он столь популярен в мире.

Следующее соображение. Теннис — комплексный вид спорта. Чтобы родился теннисист высочайшего класса, нужна и первоклассная функциональная подготовка игрока,

его здоровье. Равно важны, разумеется, все аспекты тренированности теннисиста, однако подчеркнем, что ведущие спортсмены обладают устойчивой психикой, хорошей мобилизацией нервной системы, показателем которой заключается, между прочим, и в том, что спортсмен в более трудных, подчас критических ситуациях играет сильнее (это видно на примере Чеснокова).

Конечно, есть люди здоровые от природы, но, как правило и в основном, функциональную подготовку надо вести целенаправленно и целестремленно с детства! Сейчас же в нашем теннисе и этот аспект формирования игрока высокого класса выпадает, ибо нет, во-первых, условий для занятий, во-вторых, все инструкции, спущенные сверху, не позволяют добиваться успеха, и, в-третьих, многие наши специалисты не умеют, к сожалению, квалифицированно решать эту проблему.

В первую очередь имею в виду детских тренеров, а ведь в теннисе после шестнадцати лет поздно формировать такие качества, как быстрота, реакция, внимание.

Выбор будущих чемпионов в теннисе затруднен и в силу нашей практики работы с детьми — тренеры принуждены ориентироваться на победителей, а побеждают, если говорить о детях и подростках, те из них, кто раньше развился, раньше повзрослел.

Я уже говорил, что от каждого тренера, в том числе и детского, у нас требуют прежде всего результат.

А в основной сетке всесоюзных соревнований в разных возрастных группах, как правило, 32 участника (раньше бывало и 24), реже — 48. Это означает, что республика получает в лучшем случае два места. А это, в свою очередь, значит, что там шанс заявить о себе еще меньше. Стало быть, и в целом в стране нет естественного отбора. Тем более что соревнований мало, значительно меньше, чем в большинстве «теннисных» стран.

Поскольку же возможность по-

пасть во всесоюзные соревнования невелика, ибо крайне узок круг участников соревнований, то победитель — мальчишка, раньше других повзрослевший, — играет в два раза чаще, чем его сверстники: у тех нет возможности проявить себя, и они постепенно отходят в тень, бросают теннис. Так пропадают таланты, которых мы не успели вовремя увидеть и поддержать. Гаснут невостребованные большим спортом, невостребованные завтрашним Уимблдоном юные дарования.

Вот так и получается, что мы часто работаем не с тем контингентом.

На эту проблему накладывается еще одна, связанная с тем, что теннис долгое время находился на задворках спорта.

Нучная группа провела однажды широкое обследование детей в ведущих московских спортивных центрах. Неожиданно обнаружилось, что в школах «Динамо» и ЦСКА ребята по сугубо теннисным показателям заметно уступают сверстникам с «Шахтера» или с Ширяева поля.

Специалисты долго ломали голову в поисках объяснения этого явления. Потом наконец догадались. Теннис не настолько популярен, чтобы соперничать с футболом или хоккеем, и в ЦСКА, «Динамо» все самые одаренные в двигательном отношении ребята проходили отбор прежде всего в футбольные или хоккейные секции, а уж неудачники, те, кого не взяли, шли в теннис.

На «Шахтере» же меньше сбивающих факторов, туда дети приходят именно в теннис, там нет такого соперничества со стороны хоккея и футбола, и теннисные тренеры имеют право первого отбора.

Еще одна примета давней непопулярности тенниса. Я о ней не раз рассказывал. Приходя в школы и приглашая в свои секции детей, мы сталкивались с тем, что для многих ребят теннис ассоциируется только с настольным теннисом.

Еще одно пагубное последствие небрежения теннисом, сказывающееся и сегодня.

В прежние годы способные теннисисты шли волнами, хотя волны эти и затухали одна за другой. Моих, например, сверстников, примерно равных по силам, было десятка полтора. Следующая волна (игроки, которые на пять лет моложе нас) оказалась ниже — их было человек 8—10, затем еще меньше — 5—7.

Кстати, почему это происходит? Потому, что один возраст забывает другой — тех, кто помоложе. Отсюда и провалы.

Провалы длительностью в пять-шесть лет стали приметой отечественного тенниса. Эта тенденция сохранилась, увы, и до последних лет. После Александра Зверева и Сергея Леонова, родившихся в 1960-м, пришли Андрей Чесноков, Александр Волков, Андрей Ольховский, Андрис Висанд, родившиеся в 1966-м (Саша — в 1967-м).

Сегодня, определяющее завтра

Я рассказал о том, что у нас было, и о том, что есть. Но одной констатации положения дел недостаточно. Требуются, несомненно, какие-то выводы и рекомендации.

Быстрого, сказочно легкого пути решения проблем нет. По крайней мере, я его не вижу. На немедленное выздоровление больного рассчитывать, к сожалению, не приходится.

Давайте запасемся терпением.

Проблем и трудностей — десятки. И если я назову не те, что кому-то из знатоков и специалистов кажутся самыми неотложными, не сердитесь на меня — я сразу готов согласиться с оппонентами. Вероятно, мой выбор приоритетов субъективен. Однако же выскажу то, что думаю.

Если начинать с «базы», то, с моей точки зрения, вести работу надо в двух направлениях.

Строительство общественных кортов и кооперативных, ведомственных и заводских, институтских и школьных, где могли бы заниматься абонементные группы или энтузиас-

ты-одиночки. Важно построить как можно больше и как можно быстрее корты для массового развития тенниса, для вовлечения в игру всех желающих. И вторая задача — расширять и укреплять базу специализированного тенниса, строить первоклассные корты, продолжая при этом работать по той методике, которую мы освоили и в соответствии с которой можно готовить мастеров высокого класса, чтобы и при наших невеликих пока возможностях воспитывать теннисистов, которые смогут всерьез рассчитывать на победы в турнирах «Большого шлема».

Следующая принципиальная проблема, требующая незамедлительного решения, — разумная и достойная оплата труда тренеров.

Если начать с ведущих, то здесь, вероятно, надо предусмотреть возможность поощрения педагогов, воспитавших наших лидеров. Найти возможность платить уже не только в рублях, но и в валюте — не за счет государства, разумеется, а только за счет призовых самого теннисиста. Здесь можно было бы идти по пути наших ближайших соседей и соперников, например, теннисистов Чехословакии.

Но таких примеров раз, два и обчелся. Важнее неизмеримо поощрение труда всей армии наставников, работающих в спортивных обществах, секциях, школах, спорткомитетах. Надо срочно пересмотреть и ставки, и сам принцип оплаты детского тренера. Пока это самая неблагоприятная в спорте работа. Нет абсолютно никакой материальной заинтересованности в самоотверженном, искреннем труде. Нет стимула для подготовки мастеров высокого класса. А ведь воспитать игрока сборной страны в наших условиях крайне нелегко. На выходе всего пять-шесть спортсменов, и попасть в эту дальнюю, едва видимую мишень нелегко, как бы ни была мала конкуренция. Давно, не только из нашего опыта известно, что успеха с детьми не добьешься, если не ста-

нешь вкладывать в работу с ними всю душу. Не случайно победы достигают те мастера, тренеры которых возлились с ними буквально как папы или мамы со своими чадами. Имею в виду не только Марата Николаевича Зверева, воспитавшего из дочери первоклассную теннисистку, но и Татьяну Федоровну Наумко, Наталью Леонидовну Рогову, опекавших своих учеников Андрея Чеснокова и Андрея Черкасова буквально по-матерински.

Самой жизнью поставлена перед нами требующая немедленного решения задача — создать такую систему, которая позволила бы заинтересовать тренеров в работе с детьми. Обеспечить за их нелегкий нервный труд те блага, которых они заслуживают.

Теперь давайте посмотрим, в каких условиях живут наши ведущие спортсмены: это подскажет, что нужно делать в ближайшем будущем.

Когда появились в печати разговоры об этих условиях, тотчас же явилась волна контраргументов, суть которых достаточно проста — теннисисты проводят в зарубежных турнирах по полгода, а то и по две трети года, получают за эти двести с лишним дней приличные суточные, к тому же в последнее время им стали выдавать и премиальные, так чего же им еще надо? «Зажрались», одним словом, наши звезды.

Ответить на эти упреки и легко, и трудно.

Все познается в сравнении.

Если сопоставить положение наших лидеров с тем, в котором пребывают их соперники по внутренним соревнованиям, то, разумеется, Зверева и Чесноков выглядят едва ли не богачами. Но если сравнить условия, созданные для Андрея и Наташи, для Лейлы Месхи и Ларисы Савченко, для Александра Волкова и Андрея Черкасова, т. е. для игроков мировой сотни, с условиями их коллег, занимающих те же позиции в мировой иерархии, то легко увидеть, что советские спортсмены живут не просто хуже, но в несколько раз хуже.

Говорю обо всем комплексе проблем. Не только о том, что на руки они получают значительно меньше, зарабатывая столько же. Говорю и о другом — об условиях для тренировок, для подготовки к соревнованиям, что в современном теннисе весьма немаловажно. Говорю и о возможностях добираться до турнира в другой стране, на другом континенте. Строжайшие регламентации, необходимость летать только самолетами «Аэрофлота» нередко не только ставят их в неловкое, трудное положение, но и выставляют, прямо скажем, в дурацком свете. Но об этом — чуть позже.

Давайте выберем точку отчета. Видимо, надо все-таки исходить из того, что мы стремимся к максимально удачным выступлениям Зверевой, Чеснокова и их коллег в международных турнирах, что наши лидеры представляют, простите за громкие слова, великую страну, потому и спрос с них и внимание к ним особые. Твердо убежден, что мы обязаны обеспечить ведущим мастерам достойные условия для успешных выступлений в турнирах.

Пока же трудности с питанием и размещением спортсменов постоянны, ибо наши нормативные требования ни в коей мере не отвечают тем условиям, в которых выступают сегодня теннисисты, приезжающие на турниры профессионалов высшего уровня. Не секрет, что теннис по своему «привилегированный» вид спорта — речь, понятно, не о том, что в него играют отпрыски королевских домов или миллионеры, но о том — и только о том! — что теннистам высшего уровня сегодня повсюду созданы поистине королевские условия, ибо в большой теннис включены огромные деньги, а теннисная индустрия связана с необыкновенно развитой даже в условиях Запада рекламой. Напомним, что заработки ведущих теннисистов от рекламы в несколько раз превышают суммы призовых, получаемых лидерами. И если только в мужском теннисе более шести десятков миллионов

(подсчитывается лишь выигранное в соревнованиях — суммы, которые приносит реклама, широко не обсуждаются), то легко представить себе, как выглядят на этом фоне наши ребята, вечно вынужденные подсчитывать, хватит ли им суточных, как и по сколько человек разместиться в номере, чтобы не выйти за пределы предусмотренных сметой командировки расходов на гостиницу.

Необеспеченность тем, что имеют соперники, скажем мягко, не воодушевляет наших лидеров. Недовольство зрело годами, пока не вырвалось наконец в начале 1989 года наружу, пока не заговорила об этом печать. И не только советская.

Много писали, например, о возмущении Чеснокова условиями, в которые он был поставлен во время турниров, проходящих в ФРГ в 1989 году. Не могли ему объяснить ни я, ни председатель Федерации тенниса летчик-космонавт Игорь Волк, бывший руководитель команды в той поездке, почему Андрей не может перелететь из одного города в другой, почему он обязан ехать поездом. Наши разъяснения, что так положено, если соревнования проходят в разных городах одной страны, не казались ему достаточно убедительными.

— Почему я должен трястись ночь в поезде, не спать, приезжать усталым, раздраженным, если час-полтора полета, и я готов играть?..

Добавлю, что по нашим правилам теннисист должен ехать вторым классом.

Время в дороге — без сна или без тренировок, если едет теннисист днем, повышению его боеготовности не способствует. Но ведь в теннисных соревнованиях возможности исправить промах, допущенный в дебюте, в первый день турнира, не существует. Проиграл — тотчас же «вылетаешь»: условия соревнований суровы.

Но теннис тот вид спорта, где оплачивается и поражение в первом же круге. И потому участие в турнире не может быть убыточным для

ведущих теннисистов: они играют в таких соревнованиях, где поражение и в стартовом поединке дает ему тысячи долларов. Вот почему даже неудача в первом же матче приносит игроку такую сумму, которой вполне достаточно для оплаты авиабилета на любой турнир.

В теннисе зависимость выступления от условий быта велика, ибо здесь очень многое определяется самочувствием спортсмена, нюансами его психологического и физического настроения.

Казалось бы, надо подходить к делу творчески. Однако и сегодня инструкция для нас непременно выше всего, даже очевидной возможности прибыли.

Вот в связи с этим тема для размышлений — о том, как, сэкономив на авиапереезде Чеснокова пятьсот или тысячу долларов, мы — Чесноков и государство, Спорткомитет, федерация — теряем на этом пять-семь тысяч: деньги сами, что называется, просятся в карман, однако... Зато мы свято блюдем инструкцию, которой впору отмечать полувековой юбилей. Хотите пример, который может быть показателем? Будьте любезны!

Наши теннисисты из команды Кубка Дэвиса принимали участие в открытом чемпионате США. А через две недели после окончания этого турнира ребята должны были играть матч Кубка Дэвиса в нашей стране. На грунтовых кортах, в Донецке. Все, кто так или иначе связан с теннисом, знают, что смена покрытий имеет огромное значение. Поскольку же в США играют на покрытиях типа бетонных, хотя это «не наш» бетон — значительно более мягкий, то естественно, что перед матчем в Донецке надо было сыграть на грунтовых кортах, чтобы теннисисты адаптировались к таким покрытиям. Потому и было запланировано участие Чеснокова и Волкова в турнире в Женеве. Это был единственный в то время турнир в Европе на подходящих кортах — играть же на других континентах было бы

неразумно из-за проблем акклиматизации.

Зная все наши «правила игры», я запланировал перелет Чеснокова и Волкова в Москву и отсюда в Швейцарию. Волков прилетел вовремя. Андрей же задерживался, ибо проходил в чемпионате США (1987 год) один круг за другим.

Из Нью-Йорка немало удобных рейсов в Женеву, но лететь прямо Чеснокову не разрешили: чтобы не тратить валюту. Он прилетел в Москву, где я нашел ему стыковку рейсов — на прямой полет «Аэрофлота» в Швейцарию Андрей не успевал. К сожалению, Чесноков не смог вылететь в Брюссель: самолет наш по каким-то причинам задержался, а потом лететь было уже бесполезно — на стыковку Андрей не успевал.

Нашего теннисиста оштрафовали на тысячу долларов, поскольку он заблаговременно не снялся с соревнований. Это обычная и самая мягкая санкция в теннисе. Но вот что любопытно — если суммировать штраф и те деньги, которые мог бы получить Чесноков за участие в турнире, даже если бы он и не то что его не выиграл, не то что не попал в финал, но даже проиграл бы в первом же круге, все равно эта сумма значительно превосходила бы затраты валюты на билет из Нью-Йорка в Женеву.

Подчеркиваю, чтобы кто-то не подумал, будто я оговорился, — даже в случае неудачи Андрей окупал затраты на билет.

Неразумность стародавних инструкций, которые никак не вписываются в мир сегодняшнего тенниса, и приводит к таким вот несуразицам.

У нас все еще принято все виды спорта ставить на один уровень независимо от того, приносит он доход или же, напротив, убыточен. Но шаблоны, накатанная колея в теннисе невозможны.

Знаете, почему это происходит? Парадоксальная, понимаю, мысль, и даже опасная, однако твердо убеж-

ден: причина в том, ни одна организация, занимающаяся теннисистами, не заинтересована в заработках, не в прибылях. Почему? Боюсь, кто-то обидится, но все-таки скажу — никому конкретно эта прибыль, возможная в теннисе, ничего не приносит — ни премий, ни тем более дополнительного заработка.

Тем и объясняются и пассивность, и равнодушие.

Все средства, заработанные в теннисе, растворяются в неизвестности, в общей казне. Теннис и теннисисты ничего не имеют от своих побед.

У зарабатываемых теннисистами денег нет хозяина.

Организация, которая курирует этот вид спорта, должна быть заинтересована в средствах, которые может принести наша игра. Чтобы тратить их на нужды своего вида спорта, на его развитие. Тогда исчезнут очевидные сейчас бесхозяйственность и безалаберность в ведении этих дел.

Ошибка противников перемен заключается в ложной посылке их аргументации. Они начинают считать заработки ведущих игроков, суммируют их призовые и приходят к выводу, что лидеры не покроют все потребности в развитии тенниса.

Не покроют. Если... Если вести дело по-прежнему. Но почему бы не сосчитать упущенное? Не учесть не поднятые нами, валяющиеся под ногами доллары, фунты, марки, франки?

О чем речь? О том, что лидеры могли бы зарабатывать в несколько раз больше, если бы умело использовалась реклама. Беда в том, что Звереву и Чеснокову представляют на внешнем рынке не специалисты.

Казалось бы, чего проще — прежде чем заключать контракт, посоветоваться со спортсменами, тренерами Управления спортивных игр Госкомспорта. Известно, в частности, что теннисисты живут за счет не столько призовых, сколько за счет средств, поступающих от рекламы. Лидеры получают за рекламу ежегодно мил-

лионы, многие миллионы. А мы? Фирма «Найк», в чьей форме играют Чесноков и его партнеры, уплатила 640 тысяч долларов за четыре года. За весь наш теннис. Я не экономист, но, честное слово, решил бы эту проблему в несколько раз лучше.

Показал эти страницы Чеснокову. Он сказал: «Да я бы один получил не меньше! А Волков, Черкасов заработали бы еще!»

Наши теннисисты получают от рекламы меньше, чем призовые, — позорный для нашего спорта парадокс. (Как правило, реклама дает в 4—5 раз больше, чем сумма выигранных призовых).

Конечно же, любой из наших лидеров мог бы договориться еще о паре рекламных нашивков на форму, мог бы зарабатывать и для себя, и для страны, для нашего спорта значительно больше.

Обкрадываем и государство и себя. Что это — «упущенная выгода советского спорта»? Да, раньше это невозможно было решить, а сейчас?

Возможен вариант — иметь своих юристов (по договору) в каждом регионе, которые будут уполномочены Федерацией тенниса представлять интересы наших игроков. Каждого в отдельности! Эти юристы знают сегодняшнюю конъюнктуру, в том числе и на рынке рекламы.

Еще один аргумент противников «излишнего» поощрения теннисистов. Мол, они получают больше, чем олимпийские чемпионы в других видах спорта.

Да, это так. И в то же время не так. Ибо они не «получают». Они зарабатывают, в отличие от своих коллег, замечательных спортсменов, которые имеют «несчастье» выступать в видах спорта, не окупающихся и не приносящих доходы.

Верно, наши теннисисты не первые в своем виде спорта. Но и оставаясь десятими, двадцатыми, тридцатыми, наконец, сотыми в мире, они тем не менее приносят неизмеримо больше валюты, чем их товарищи. Потому-то

вправе рассчитывать на какую-то ее часть.

Олимпийскому чемпиону по (вид спорта называйте любой)... деньги дает Госкомспорт, государство, а Зверева или Чесноков не берут у государства, но, напротив, приносят ему средства. Они берут не у государства, а у себя часть того, что они сами заработали.

Сложившаяся система подталкивала, в сущности (хорошо, что не успела подтолкнуть!), к негативным решениям и явлениям. Имею право писать об этом, поскольку не однажды говорил о своих тревогах руководству спорта на всех уровнях. Принципы выплаты призовых уже сами по себе, хотим мы того или нет, подталкивали игроков к деличеству и к прямому обману.

Вероятно, известно, что с каждым кругом в любом турнире гонорар участников удваивается, и если выход, скажем, в полуфинал крупных соревнований приносит спортсмену 40 тысяч долларов, а в финал — 80000, то у наших теннисистов всегда могло возникнуть искушение согласиться на предложение соперника проиграть матч. Те превосходно знают ситуацию с призовыми в нашем теннисе. И легко можно предположить, по крайней мере теоретически, такой вариант разговора:

— Поскольку ты, Андрей (Александр, Николай, Иван, Петр), ничего не получаешь, отдай сегодняшний матч мне, а половину из этих дополнительных сорока тысяч я передам тебе, и никто об этом не узнает...

Или ничего — или в кармане 20 тысяч долларов. Такая вот дилемма.

Но и соперник при подобном развитии сюжета не в накладе — 20000 он получает наверняка (а вдруг проиграл бы, если бы борьба была настоящей), да еще к этому добавьте солидную сумму очков АТП, присуждаемых за выход в финал и за победу над игроком, входящим, ну, скажем, в мировую двадцатку или тридцатку.

Кроме того, выход в следующий

круг дает сопернику заметную денежную прибавку, и из этого, не призового источника — возрастает его возможность в получении средств от рекламы. А теннисисты, скажу сразу, считать умеют!

Возможный поворот в турнирной борьбе? Я-то уверен в наших ребятах и могу настаивать со всей ответственностью, что такой обман немалым, но поверят ли мне: ведь искушение настолько очевидно...

Далее. Коли более пятисот инвалидов рублей теннисист не получит, как бы успешно и в каком бы турнире он ни сыграл, игрок начнет отказываться от трудных турниров, отдавая предпочтение небольшим, где эти самые деньги он может заработать без особых усилий. Так, например, строил свой график Андрис Висанд.

Да и тем же Чеснокову или Зверевой выгоднее было играть небольшие недельные турниры, возвращаясь вечером в воскресенье в Москву и в понедельник вечером отправляясь на следующие соревнования.

Система наших премиальных никак не стимулировала лидеров к участию в больших престижных турнирах, к игре с полной самоотдачей.

И еще. Понимаю, что задаю трудный, чуть ли не провокационный вопрос. А не подталкивала ли эта система к невозвращению на Родину, не нервировала ли она наших лидеров?

Теннисисты находятся за рубежом по две трети года, у них масса знакомых, приятелей, при тесном общении идет постоянное сопоставление — как живут они и как их соперники. Не могут молодые люди сравнивать свою жизнь, собственные возможности с тем, что имеют их сверстники, спортсмены того же уровня.

Проблемы, о которых я вспомнил, долго не решались, и стоит ли удивляться, что разразился тот скандал, который вызвал столь много разговоров и выступлений в печати.

С начала 1989 года Чесноков и

Зверева не отдают деньги в Госкомспорт (хотя исключения были), «ПроСерв» переводит их на счета спортсменов, причем в принципе ни один, ни другая не отказываются платить налоги государству. Денег они не тратят, не снимают их со счетов.

Теннисисты долго ждали, что им предложат какие-то условия, но с ними не разговаривали полгода, пока наконец новый председатель Госкомспорта Николай Иванович Русак не устроил полезную и продуктивную встречу с активом теннисной федерации, с игроками. На той встрече Николай Иванович и его коллеги по руководству дали принципиальное согласие на создание самостоятельной в юридическом и финансовом плане федерации.

Тем самым перед Зверевой и Чесноковым была поставлена проблема выбора, по какому пути они пойдут. Если они сами ведут все свои дела, тогда на них распространяется общепринятая система налогообложения с теми процентами, которые действуют для всех граждан, облагаемых налогом в соответствии с общими принципами, определяемыми суммами заработков.

Федерация тенниса СССР, досконально рассмотрев ситуацию и изучив аналоги в зарубежных странах, предложила игрокам иной вариант. Сразу скажу, что на него согласны все, кроме Зверевой и Чеснокова, которые пока (к середине октября 1989 года — Ш. Т.) не высказали своей точки зрения. Суть в том, что игроки получают 35 процентов, а их личные тренеры — 9, причем не из средств теннисистов, а из той суммы, что передается федерации. Спортсмены продолжают тренироваться в рамках сборной СССР по тем договорным обязательствам, которые существуют между федерацией и теннисистами.

Вроде бы очевидно, что предложенная система намного выгоднее, чем та, при которой игроки опираются на свои собственные расчеты и сами ведут свои дела.

Строки эти пишу, повторяю, в октябре 1989-го, и новая система налогообложения, которая вводится с 1 июля 1990 года, может несколько изменить картину.

Скажу и о том, что Наталья и Андрей недооценивают, на мой взгляд, ту поблажку, которая была сделана государством спортсменам и спортивным организациям, когда им разрешили платить в казну всего 20% с ввозимых денег.

Естественно, что новая система выплат может иметь отношение только к тем спортсменам, которые достаточно высоко стоят в мировой классификации, иначе говоря, окупают все свои расходы. Согласитесь, что те деньги, которые затрачивались и затрачиваются на спортсмена, должны быть возмещены. Выезжая на соревнования, спортсмен должен прежде всего компенсировать все расходы, а затем уже могут начинаться какие-то разговоры об отчислении им призовых. По моим подсчетам, такая система может распространиться на мужчин, которые входят в первые полторы сотни игроков, и на женщин, поднявшихся в число первых шестидесяти-семидесяти ракеток мира.

Решение спортивного руководства прогрессивно. Госкомспорт идет навстречу Федерации, понимая, что в сегодняшних условиях нужны новые принципы управления спортом. Ассоциация (или Федерация?) оставлены те деньги, которые и прежде шли из бюджета из года в год на развитие тенниса в стране. Будет действовать система госзаказа. Госкомспорт даст Федерации какие-то плановые задания по подготовке мастеров высокого класса и развитию массового тенниса.

Ассоциация, по нашим наметкам, приобретает юридические права, у нее свои валютный и рублевый счета.

Это решение, считаю, создаст предпосылки для продуктивной профессиональной работы самих теннисистов.

Твердо убежден, что Ассоциация должна и впредь опираться на Гос-

комспорт, никакого противостояния у нас быть не должно, все надо делать сообща — в одиночку мы эту махину не вытянем.

Ассоциация предполагает в перспективе создание индустрии тенниса, строительство кортов, предприятий, производящих ракетки, мячи, форму, обувь, инвентарь, создание клубов по месту жительства, организацию совместных предприятий. Ставим перед собой и задачу создания нескольких теннисных центров для подготовки спортсменов высокого класса.

В числе важнейших направлений нашей деятельности — развитие подлинно массового тенниса, при учете определенной поэтапности в решении теннисных проблем.

Рождение и укрепление Ассоциации теннисистов, демократической, с выборностью всех органов, влияющей, ведущей за собой весь многоцветный караван массового и детского тенниса — это поднимаящая и увлекающая нас задача. Для вовлечения в теннис новых людей, и молодых и не очень молодых, важно, по моим представлениям, создать в стране систему клубов. Множества клубов. Чтобы они — со временем, хотя бы — стали общедоступны.

Важна, с точки зрения организации соревнований, и система лигового тенниса.

Чтобы не отрываться в мечтах и планах от грешной земли, необходимо создать фонд тенниса. Эту задачу нам поможет решить, как я считаю, лишь успешное проведение турниров «АТП-тур» и «Кафт Джернерал Фудз» с умелым использованием и привлечением рекламы, спонсоров. Так, как это принято во всем мире.

Источником доходов станут членские взносы, отчисления клубов, вклады спонсоров, издание журнала «Теннис», ежемесячного, а может, и еженедельного. Но главное — индустрия.

Надеюсь, что через десять лет мы увидим другой теннис.

«Вирджиния
Слимз» — у
нас в стране

Московский дебют "ВИРДЖИНИИ СЛИМЗ"

Ольга Морозова,
старший тренер
женской сборной СССР

Года два назад на крупнейшем мужском теннисном турнире ко мне, узнав, что я из Советского Союза, подошла приятная, не очень молодая женщина и попросила передать ее приветы Ольге Морозовой. «Первой леди советского тенниса» — так назвала она выдающуюся нашу теннисистку.

С 1982 года Ольга Васильевна возглавляет женскую сборную команду СССР, под ее руководством в прошлом сезоне наша команда пробилась в финал Кубка Федерации. Естественно, что в дни московского турнира «Вирджиния Слимз» первая леди советского тенниса была самой заинтересованной его зрительницей.

Четверку полуфиналистов состязаний, названных «Москву интер-нэшнл», составили три советские спортсменки — Наталья Зверева, Лариса Савченко, Наталья Медведева и американка Гретхен Мейджерс, посеянная на турнире третьей: вслед за своей соотечественницей Пэм Шрайвер и Зверевой, и тем не менее победившая в финале Звереву. Наши девушки успешно сыграли в парном разряде. Видимо, потому появились разговоры, что турнир превратился в своеобразный вариант чемпионата СССР.

— Но ведь это обычное явление. вспомните, — поясняет Ольга Морозова, — как часто один из интереснейших турниров «Большого шлема» — Открытый чемпионат США превращался в арену соперничества хозяек кортов, чаще всего Крис Эверт и Мартину Навратиловой. Это тем более понятно, что женский теннис на высших этапах особенно консервативен — здесь позиции лидеров порой кажутся неприступными.

— Женский теннис — явление вообще особое. Вот об этом и хотел бы вас расспросить...

— Пожайлуста...

— Когда в западной печати представляют тренера Андрея Чеснокова — Татьяну Наулко, в скобках непременно предупреждают — женщина. Вероятно, такое сотрудничество большого мастера с тренером-женщиной представляется не совсем обычным. Насколько я знаю, Татьяна Федоровна и Наталья Леонидовна Рогова — тренер чемпиона

СССР Андрея Черкасова — чуть ли не единственные женщины, работающие с теннисистами, входящими в число первых ста ракеток мира... А как обстоит дело в женском теннисе? Есть ли, кроме вас, тренеры национальных команд? В октябре 1989 года в Токио проходил розыгрыш Кубка Федерации, так сказать, женский аналог Кубка Дэвиса, неофициального командного чемпионата мира... Были ли там тренеры-женщины или вы — редкое исключение?..

— Ну что вы, там было много бывших теннисисток, с которыми я когда-то встречалась на кортах. В Токио практически в каждой команде в той или иной роли была женщина. Например, у англичанок Энн Джонс и Сью Мэррин. У американок менеджер — Джо Энн Селма, тренер же на корте был мужчина. У французенок и теннисисток Чехословакии были и мужчины, и женщины. В общем, конечно, нас меньше, но едва ли не все капитаны национальных команд — женщины.

— Хорошо, с командами как будто бы ясно. А как складывается ситуация с личными тренерами? У Штеффи Граф — Павел Сложил. У ее соперниц?..

— И снова возможны варианты. Например, Хану Мандликову тренирует Бетти Стюв. Вирджиния Уэйд работала с Паскалем Парадисом. Конечно, не любая бывшая теннисистка соглашается на такую работу, она трудна во многих отношениях, однако же есть женщины-тренеры и у первых ракеток мира. Например, сейчас Мартина Навратилова пригласила Билли Джин Кинг: эта знаменитая теннисистка вела довольно удачно Мартину во время открытого чемпионата США. Роза Казалс помогала разным спортсменкам. Да и сейчас многие игроки, завершающие свою карьеру, становятся тренерами, если тому, понятно, способствует семейная ситуация.

Все же такая картина не слишком распространена в сегодняшнем спорте — не каждая теннисистка может позволить себе иметь и тренера, и спарринг-партнера: их оплата — достаточно дорогая затея. Конечно, лучше всего иметь такого тренера, как Сложил: он и ведет спортсмена, и выступает в роли очень сильного спарринга. Вероятно, это самый выгодный в денежном отношении вариант. А вот, например, упоминавшаяся мною Хана Мандликова имеет даже трех тренеров — в том числе и спарринг-партнера, и тренера по общефизической подготовке...

— А у наших лидеров, скажем, у Натальи Зверевой и Ларисы Савченко, есть партнеры по тренировкам на корте?..

— Конечно. Не бывает сборов, на которые мы не приглашали бы теннисистов-мужчин, выступающих в роли спарринг-партнера. Бывает, сразу привлекаем и четырех игроков. Да и выезжая на соревнования, я стараюсь пригласить на роль руководителя команды бывшего теннисиста высокого класса, который и сегодня смог бы помочь нам в работе на корте. Таймураз Кавули или Анатолий Волков — вот такого уровня теннисисты бывали с нами на турнирах. Бывает и Александр Богомолов...

— Вспоминую, что в Сеуле с вашими подопечными работал и Шамиль Тарпищев, старший тренер мужской сборной... —

— Да, там с нами сыграли странную шутку... Богомолов приехал только к концу турнира, вот и пришлось Шамилю Анвяровичу выручать нас...

— Прочитал, что вы недавно отлично сыграли в турнире ветеранов... Хотя, мне кажется, термин этот можно отнести к кому угодно, только не к вам. Видимо, вы и сами еще частенько выходите на корт?..

— Я постоянно на корте и пока плохо представляю себе, как можно работать тренером, не занимаясь со спортсменками практически, на площадке. Но... Парадоксальная с позиций мирового тенниса ситуация: мы живем настолько бедно, что мне часто невозможно попасть на корт. У сборной два корта, три, наконец, четыре, а теннисисток столько, что едва-едва хватает для них места: если выйду я, то займу чье-то место, и, следовательно, эта спортсменка уже не занимается с той нагрузкой, которую мне нужно было бы ей дать. А вот во время последнего сбора, в Юрмале, я могла выходить на корт с девочками, и если возникали какие-то проблемы с технической их подготовкой, то у меня была возможность спокойно поработать на площадке. Бывает даже, что я выступаю и в роли спарринг-партнера. Так случилось, например, когда мы с Лейлой Мехи были в Греции. Но жизнь моя сейчас складывается так, что главные нагрузки у меня в другом — в работе с бумагами, и оттого мне все труднее выступать в роли партнера на корте...

— Надеетесь на коллег-мужчин?..

— Знаете, я твердо убеждена, что женщины работают более тщательно, более скрупулезно отработывая все, что надо освоить ее ученику или ученице. Вы обратили внимание, что на первых порах всех наших лидеров вели женщины. Только женщины могут так искренне заботиться о семи-восемилетних малышах, опекать каждого как своего родного ребенка, по-матерински. Посмотрите любую теннисную секцию — с маленькими детьми работают только женщины. Потом, когда ребята и девочки взрослеют, набираются сил, опыта, становятся игроками, над ними начинают шефствовать тренеры-мужчины. С «клопами», где надо ставить технику, возятся женщины, а мужчины — старшие тренеры, директора баз и стадионов, руководители клубов.

— Принято считать, что у женщин есть свои особенности (или даже странности?) в отношениях друг с другом, свое видение мира. Это относится и к спорту. Не осложняют ли такие обстоятельства вашу работу? Или вам, как женщине, как человеку, понимающему,

что и как воспринимают ваши подопечные, не трудно разобраться во всех возникающих на корте или около корта коллизиях!.

— Да, вроде бы общепринята точка зрения, что у нас нервная система более подвижна и более подвержена различного рода влияниям. Считаю, что все это сугубо индивидуально. Бывают, согласитесь, и нервные мужчины. Но работа у тренеров, конечно, очень трудная. Постоянные стрессы. Велики психологические нагрузки. Добавьте к этому, что мы надолго оторваны от дома, а для женщины, на плечах которой семья, это крайне непросто. Сразу скажу, что если бы не мама и муж, которые ведут многие домашние дела, а бы просто не смогла работать тренером.

Есть и иная трудность. И она, поверьте, никак не связана с возрастом: пока лет своих не чувствую. Огорчает другое, более важное и принципиальное — работа ведется во многом впусую: как начала в 1982 году, так и по сей день решаю все те же самые проблемы, с которыми никак не справится наш теннис, — корты и экипировка, детский и массовый спорт, мячи и ракетки и так далее и тому подобное... Все тот же круг проблем.

— И все-таки какой-то прогресс есть. Меняется неизбежно и содержание игры. Теннисистки поднимаются к новым вершинам, осваивая то, что было неизвестно полтора десятка лет назад... Как вы считаете, есть ли в арсенале нынешних наших лидеров что-то, что было неподвластно вам... Есть ли какие-то технические приемы, которыми вы в такой степени не владели?

— Ну, конечно же, «фирменные» удары у моих игроков есть. Я, например, не обладала таким ударом слева, как Лариса Савченко, или такой подкрученной свечей, как Наталья Зверева. Уже сегодня их техническое оснащение намного разнообразнее, чем у мастеров моего поколения. Другое дело, что они не всегда используют в том или ином матче весь свой арсенал. В чем я им не уступаю!.. Пожалуй, в скоростных качествах. Но и это с поправкой на время...

— Здесь, на московском турнире «Вирджиния Слимз», самой юной нашей теннисистке Виктории Зверевой было 14 лет. Но она уже получила возможность сыграть в отборочном турнире, использовав «Уайлд кард». Не самый корректный вопрос — а вы се-

годня смогли бы ее обыграть. Или пока ей рано еще соперничать со старшим тренером сборной СССР!.. Впрочем, давайте сформулируем вопрос иначе — вы в 14 играли на уровне сегодняшней Вики Зверевой. Задаю вопрос этот только потому, что хочу уяснить для себя, как меняется уровень тенниса, хотя, еще раз оговариваюсь, всякое сравнение весьма условно...

— В Уимблдонский юношеский турнир я попала в 15 лет. В 15 же меня только в первый раз пригласили тренироваться в сборной. Играла ли я так же? Трудно сказать. Наверное, сейчас иной уровень тенниса. Но, с другой стороны, в 15 я обыгрывала соперниц из нашей десятки. Вика пока еще никого не обыграла, хотя должна признаться, к сожалению, что это не так уж и сложно. Трудно самой судить о собственном уровне. Но Вика очень хорошая девочка, и я думаю, самым серьезным соперницам придется потом с ней считаться...

— Если ли у нас шанс в организации таких турниров подняться на уровень, отвечающий мировым стандартам? Скажем, на уровень канадских турниров, о которых вы рассказывали на сентябрьском заседании президиума Федерации тенниса СССР?..

— Канадские турниры имеют давнюю историю и давние традиции, им по два десятка лет. Канадская федерация давным-давно начала предпринимать энергичные усилия, чтобы войти в элиту. Мы же только начинаем. Требуется разгон, требуется время, чтобы турнир приобрел весомость и солидную репутацию, чтобы нарастал его призовой фонд, что, в свою очередь, позволит нам со временем перейти в другую категорию. И если плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, то нигде не годятся и те организаторы турнира, которые не мечтают превратить его в выдающееся соревнование...

Получить турнир было нелегко. В свое время и я приложила немало усилий, чтобы решить эту задачу. Конечно, сегодня сказались и изменение положения нашего тенниса на мировой арене, и несомненные успехи наших девочек, не считаться с которыми теперь уже нельзя. А ведь еще год назад мало кто верил в реальность этой затеи. Понимаю, почему мне тогда не очень охотно помогали, — не хотели работать впусую.

Есть ли у нас перспективы? Считаю,

есть. Если хорошо оценят этот турнир. Если будем прогрессировать на мировой арене. Если приложит усилия Наташа Зверева, ставшая теперь одним из руководителей женского тенниса: она избрана в совет директоров WITA — Международной ассоциации женского тенниса.

— Читал в американских газетах, что Наташа заняла место Пэм Шрайвер, участницы нашего московского турнира, которая до нынешних выборов восемь раз попадала в этот комитет: неизменный президент WITA Крис Эверт дала высочайшие оценки деятельности Пэм...

— Да, все так и было. И теперь наша Зверева может сыграть заметную роль в современном мировом теннисе. Напомню здесь же, что сейчас мы можем рассчитывать на поддержку со стороны игроков: они считают, что надо расширять географию тенниса, и Москва, по едва ли не общему мнению, может стать заметной станцией на пути движения экспресса WITA.

Пэм хорошо работала, насколько я знаю, она вообще очень старательна, живая, общительная теннисистка. Но и у нее, конечно, были трудности.

— Однако вернемся к нашему турниру. Для его будущего, для повышения его авторитета, важна и иная форма деятельности. Надо, чтобы директор московского турнира, работники нашей Федерации регулярно выезжали на аналогичные соревнования, чтобы они были в курсе всего, что там происходит и что таким турнирам сопутствует, были в курсе всех новинок, чтобы наконец, что немаловажно, деятели международного тенниса знали и их в лицо, как людей «московского турнира». Надо, одним словом, пользоваться любой возможностью, чтобы укрепить свои позиции.

И еще одно соображение. В конце концов можно ведь изловчиться и найти возможность купить эту неделю.

В мире тенниса возможно всякое. Возможно, что у кого-то не идет турнир, и, находясь там, можно быстро сорентироваться и перекупить турнир — то ли с помощью каких-то спонсоров, то ли опираясь на поддержку людей из мира тенниса.

Короче говоря, надо активно жить этой жизнью, быть в WITA своими людьми.

— Считаете вполне возможным введение нашего московского турнира на новую орбиту?..

— Не боги же горшки обжигают! — Значение того, что происходило в октябре в московском спорткомплексе «Олимпийский», несомненно, выходит далеко за рамки просто «очередных» соревнований профессионалов?..

— Да, уверена, что турнир, как мощный локомотив, потянет за собой весь эшелон нашего тенниса. И в плане укрепления наших позиций в международном спорте. И с точки зрения внутренних наших оценок и критериев. Что я имею в виду? Вспомните матч Лены Брюховец с американской теннисисткой Кэти Ринальди. Соперница эта входит в число первых пятидесяти теннисисток мира. Иначе говоря, немалая величина в современном теннисе. И тем не менее наша спортсменка играла с ней на равных. Важно, бесспорно, что она выиграла, вышла в следующий круг, но не менее важно, что она играла на равных. Какая прекрасная школа! Психология «я могу» — это же самое главное для самоутверждения спортсмена. А кто-то из наших девочек, кому не пришла еще пора сыграть в таком турнире, в союзных соревнованиях на равных сражается с Леной, победившей саму Ринальди, и, в свою очередь, тоже проникается этим поднимающим и возвышающим — «Я могу!»

— Но уроки — не только в психологии. И в тактике игры, в оценке собственных действий тоже. Матчи с такими соперницами подталкивают к реальной оценке собственной игры, своей сегодняшней подготовки. Обнажаются слабости — скажем, пассивная игра, расчет на ошибку соперницы. Ход поединка подталкивал Брюховец к активным действиям, и это не менее важно, чем советы и наставления тренера.

Теория важна, но ведь живая практика игры еще весомее. И для Лены Брюховец, сражающейся на корте с Ринальди, и для ее подруг, которые наблюдают за матчем с трибуны...

— Наверное, это интересно не только тем, кто профессионально занимается игрой!.. Обратили внимание, что и на отборочном турнире собиралась не одна тысяча зрителей?..

— Да, для такого турнира зрителей у нас больше, чем бывает обычно. Знаю, видела не раз, сколько болельщиков приходит в первые дни в подобных турнирах в других странах.

— Турнир отражает картину нашего большого тенниса, положение дел в его верхнем эшелоне. У меня противоречивое мнение о сезоне 1989 года.

С одной стороны, наивысший успех — выигрыш парного разряда в турнире «Большого шлема», на открытом чемпионате Франции. Выдающееся достижение! С другой стороны, к московскому турниру «Вирджиния Слимз» все наши лидеры в мировой таблице о рангах опустились вниз. 1988 год Зверева закончила седьмой теннисисткой мира, Савченко была в двадцатке, Лейла Мехри в середине года — в тридцатке. Что произошло? Плановое снижение нагрузок? Волна неудач? Временное отступление? Или тот взлет был случайным?

— Вы правы... Некоторое отступление есть. Но почему? Год оказался очень сложным. Дело в том, что при всем значении профессионального тенниса для нас крайне важным представляли и успехи на Олимпийских играх. Гайки закручивались, закручивались, закручивались, и теперь надо немножко отступить. Как оценить выступления в Сеуле? Считаю, что точно отражено положение дел в нашем теннисе. Иногда мне даже кажется, что девочки сделали чуть больше, чем могли. Но одно для меня бесспорно — старались они всюю...

Послеолимпийский год труден во всех видах спорта. Начинается новый цикл, происходит снижение нагрузок, ведется пересмотр или уточнение позиций, взглядов, учебных методик.

Разумеется, нет и не может быть одной точки зрения на то, как надо работать в теннисе. Это сугубо индивидуальный вид спорта, и здесь, как нигде, широк простор для творчества.

В теннисе есть все возможности для того, чтобы и каждый спортсмен, и каждый тренер проявили себя, обнаружили миру собственный талант и потенциал.

Честно говоря, в 1989 году мои отношения с ведущими теннисистками несколько изменились — я только контролирую их работу. Не заставляю, как прежде, делать то, что, по моим представлениям, следовало бы им делать. Иными словами, теннисистки и их личные тренеры приобрели большую самостоятельность и свободу действий. В течение четырех предшествующих лет велся строжайший контроль за всей деятельностью спортсменок: как конкретно тренируются, чем занимаются в тот или иной день, как строят свой режим, что они едят и т. д. Был расписан весь день.

Сейчас ситуация иная. Девочки стали

профессионалами. Стало быть, они должны профессионально, а по меньшей мере — хотя бы серьезно относиться к каждому аспекту своей спортивной жизни и ко всему, что ей сопутствует.

Хочу посмотреть, к чему это приведет...

— А не упустите время!..

— Такая опасность, конечно, сохраняется. Но... Наверстаем, надеюсь...

— А как строятся ваши отношения с личными тренерами теннисисток, входящих в состав сборной СССР?..

— Всегда пыталась строить свои отношения так, чтобы мы понимали друг друга. Все годовые и перспективные планы составлялись мною, но, разумеется, с ведома и согласия моих коллег. Мы регулярно собирались на тренировочные сборы. Приезжали, как правило, и многие тренеры. Линию вела я, коллеги же энергично помогали. Мы выступали единым фронтом. Сейчас, повторю, все личные тренеры приобрели полную свободу. Однако считаю, что создание условий для тренировочного процесса — принимаемая моя задача, и я стараюсь с ней справиться.

— Как конкретно складываются теперь отношения?..

— Советуюсь прежде всего с тренерами. Например, если вижу какую-то ошибку у Ларисы Савченко, говорю ее тренеру Александру Богомолову о своих наблюдениях. Если Саша согласен с моим замечанием и советом, он его принимает. Не согласен — полное право не прислушаться ко мне.

Так было и с Маратом Николаевичем Зверевым. Теперь, однако, ситуация осложнилась... Вы знаете, я его понимаю. Для него сейчас важно самоутвердиться, показать окружающим, что он и без чьих-либо подсказок может плодотворно работать с Натальей. Тем более что он стал и ее менеджером. И у него полная свобода действий. Из чего я исхожу? Я работаю в Госкомспорте СССР, у меня высокая должность — тренер сборной страны, и я не могу, да и не хочу, быть надзирателем. Не стоит, наверное, мне что-то навязывать своим коллегам: могу только предлагать им что-то. А у каждого человека — у тренера и у самой спортсменки — должен быть выбор, особенно теперь, когда они уже стали профессионалами. Им, теннисисткам, виднее, нужно или не нужно то, что предлагает и советует старший тренер сборной. Мне кажется, что я вижу теннис правильно. Но мало ли что мне кажется — ведь и такой контракт

мент может быть у тех, с кем я работаю. Но чтобы не создалось у читателя превратное представление, будто у нас в сборной что-то сломалось, возникла конфликтная ситуация, сразу же скажу, что с тем же Богомоловым или с Теймуром Какулия, тренером Лейлы Мехри, я нахожу общий язык, и сотрудничество наше носит подлинно творческий характер. У нас остаются, естественно, какие-то расхождения, в частности, я считаю, что Саша проявляет иногда ненужную снисходительность, излишнюю мягкость в отношениях с Савченко, ему недостает требовательности, однако, он стоит на своем, и я вижу, что это иногда мешает Ларисе, а иногда, напротив, помогает. Но в основных требованиях мы не расходимся.

Что же касается Марата Николаевича, то у него иные взгляды на теннис. Что же ему решать, как тренировать дочь. Но я вижу, что полгода уже упущено. Имею в виду не спад в игре и в результатах, о котором вы говорили. Спад должен был произойти, потому что Наташе непременно, по моим понятиям, надо было бы заметно больше заниматься физической подготовкой. Это тоже привело бы к временному отступлению, но такой план действий был бы оправдан и понятен, поскольку за некоторым снижением результатов обязательно последовал бы подъем: Наташа имела и имеет все основания подняться в число первых пяти ракеток мира. К сожалению, задела на будущий сезон не получилось. Напротив, Наташа, как я считаю, потеряла многое из того, чем располагала. Боюсь, что Марат Николаевич не совсем точно оценил и почувствовал момент. Впрочем, может быть, я ошибаюсь?.. Посмотрим, посмотрим...

— А что все-таки подтолкнуло вас к решению предоставить теннисисткам столь большую свободу действий? Не спросят ли с вас однажды за... Ну, скажем, за то, что вы самоустранились от работы с ведущими мастерами?..

— Спросить могут. В любой день и за что угодно. Но я обязана, понимаю, обязана была считаться с изменением статуса спортсменок, с тем, что они подписали личные контракты с «Про Серв» и, следовательно, решили действовать самостоятельно. Не может быть прежнего характера отношений, когда старший тренер выступал в роли надзирателя. Теперь должно быть сотрудничество, в котором заинтересованы обе стороны. Что касается меня, я

готова помочь в любую минуту. Но навязывать профессионалам нормы работы, подготовки? Не серьезно. Они в первую очередь отвечают за собственный талант, за свою игру, за свои результаты. Неужели я и сегодня должна напоминать спортсменке, что она должна вовремя лечь спать, чтобы на завтрашнюю тренировку прийти отдохнувшей и свежей?..

— А как составлялись планы выступлений в 1990 году?..

— У Натальи и Ларисы есть свои адвокаты. Боюсь только, что хорошо зная экономику, эти их советчики хуже разбираются в спорте, в теннисе, в конкретных возможностях наших спортсменок. Составляя план на год, я увязывала турниры, официальные соревнования и неофициальные, коммерческие с планом тренировочной работы, с проведением учебных сборов (а для этого надо как минимум знать наши реальности, возможности спортивных баз), с внутренним календарем — в 1989 году все ведущие спортсменки смогли принять участие в чемпионате страны.

Лариса и Саша Богомолов предвительно советовались со мной. Я сказала всем личным тренерам спортсменок, что они должны представить мне эти планы, если они собираются и в дальнейшем сотрудничать с нашей Федерацией, с отделом тенниса. Это ведь моя работа — свести все воедино. Личный тренер должен обосновать реальность плана, возможности организации учебно-тренировочного процесса. Поэтому что, как бы ни стали обеспечены и знамениты спортсменки, тренеров-то их по-прежнему оплачивает Госкомспорт, как, впрочем, и аренду для них кортов, медицинское обслуживание и вообще всю прозу нашей нелегкой сейчас жизни. Так что контроль остается задачей тренеров сборной страны.

Моя задача заключается и заключалась в том, чтобы передать личным тренерам спортсменок свой опыт. Надеюсь, что-то им дала.

Думаю, наши тренеры — и женщины, и мужчины — будут набираться опыта. Тем более если мы прочно войдем в орбиту мирового тенниса и здесь, в организации турниров. Давайте рассматривать московский дебют «Вирджинии Слимз» только как начало.

У наших теннисисток все ещепереди.

Беседу записал Олег Спасский

«БИЗНЕС ТИМ» играет в Москве

«Большое, большое спасибо за прекрасную встречу теннисистов из Франкфурта. Мы очень благодарны за такой теплый прием. Еще раз большое спасибо. Хорст Коблишек, вице-президент». Такое телефаксное сообщение пришло на имя директора издательства «Физкультура и спорт» Василия Жильцова из ФРГ.

Казалось бы, мы знаем о теннисе многое. О теннисной технике и тактике, о методике тренировки и достижениях сильнейших игроков мира, о благотворном влиянии этой игры на здоровье. Но на этот раз речь пойдет о теннисе не столько как об игре, хотя игра была и весьма напряженная, сколько о новом, прежде неизвестном нам аспекте этой популярной игры.

Политика нового мышления, весьма активно проводимая в жизнь в нашей стране, довольно неожиданно получила свое развитие и на теннисном корте. Кто из самых заядлых любителей и знатоков тенниса слышал о командах «ФиС» или «Бизнес тим»? Впрочем, о существовании друг друга даже сами игроки этих команд узнали совсем недавно. Тем не менее встреча эта состоялась в Москве и прошла с большим успехом.

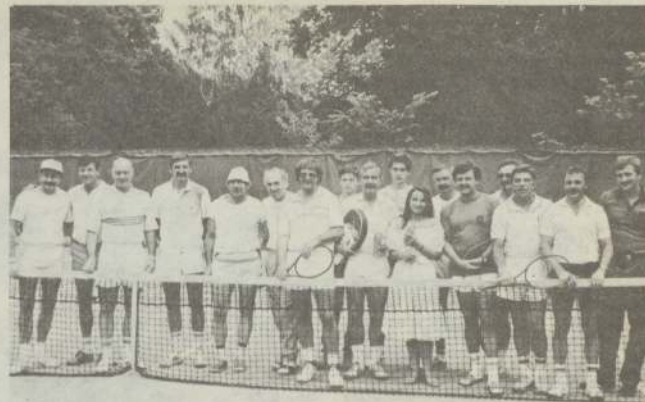
Предыстория этого теннисного матча такова. Некоторое время назад издательство «Физкультура и спорт», перестраивая свою деятельность, провело успешные переговоры с европейским филиалом всемирно известной компании «Уолт Дисней» о создании совместного предприятия. Одним из активнейших участников этих переговоров был вице-президент компании Х. Коблишек. Этот западногерманский бизнесмен ока-

зался еще и большим любителем тенниса. У него-то и родилась идея... международного матча любителей этой популярной игры.

Где-то с год назад в издательство «Физкультура и спорт» (сокращенно «ФиС») пришло из ФРГ письмо с предложением провести встречу теннисистов двух стран. Предложение исходило от теннисистов «Бизнес тим» из Франкфурта-на-Майне, над которыми шефствует Х. Коблишек.

И вот «Бизнес тим» летит в Москву на встречу с теннисистами «ФиС». И пока возглавлявший команду Коблишек вел очередной раунд переговоров по поводу создания совместного предприятия по выпуску детских книг с популярным Микки Маусом, на уютных кортах теннисного комплекса в Сокольниках шли сражения, по накалу страстей не уступавшие турнирам самого высокого уровня.

Что же это за «Бизнес тим»? Как явствует из ее названия — «Команда деловых людей», ее составляют бизнесмены. Но есть у нее своя особенность или, скажем, изюминка. Дело в том, что в состав команды входят бизнесмены, живущие не только в одном городе — Франкфурте, но и работающие на одной улице — Ханауэр ландштрассе, где находятся их офисы, пред-

приятия или магазины. Но есть и еще нечто объединяющее этих разных людей. Это безграничная любовь к теннису. Теннисисты из франкфуртской команды не ограничиваются только игрой в своих клубах или встречами между местными клубами. До приезда в Москву «Бизнес тим» уже сыграла с теннисистами австралийского Бадгаштайна и швейцарской Лозанны. Так что москвичам предстояло встретиться с командой, имеющей даже опыт международных состязаний.

Москвичам же подобный матч был в новинку. Команду «ФиС» составили сотрудники издательства и его постоянные авторы. Профессиональных теннисистов в ней не оказалось, хотя без титулованных спортсменов дело не обошлось. В составе команды хозяев играли даже два чемпиона Европы. Но один из них — Г. Аверин, ныне работающий директором одного из теннисных клубов, в свое время был чемпионом континента по теннису настольному, а другой — заслуженный мастер спорта И. Тер-Ованесян — по легкой атлетике.

В московской команде играли люди разного возраста и профессий — журналисты, педагоги, ученые, но всех их, как и гостей, объединяет любовь к теннису.

Двухдневный турнир принес победу с небольшим преимуществом москвичам. Но дело вовсе не в результате. Это были состязания, в которых не было проигравших, а только победители. Это был настоящий праздник тенниса. Язык спорта интернационален, а тенниса — особенно. Это ярко проявилось во второй день соревнований, когда по просьбе гостей игрались только парные игры, причем со смешанными составами. Каждую пару — эту микрокоманду — составляли москвич и гость из Франкфурта. И действовали они слаженно и самоотверженно. Даже дождь, периодически «подключавшийся» к игре, не мог охладить приподнятую атмосферу состязаний, не в силах был остановить игру.

«Раньше никто из нас не бывал в Советском Союзе, — рассказывал капитан команды гостей Хорст Штумпф, — и, честно говоря, летели мы с некоторыми определенными стереотипами представлений о вашей стране. И все-таки нам очень хотелось познакомиться с вашей таинственной страной, познакомиться с вашими людьми. И то, что мы увидели, превзошло все наши самые смелые ожидания. Жаль, конечно, что нам удалось провести в Москве всего четыре дня. Но, уверяю, они навсегда останутся в нашей памяти, в наших сердцах. И нам очень хочется, чтобы контакты с московскими любителями тенниса продолжались бы и дальше. Во всяком случае, на будущий год мы приглашаем наших новых московских друзей на ответный матч к нам во Франкфурт».

Действительно, стремительно пролетели эти четыре дня, что гости провели в Москве. Немного удалось им повидать, хотя побывали они в Загорске, совершили экскурсию по нашей столице. Но главное впечатление у гостей осталось от общения с московскими любителями тенниса. Даже на предложение прервать на время игры и поехать в гостиницу пообедать, гости дружно ответили, что не хотят терять время на такие пустяки, а побольше пообщаться с московскими теннисистами.

Теннисная фиеста закончилась, и «Бизнес тим» улетела домой. Но вскоре в Москву пошли благодарственные письма и открытки. «Никогда не забуду этой поездки в Москву, — пишет владелец предприятия спортивных товаров Вилли Альбец, игравший в «Бизнес тим» под вторым номером, — прошу передать мой привет всем моим новым друзьям и особенно моему партнеру Игорю».

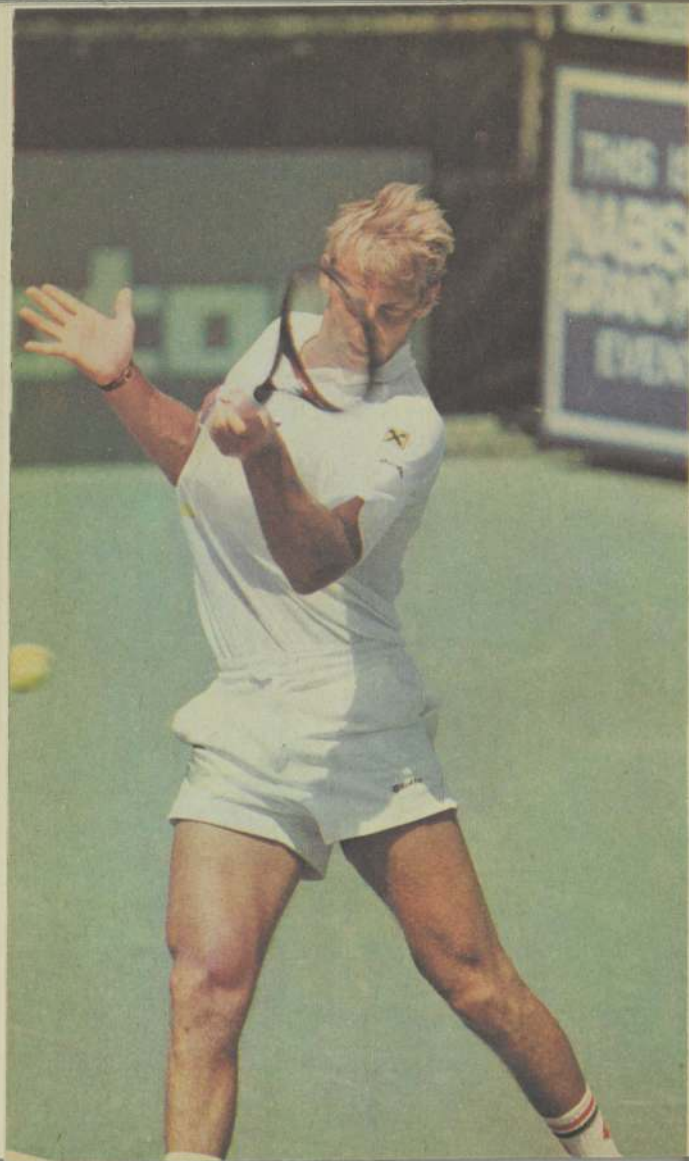
Вспоминая обстановку этого необычного пока состязания, так и хочется перефразировать слова основателя олимпийского движения П. Кюбертена, сказав: «О теннис, ты мир! Ты сближаешь народы...»

Большой теннис — это не только напряженное сражение на корте. Это и увлекательный спектакль, главные действующие лица которого — знаменитые мастера, такие как Иван Лендл (справа) или Пит Кэш (внизу слева).

Стремительно поднимался к вершинам мирового тенниса американец Андре Агасси (справа). На верхнем снимке — один из сильнейших игроков Словении Живойнович (Югославия), на левом — победитель многих турниров — Томас Мустер (Австрия).

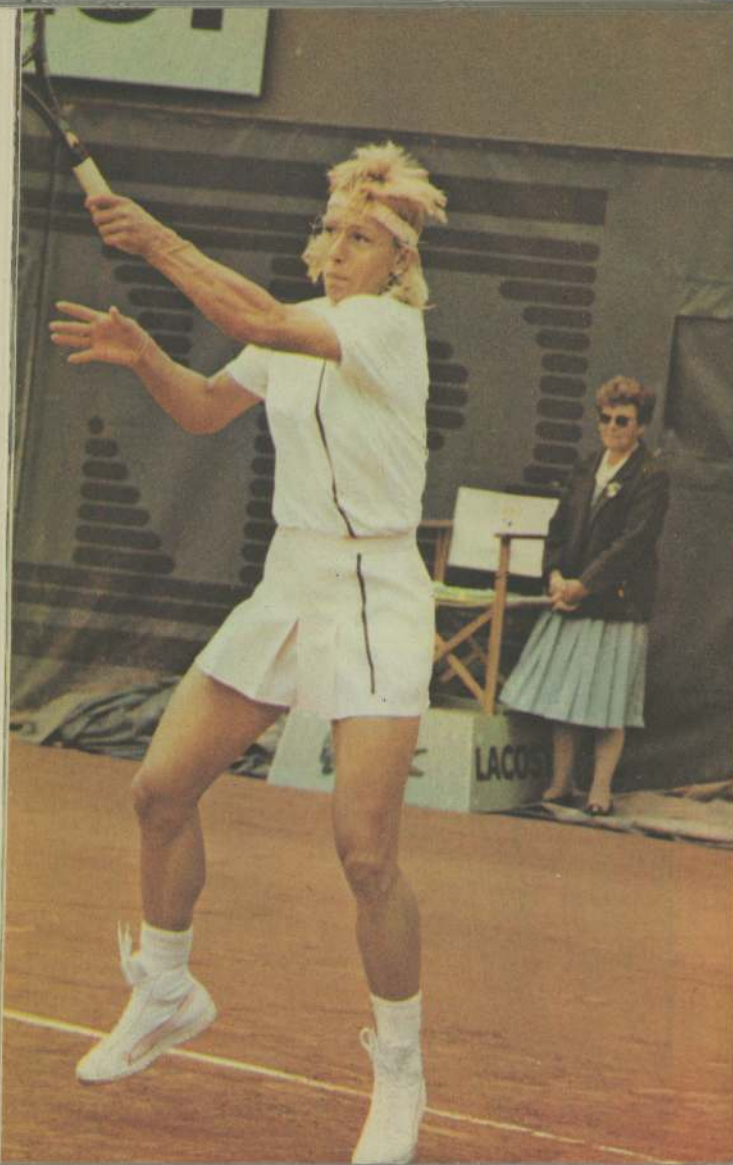

Когда на кортах асы,
свободных мест на
трибунах чаще всего не
бывает.
Теннис на высшем уровне
это —
и азартное состязание,
и высшая школа игры,
и зрелище, оторваться от
которого невозможно.
На правом снимке —
финалистки московского
турнира «Вирджиния
Слимз» (1989 г.) Гретхен
Мейджерс — она выиграла
решающий матч — и
Наталья Зверева

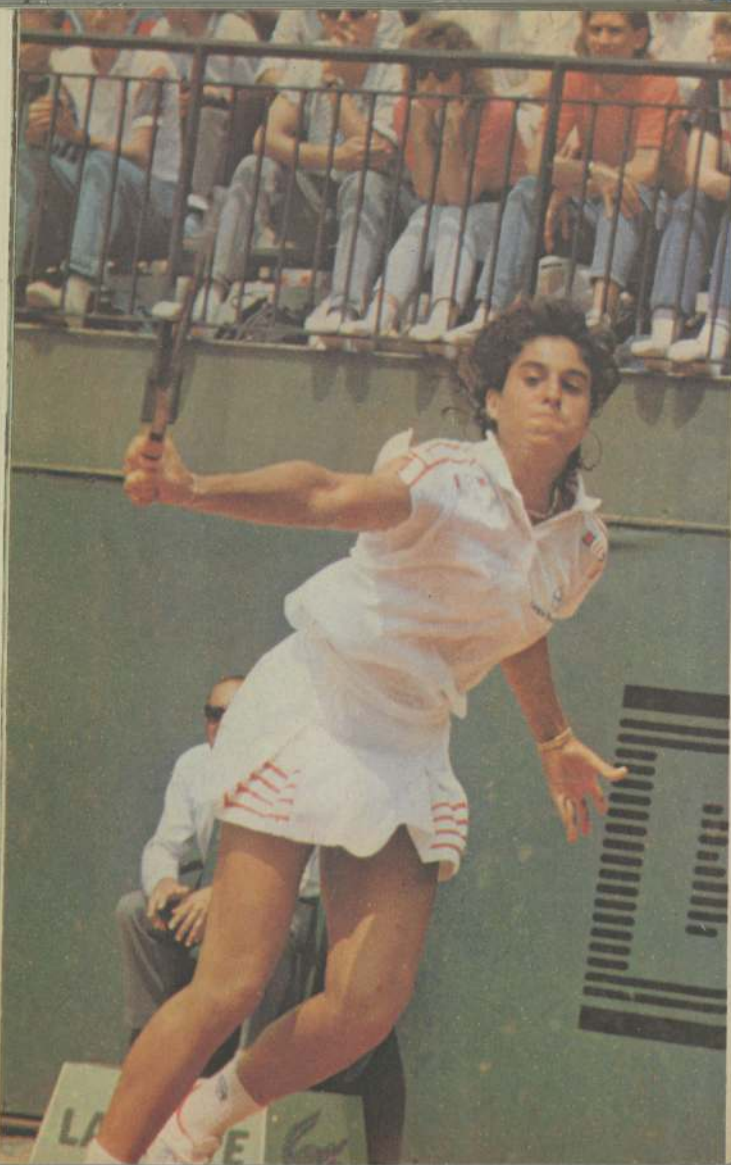

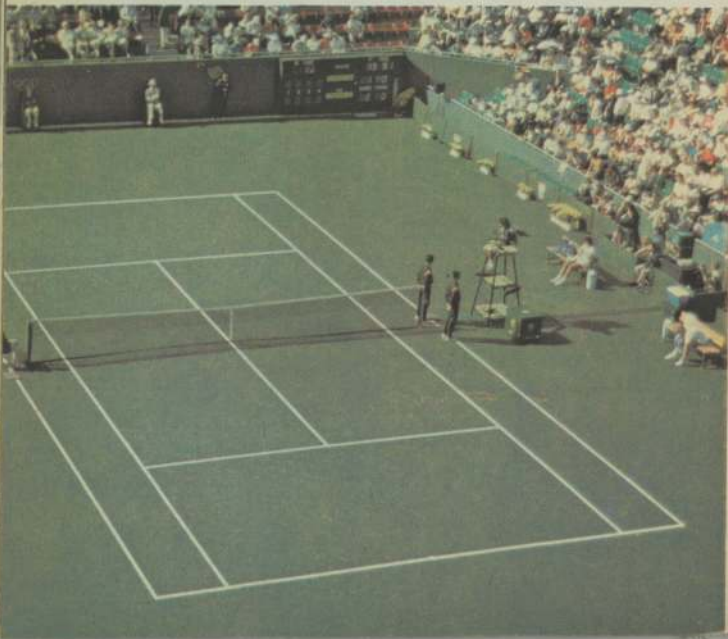
На левом нижнем снимке — Пэм Шрайвер (США) и одна из сильнейших в прошлом советских теннисисток Валерия Кузьменко (Титова)

И дети, и мастера
Две знаменитые
американские теннисистки:
слева — Мартина
Навратилова, справа —
Пэм Шрайвер

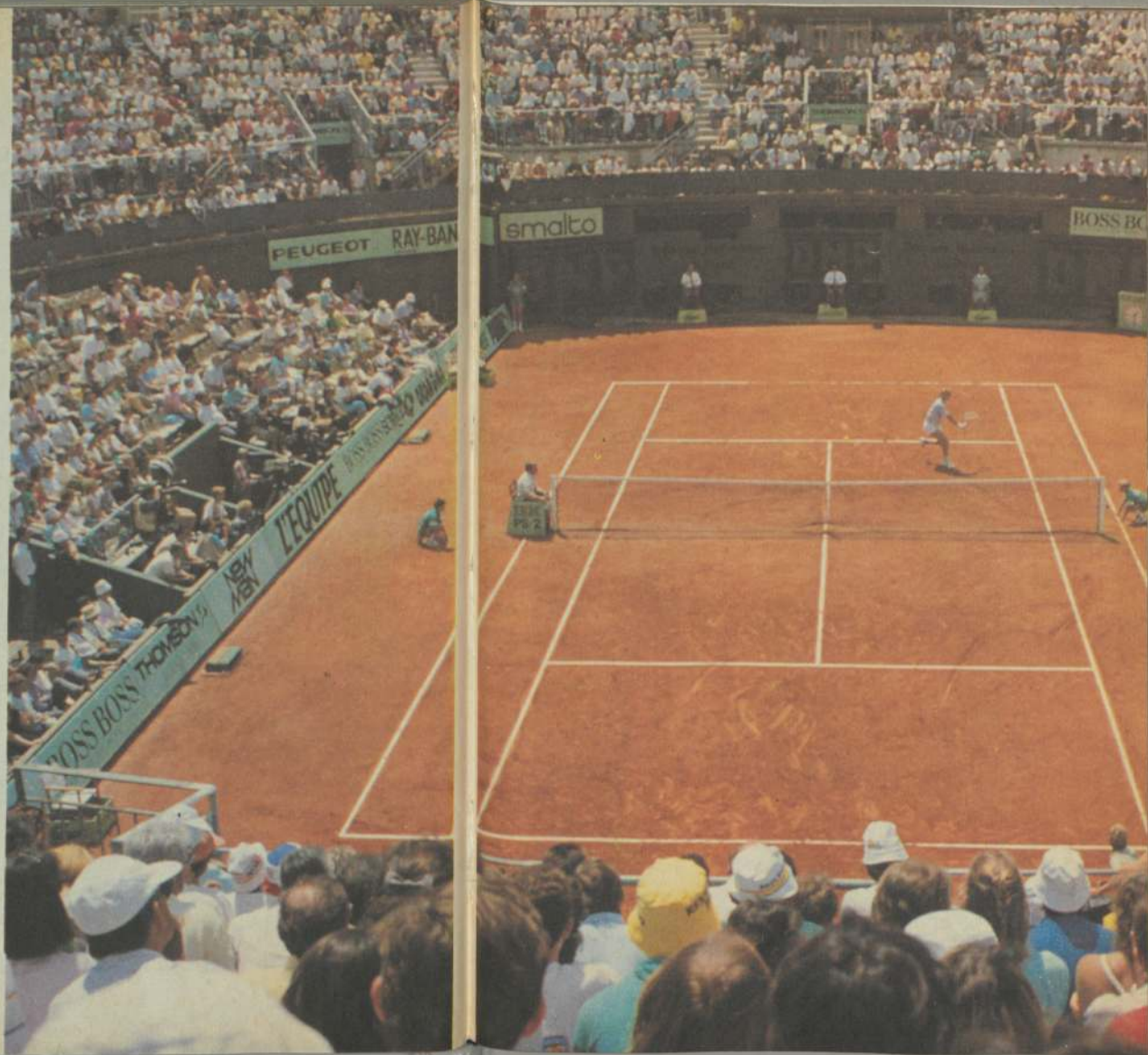
Лидеры женского тенниса. Увы, Крис Эверт (вверху слева) в 1989 году решила уйти из спорта. На верхние ступени в мировой таблице о рангах поднялись ее молодые соперницы. Новыми лидерами стали Штеффи Граф (вверху справа) и Габриэла Сабатини (слева)

Теннисный турнир —
самообразный праздник,
красочный фестиваль.
Тем более такой турнир из
серии «Большого шлема»,
как открытый чемпионат
США

На престижных турнирах
свободных мест на
трибунах не бывает.
Большой теннис — это
неизменно большой
спектакль

Ольга Васильевна Морозова, замечательный мастер, первая леди советского тенниса, возглавляет сборную СССР, основу которой составляют Наталья Зверева и Лариса Савченко. На верхнем снимке Марат Николаевич Зверев, отец и тренер Наташи.

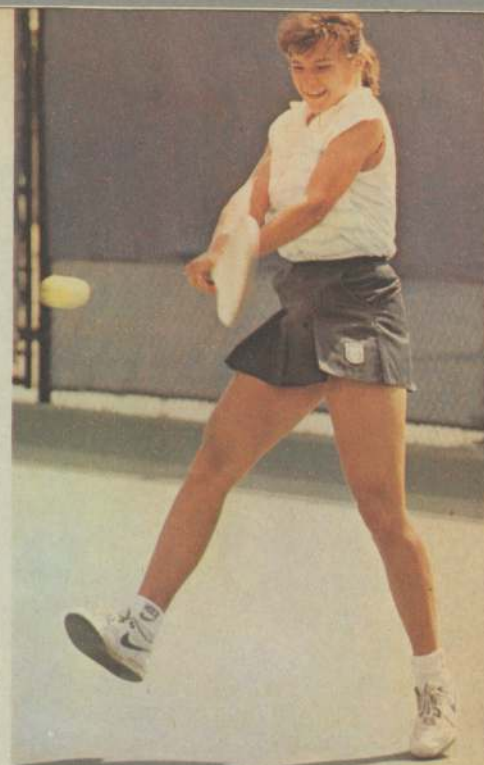
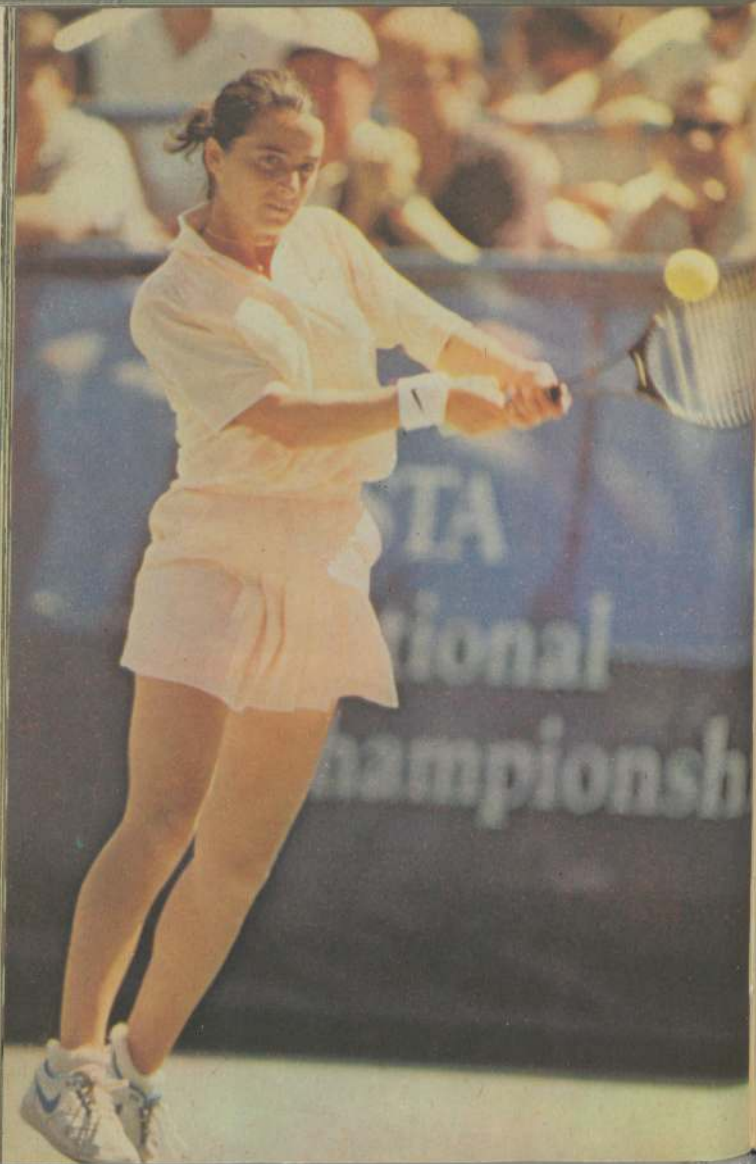
В 1984 год Наталья Зверева вступила седьмой теннисисткой мира. На ее счету немало замечательных достижений, ярких побед. Наташа стала признанным лидером советского женского тенниса.

Лариса Савченко — достойный партнер Натальи Зверевой. Лариса по праву считается одной из лучших теннисисток мира. Особенно сильно Зверева и Савченко играют в паре. Высшее их достижение — победы открытого чемпионата Франции в парном разряде в 1989 году.

*Лейла Месхи (слева) и
Наталя Медведева вошли
в число ведущих игроков
мира. Наталя Быкова,
недавно ставшая мамой,
тоже входила в первую
сотню сильнейших
тенисисток мира.*

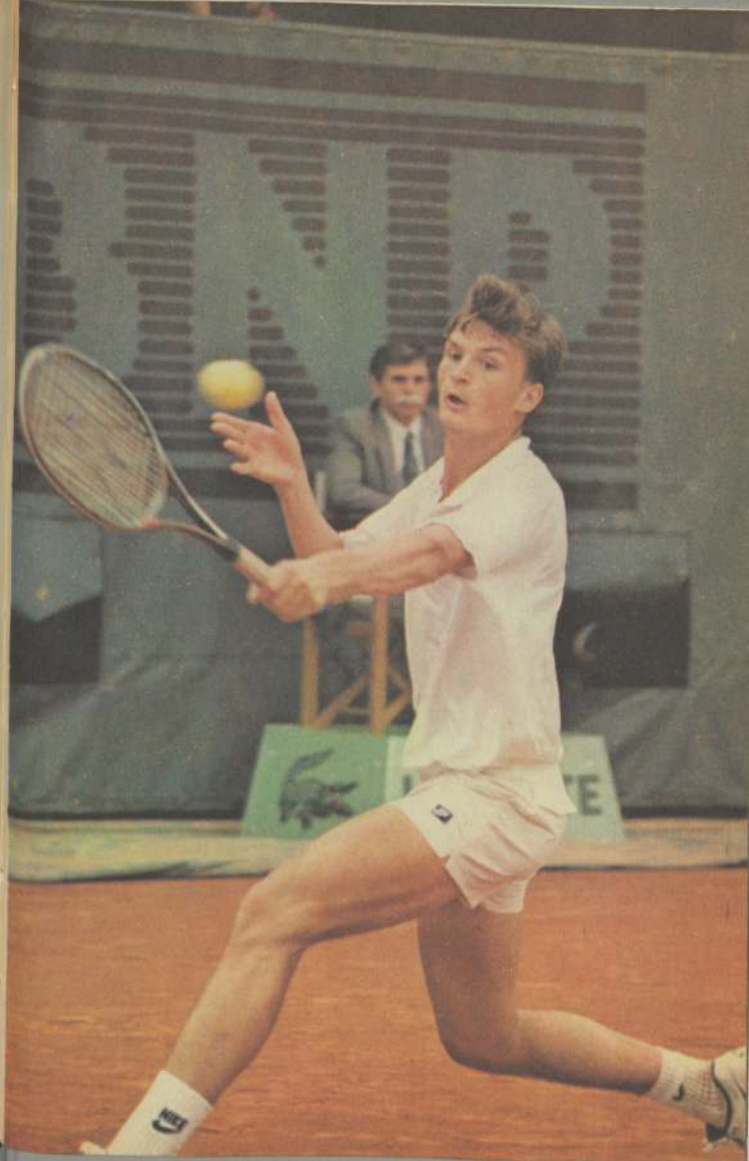
В 1989 году Андрей Чесноков выиграл два турнира «Гран-При» — в Ницце и Мюнхене, пробился в полуфинал открытого чемпионата Франции. Андрей, беспорный лидер советского тенниса, один из сильнейших спортсменов мира, постоянно окружен юными болельщиками.

На правом снимке
Александр Волков,
входивший в 1989 году в
тридцатку первых ракеток
мира, финалист турнира
суперсерии «Гран — При»
в Милане.

Андрей Черкасов (вверху
справа) и Андрей
Ольховский (слева) —
игроки сборной СССР,
участвующей в матчах
Кубка Дэвиса. Андрис
Власов (слева вверху)
в 1989 году отлично сыграл
в ряде международных
турниров.

Будни и праздники,
тренировки и турниры,
черновая работа на корте
и триумф в
соревнованиях —
такова жизнь в большом
теннисе.

Теннис: Альманах/Сост. Спасский О. Д.—
Т33 М.: Физкультура и спорт, 1990. — 160 с., ил.
ISBN 5—278—00304—9

В альманахе публикуются рассказы и стихи, очерки и статьи о теннисе, воспоминания и переводные материалы о зарубежном теннисе. Очерки рассказывают о крупнейших теннисных турнирах в нашей стране и за рубежом, о сильнейших и популярных игроках. Есть и материалы, представляющие биографии сильнейших теннисистов.

Адресован альманах широкому кругу читателей.

T 4204000000—063
009[01]—90 41—90

ББК 75.577

ISBN 5—278—00304—9

Недостаточно высокое качество отдельных документальных и событийных фотоматериалов объясняется тем, что в издании использованы редкие цветные и черно-белые фотографии из архивов авторов и репродукции из зарубежных изданий.

Научно-популярное издание

Теннис-90

Автор-составитель

Олег Дмитриевич Спасский

Редактор
Л. С. Борисова
Художник
В. А. Бондарев
Художественный редактор
Ю. В. Архангельский
Технический редактор
С. С. Басипова
Корректор
О. В. Мысягина

ИБ № 2762

Сдано в набор 21.02.90.
Подписано к печати 31.10.90.
Формат 60×90/16. Бумага
тип. № 1. Гарнитура Таймс.
Журн.-русл. Offsetная печать. Усл. п. л. 10,0. Усл.
кр.-отт. 25,0. Уч.-изд. л.
15,66. Тираж 80 000 экз.
Издат. № 8426. Зак. 862.
Цена 2 р. 50 к.

Орден Почета издательство
«Физкультура и спорт»
Государственного комитета
СССР по печати, 103030,
Москва, Калаявская ул., 27.

Ярославский
полиграфкомбинат
Госкомпечати СССР
150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

2 p. 50 н.

91-0596/2

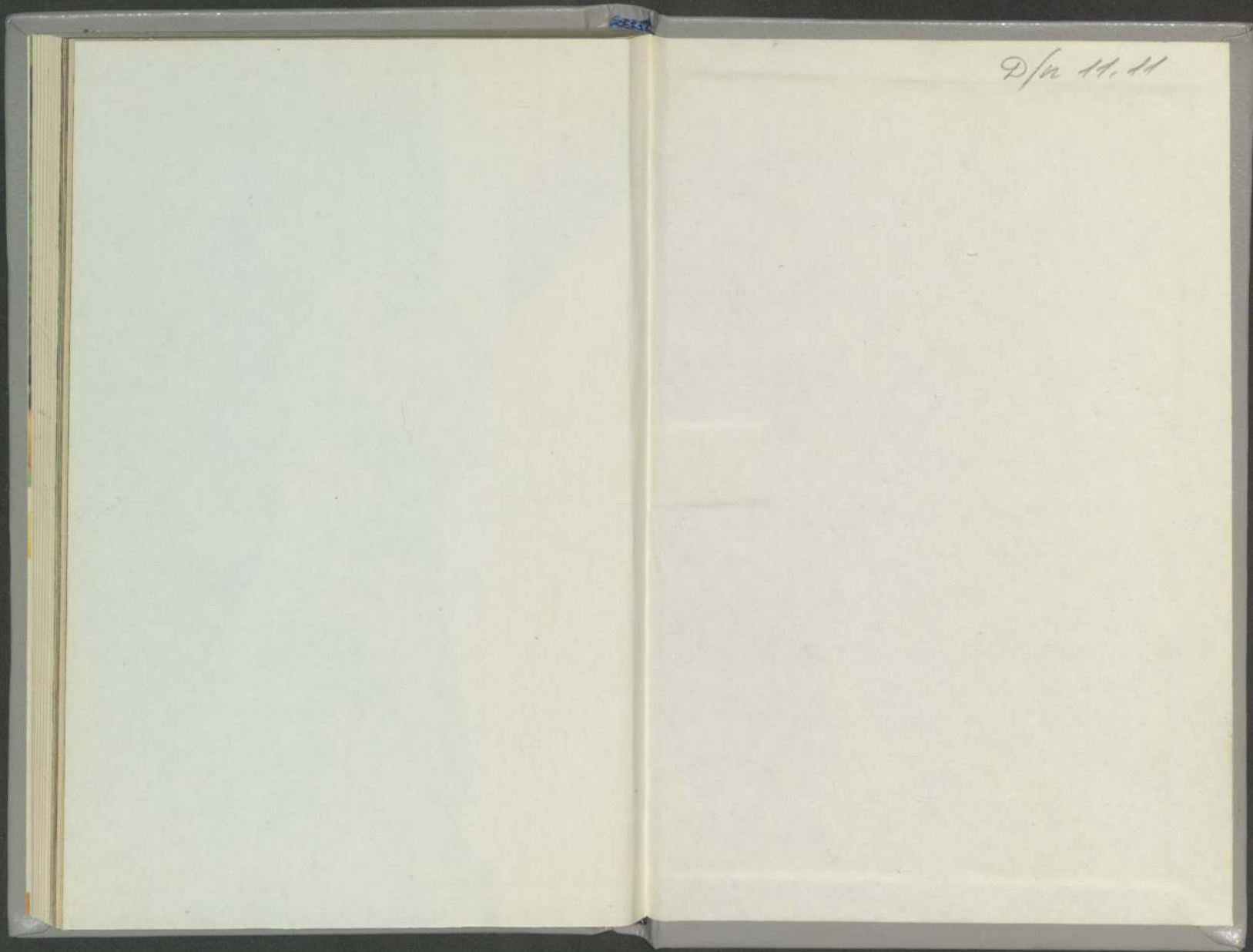
969

41

88

1990

D/n 11.11

п 41
88

1990